

УДК 338.124.4(1-662) ББК 65.9-97 С 65

Перевод с английского — С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца.

С 65 Сорос Дж.

Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. - М.: ИНФРА-М, 1999. - XXVI, 262 с.

ISBN 1-891620-27-4 (англ.)

ISBN 5-16-000002-x (русск.)

Имя Джорджа Сороса - выдающегося предпринимателя и филантропа говорит само за себя. Доктор Honoris Causa, крупный исследователь финансовых рынков и автор теории рефлексивности, Джордж Сорос почувствовал острую необходимость развить идею, изложенные в книге «Алхимия финансов», и сообщить миру о результатах своих новых теоретических поисков -предстоящем распаде мировой системы капитализма и угрозе, нависшей над открытым обществом. В августе 1998 года Джордж Сорос стремился спасти мировую финансовую систему от

разрушительной волны, возникшей в результате Азиатского кризиса и докатившейся до России. Он вел дневник. Прочитав книгу, а в ней отрывки из дневника, мы увидим хорошо знакомые драматические события этого периода глазами их активного участника. Джордж Сорос предпринимал гигантские усилия к тому, чтобы спасти еще не захваченные финансовым кризисом страны, в том числе и Россию...

Для всех, кого интересуют проблемы экономики, - политических деятелей и их советников, специалистов исследовательских институтов и аналитических ведомств, руководителей финансовых институтов и специалистов по финансовым рынкам.

УДК 338.124.4(1-662) ББК 65.9-97

ISBN 1-891620-27-4 (англ.) ISBN 5-16-000002-x (русск.)

Copyright © 1998 by George Soros © Перевод на русский язык и издание «Издательский Дом ИНФРА-М», 1999. © Photo by Sergei Guneyev/Time Magazine.

Права на издание книги были получены по соглашению с Perseus Books Group и Литературным агентством Мэтлок.

Благодарности

Несколько человек проявили большую заинтересованность и оказали мне огромную помощь в работе над рукописью. Анатолий Калецкий выступил в роли моего фактического редактора, оказав мне помощь в организации и придании большей доступности материала; Роман Фридман помогал в разработке концепции; Леон Ботстайн поднял многие интересные вопросы, по которым у нас состоялись живые дискуссии; Энтони Джидденс предоставил свои комментарии по нескольким вариантам рукописи; Билл Ньютон-Смит прояснил для меня ряд философских проблем; по настоянию Джона Грея я перечитал труд Карла Поляни *"Великое преобразование"* (*Great Transformation*).

Также необходимо упомянуть сделавших ценные комментарии Роберта Каттнера,

Джона Саймона, Джеффри Фридмана, Марка Маллока-Брауна, Арминио Фрага, Тома Глесснера, Ари Найера, Даниеля Канемана, Байрона Виена и Ричарда Медли. Приношу извинения тем, кого я забыл здесь упомянуть.

Книга не могла быть так молниеносно быстро напечатана без неустанной помощи моего секретаря Ивонны Шир. Хотите верьте, хотите нет, я впервые связался с моим издателем Питером Осносом 22 сентября 1998 года, а первые книги были отправлены 18 ноября 1998 года. Джеф Шандлер работал сверхурочно в качестве моего постоянного редактора. Снимаю шляпу перед Питером и его коллективом, а также выражаю большую благодарность Крису Далю, рекомендовавшему мне его.

Содержание

Благодарности	2
Содержание	2
Предисловие	4
Вступление	6
ЧАСТЬ 1. СТРУКТУРА КОНЦЕПЦИИ	10
1. ОШИБОЧНОСТЬ И РЕФЛЕКСИВНОСТЬ	10
Мышление и реальность	11
Теория рефлексивности	11
Неопределенность	12
Рефлексивность в истории идей	13
Рефлексивная концепция истины	14
Интерактивное представление реальности	14
Два варианта ошибочности	15
Радикальная ошибочность	16
Личный постскрипtum	17
2. КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ	18
Рефлексивность в общественных явлениях	19
Рефлексивность и ученые, занимающиеся общественными науками	19
Критический анализ экономической теории	21
Проблема ценностей	23
3. РЕФЛЕКСИВНОСТЬ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ	25
4. РЕФЛЕКСИВНОСТЬ В ИСТОРИИ	45
Цикл подъем - спад деловой активности	55
Структура концепции	69
Режимы	78
Идеальные режимы	83
Открытое общество	88
Разграничительные линии	96
Вопрос ценностей	104
Общество, построенное на сделках	112
Два вида ценностей	123
Фундаментальные принципы	129
Практическая целесообразность	136
Ненадежное среднее состояние	146
5. ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО	157
Открытое общество как идеал	160
Относительность универсальных идей	167
Просвещение	175
Нравственная философия	188

«Обремененная личность»	196
Принципы открытого общества	204
ЧАСТЬ II. НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ В ИСТОРИИ	216
6. СИСТЕМА МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА	226
 Абстрактная империя	235
 Неполный режим	245
 Капитализм <i>versus</i> демократии	257
 Роль денег	270
 Кредит как источник нестабильности	283
 Асимметрия, нестабильность и сплоченность	296
 Будущее мировой капиталистической системы	310
 Цикл подъем - спад	317
 Рыночный фундаментализм	322
 Триумф капитализма	331
7. МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС	353
 Азиатский кризис	356
 Конец «азиатской модели»	368
 Нестабильность международных финансов	379
 Роль Международного валютного фонда	408
 Краткий обзор	418
 Россия	430
 Эксперимент в режиме реального времени	440
 Предвидя будущее	553
8. КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ КРАХ	575
 Чрезвычайные меры	583
 Долговременные реформы	594
 Валютные режимы	610
 Производные инструменты, свопы и спреды	621
 Хеджевые фонды	636
 Контроль за движением капитала	642
9. НАВСТРЕЧУ ОТКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ	656
 Отличие рыночных ценностей от социальных	661
 Представительная демократия	676
 Возврат к подлинным ценностям	697
10. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ	718
 Геополитический реализм	723
 Отсутствие мирового порядка	730
 Предупреждение кризисов	740
 Открытое общество как общая ценность	750
11. ПЕРСПЕКТИВЫ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА	760
 Европейский союз	766
 США	776
 ООН	786
 Программы для США	797
 ОБ АВТОРЕ	815

Предисловие

Первоначальной целью написания книги было разъяснение философии, которой я руководствовался всю свою жизнь. Я стал известен как преуспевающий финансист, а позднее и филантроп. Иногда я чувствовал себя гигантским желудком, поглощающим

деньги с одного конца и проталкивающим их к другому концу, но на самом деле между двумя этими этапами было много умственной и эмоциональной работы. Концепции, сформированные в студенческие годы, задолго до того, как я стал заниматься финансовыми рынками, определяли как мою финансовую, так и филантропическую деятельность.

На меня оказал огромное влияние Карл Поппер, доктор наук, чья книга «*Открытое общество и его враги*» (*Open Society and Its Enemies*) объяснила смысл нацистского и коммунистического режимов, силу которых я испытал на себе еще подростком в Венгрии. Оба режима имели общую черту: они претендовали на знание высшей истины и навязывали миру свои представления силой. Поппер предложил другую форму общественной организации — форму, признающую, что никто не имеет доступа к высшей истине. Наше понимание мира, в котором мы живем, — несовершенно по своей сути, а совершенное общество — в принципе недостижимо. Мы должны довольствоваться тем лучшим, что мы можем иметь. Однако несовершенно общество может постоянно совершенствоваться. Поппер назвал такое общество открытым. Тоталитарные режимы были врагами такого общества.

Меня увлекли идеи Поппера о критическом мышлении и научном методе. Но я воспринял его идеи критически и позднее разошелся с ним по одному важному вопросу. Поппер утверждает, что одни и те же методы и критерии не могут применяться как к естественным, так и к общественным наукам. Меня же поразило необыкновенно важное различие: в общественных науках мышление является частью предмета самой науки, в то время как естественные науки рассматривают явления, происходящие независимо от того, что думает любой субъект о предмете. В силу этого к естественным наукам, в отличие от общественных, применима модель научного метода Поппера.

Я разработал концепцию *рефлексивности*: механизм двусторонней обратной связи между мышлением и реальностью. В то время я изучал экономическую науку, и рефлексивность не вписывалась в экономическую теорию, оперировавшую тогда концепцией, заимствованной из Ньютонской физики, а именно концепцией равновесия.

Концепция рефлексивности оказалась очень полезной, когда я начал заниматься финансами. В 1979 г., когда я заработал больше денег, чем мне было необходимо, я создал фонд, названный «Открытое общество». Я решил тогда, что его целью должно стать оказание помощи открытым обществам в том, чтобы они стали более жизнеспособными и могли сформировать внутри себя критический способ мышления. Через данный Фонд я был тесно вовлечен в процесс дезинтеграции советского общества.

Отчасти в результате этого опыта, а также частично на основании своего опыта и знаний капиталистической системы я пришел к заключению, что концептуальные рамки, в которых я работал до этого, стали уже тесными. Я попытался изменить формулировку концепции открытого общества. По определению Поппера, открытому обществу противостояли закрытые общества, основанные на тоталитарных идеологиях, однако недавние события научили меня тому, что угроза открытому обществу может также исходить из другого источника: отсутствия общественного согласия и отсутствия правильного руководства.

Я изложил свои взгляды в статье «*Капиталистическая угроза*», опубликованной в февральском номере *The Atlantic Monthly*. Данная книга, к написанию которой я приступил вскоре после публикации статьи, замышлялась как более развернутое и тщательное изложение этих идей. В моих предыдущих книгах я излагал эту концепцию в приложениях или в связи со своими личными воспоминаниями. Теперь же я решил, что ей необходимо уделить особое внимание. Мне всегда очень хотелось понять мир, в котором я живу. Верно это или нет, но я почувствовал, что добился определенного прогресса, и мне захотелось поделиться своими достижениями.

Однако первоначальный план этой книги был нарушен всемирным финансовым кризисом, который начался в Таиланде в июле 1997 г. Я изучал недостатки мировой капиталистической системы, но делал это не спеша. Я был хорошо осведомлен о событиях

Азиатского кризиса, моя компания по управлению финансами по существу предсказала кризис за шесть месяцев до его наступления, но я не имел понятия о серьезности его последствий. Я объяснял, почему система мирового капитализма была не достаточно надежной, но вплоть до «черного» августа 1998 г. в России я не осознавал, что эта система фактически разваливалась. Неожиданно моя книга приобрела новый актуальный смысл. В ней я изложил концепции, в рамках которых можно было бы понять причины быстро развившегося мирового финансового кризиса. Я решил тогда, как можно скорее сдать книгу в набор.

Мое представление о финансовой ситуации было кратко изложено в выступлении в Конгрессе США 15 сентября 1998 г., где я, в частности, сказал:

«Система мирового капитализма, которой мы обязаны необыкновенным процветанием нашей страны в последнее десятилетие, трещит по швам. Сегодняшний спад на фондовых рынках США является всего лишь симптомом, к тому же запоздалым, говорящим о более глубоких проблемах, поражающих мировую экономику. Некоторые фондовые рынки Азии испытали более серьезные спады, чем крах на Уолл-стрит в 1929 г., кроме того, их национальные валюты упали до незначительной доли их стоимости в тот период, когда они были привязаны к американскому доллару. За финансовым крахом в Азии последовал экономический крах. В Индонезии, например, исчезли все предшествующие завоевания уровня жизни, которых удалось добиться за 30-летний период правления Сухарто. Остались современные здания, фабрики, инфраструктура, но осталось и население, ранее занимавшееся сельским хозяйством. В настоящее время Россия пережила полный финансовый крах. Этот крах представляет собой поистине ужасное зрелище, он будет иметь неисчислимые человеческие и политические последствия. Эта инфекция распространилась также и на Латинскую Америку».

Прискорбно, если мы будем оставаться самодовольными, думая, что большинство проблем происходят вне наших национальных границ. Мы все являемся частью системы мирового капитализма, которая характеризуется не только свободой торговли, но и — что гораздо важнее — свободным движением капитала. Система создает благоприятные условия для движения капитала и ведет к быстрому росту мировых финансовых рынков. Ее можно представить в виде гигантского круговорота, всасывающего капитал в финансовые рынки и институты в центре и перекачивающего капитал на периферию - либо непосредственно - с помощью кредитов и инвестиционных портфелей, либо косвенно - через многонациональные компании.

Вплоть до кризиса в Таиланде в июле 1997 г. центр активно всасывал и перекачивал деньги, росли масштабы и значимость финансовых рынков, а страны на периферии могли получать вполне достаточно капитала — для этого им надо было только открыть свои рынки. Наблюдался быстрый подъем деловой активности во всем мире, на его фоне особенно активно росли развивающиеся рынки. В 1994 г. был момент, когда более половины всех поступлений во взаимные фонды США направлялись в фонды развивающихся рынков.

Азиатский кризис изменил направление движения капитала. Капитал начал уходить с периферии. Сначала изменение направления потока принесло выгоду финансовым рынкам в центре. Экономика США была на грани перегрева, и Федеральная резервная система рассматривала вопрос о повышении учетной ставки. Азиатский кризис сделал увеличение ставки весьма нежелательным, и снова фондовый рынок воспрянул. Экономика оказалась в очень выгодной ситуации: дешевый импорт сдерживал внутренние инфляционные давления, а фондовый рынок взлетел на новую высоту. Активность в центре давала основания для надежд, что периферия тоже может оправиться; и действительно, с февраля по апрель 1998 г. большинство азиатских рынков восстановили примерно половину своих потерь. Это был классический пример рынка с понижающейся конъюнктурой.

Затем наступил момент, когда бедственное положение на периферии не могло быть выгодным для центра. Я полагаю, что мы достигли этого момента во время краха в

России. У меня есть три причины так думать.

Одна из них заключается в том, что кризис в России вскрыл определенные недостатки в международной банковской системе, которыми ранее пренебрегали. Помимо риска потенциальных убытков, отраженного в собственных балансовых отчетах, банки занимаются покупкой иностранной валюты в обмен на национальную с последующим ее выкупом, форвардными операциями и операциями с производными ценными бумагами на межбанковском рынке, т.е. между собой - и с клиентами. Эти операции не отражаются в балансовых отчетах банков. Они постоянно соотносятся с состоянием рынка, и любая разница между себестоимостью и рыночной стоимостью компенсируется переводом наличных средств. Это, как предполагается, должно свести на нет риск невыполнения финансовых обязательств по кредитам, или дефолта. Масштабы рынков свопа, форвардных и производных ценных бумаг — огромные, а маржа - крайне незначительная, т.е. суммы, с которыми совершаются операции, во много раз превышают капитал, реально используемый в коммерческой деятельности. Операции образуют цепочку со многими посредниками, и каждый посредник имеет обязательства перед своими партнерами, не зная того, кто еще вовлечен. Риск операций с конкретными партнерами ограничен путем установления кредитных линий.

Эта сложная система пережила сильное потрясение после развала российской банковской системы. Российские банки отказались выполнять свои финансовые обязательства, но у западных банков остались обязательства перед их собственными клиентами. Не было найдено никаких путей зачета обязательств одного банка против обязательств другого банка. Многие страховые фонды понесли такие большие потери, что их были вынуждены ликвидировать. Разницы между ценами продажи и предложения были нарушены, и многие профессионалы, занимающиеся арбитражными операциями с различными производными ценными бумагами, также понесли значительные убытки. Схожая ситуация возникла вскоре после того, как Малайзия закрыла свои финансовые рынки для иностранцев, а руководящие денежно-кредитные учреждения Сингапура в сотрудничестве с другими центральными банками предприняли немедленные ответные действия. Была определена нетто-позиция по неоплаченным контрактам, убытки были поделены. Удалось избежать потенциального обвала всей системы.

Эти события заставили большинство участников рынка ограничить риск потенциальных убытков. Банки лихорадочно пытались ограничить риск потенциальных убытков, уменьшить внешнее финансирование и свои риски. Упал курс банковских ценных бумаг. Начали формироваться уже мировые кредитные проблемы. Эти проблемы уже сегодня ограничивают поток средств на периферию, но они также начали затруднять доступность кредитов и для национальных экономик. Например, уже закрылся рынок высокодоходных, но высокорисковых «бросовых» облигаций.

Это подводит меня ко второму моменту. Трудности, переживаемые на периферии мировой финансовой системы, столь велики, что некоторые страны стали выходить из мировой системы капитализма или просто оказываются выброшенными на обочине. Сначала Индонезия, а потом и Россия пережили почти полный крах, но то, что произошло в Малайзии и, в меньшей степени, в Гонконге, в некотором смысле еще более угрожающее событие. Крах в Индонезии и в России не был преднамеренным, но Малайзия сделала свой выбор сознательно. Ей удалось нанести значительный урон иностранным инвесторам, чтобы получить временное облегчение, если и не для экономики страны в целом, то для ее руководителей. Облегчение заключается в возможности снизить процентные ставки и оживить фондовый рынок путем изоляции страны от внешнего мира. Такое облегчение может быть только временным, поскольку границы ненадежны и деньги будут продолжать покидать страну незаконными способами; последствия будут катастрофическими для экономики, но местные капиталисты, имеющие связи с режимом, смогут спасти свои предприятия, если сам режим не будет сметен. Меры, предпринятые Малайзией, нанесут удар по другим странам, которые пытаются оставить свои рынки открытыми, поскольку эти

меры приведут к утечке капитала В этом смысле Малайзия встала на путь политики «нищего соседа». Если это сделает рынок Малайзии более привлекательным по сравнению с рынком ее соседей, то у такой политики найдутся последователи, что еще больше затруднит попытки других стран поддерживать открытость своих рынков.

Третий основной фактор, способствующий дезинтеграции системы мирового капитализма, заключается в очевидной неспособности руководящих международных кредитно-денежных институтов удержать систему от распада. Очевидно, что программы Международного валютного фонда (МВФ) не работают, кроме того, у Фонда закончились средства. Реакция руководителей стран «Большой семерки» на кризис в России была прискорбно неадекватной, а потеря контроля над ситуацией просто приводила в ужас. В этом отношении финансовые рынки отличаются рядом особенностей: они не терпят никакого государственного вмешательства, но глубоко в сердце они лелеют надежду, что если условия серьезно ухудшатся, то власти все-таки вмешаются. Эта вера сегодня была поколеблена.

Все три фактора усиливают отток капитала с периферии в центр. Первоначальный шок, вызванный крахом в России, пройдет, но напряженность на периферии останется. Отток капитала затронул теперь и Бразилию, если Бразилию постигнет та же участь, то в опасности окажется и Аргентина. Показатели прогнозов мирового экономического роста постоянно снижаются, и я предполагаю, что они будут отрицательными и в дальнейшем. Если и когда спад затронет американскую экономику, мы, возможно, еще меньше захотим получать импорт, который необходим для поддержания обратного потока капитала, и развал мировой финансовой системы, возможно, будет сопровождаться развалом всей системы международной свободной торговли.

Такой ход событий может быть предотвращен только вмешательством руководящих международных финансовых органов. Перспективы пока остаются туманными, поскольку правительствам стран «Большой семерки» только что не удалось вмешаться в события в России, но последствия этой неудачи должны послужить предупреждением. Существует острая необходимость еще раз переосмыслить и реформировать систему мирового капитализма. Как показал пример России, чем дольше существуют проблемы, тем более трудноразрешимыми они становятся.

Переосмысление должно начинаться с признания того факта, что финансовые рынки по своей сути нестабильны. Система мирового капитализма основана на убеждении, что если мы предоставим финансовые рынки самим себе, то они будут стремиться к естественному равновесию. Предполагается, что они будут двигаться подобно маятнику: т.е. они могут быть выведены из состояния равновесия под действием внешних сил, так называемых исходящих извне шоковых воздействий, но они будут стремиться вернуться в положение равновесия. Это утверждение оказалось ложным. Финансовые рынки склонны к эксцессам, и если быстрая смена подъема и спада деловой активности выходит за определенные границы, то равновесие уже никогда не вернется к прежнему уровню. Вместо маятникообразного движения в последнее время финансовые рынки действовали как брошенный камень, разрушая экономику одной страны за другой.

Сейчас идет много разговоров о внедрении дисциплины на рынках, но если введение дисциплины на рынках означает введение нестабильности, то какой уровень нестабильности общество может принять? Дисциплина на рынках должна быть дополнена еще одним видом дисциплины — поддержание стабильности на финансовых рынках должно стать целью государственной политики. Это именно тот общий принцип, который мне бы хотелось теперь предложить.

Несмотря на господствующую веру в свободные рынки, этот принцип был уже принят и осуществлен в национальном масштабе. В США действуют Федеральная резервная система и другие руководящие кредитно-финансовые органы, задачей которых является предотвращение распада внутренних финансовых рынков и, если это понадобится, исполнение роли кредитора, к которому обращаются в самом крайнем случае. Я уверен, что

эти органы способны выполнить возлагаемые на них задачи. Но, к сожалению, у нас нет адекватных руководящих кредитно-финансовых органов на международной арене. У нас есть институты, созданные в соответствии с решениями, достигнутыми в Бреттон-Вудсе - Международный валютный фонд и Всемирный банк, которые героически пытались приспособиться к быстро меняющимся условиям. Необходимо признать, что программы Международного валютного фонда оказываются неэффективными в период мирового финансового кризиса; поэтому необходимо пересмотреть функции и методы их работы. Я полагаю, что, возможно, придется создать дополнительные институты. В начале этого года я предложил создать Международную корпорацию для страхования кредитов, но в то время было еще не совсем понятно, что обратное движение капитала станет такой серьезной проблемой, и мое предложение не нашло поддержки. Я думаю, что сейчас пришло время для его осуществления. Нам также необходимо установить определенный международный надзор над национальными контролирующими органами. Кроме того, нам всем необходимо переосмыслить механизмы работы международной банковской системы, а также функционирования рынков свопа и производных ценных бумаг.

Книга состоит из двух частей. Первая часть содержит основные идеи и концепцию. Я не буду даже пытаться кратко излагать эту часть здесь, но в наше время ключевых слов концепцию можно представить тремя ключевыми терминами: *ошибочность, рефлексивность и открытое общество*. Эта часть содержит критический обзор общественных наук в целом и экономической науки в частности. Я рассматриваю финансовые рынки с точки зрения рефлексивности, а не равновесия, и пытаюсь развить теорию рефлексивности для истории, рассматривая финансовые рынки как лабораторию, где можно испытать правильность этой теории.

Во второй части я делаю попытку применить концепции и идеи, описанные в первой, к текущему моменту истории. Хотя финансовый кризис принимает угрожающие размеры, что и понятно, дается еще более глубокий анализ ситуации. Я рассматриваю несоответствие между мировой экономикой и ее общественной организацией, которая по-прежнему остается в основном национальной по своему характеру и масштабам. Я исследую неравноправные отношения между центром и периферией, а также неравный подход к должникам и кредиторам. Я рассматриваю нездоровую замену подлинно человеческих ценностей - денежными. Я подхожу к мировому капитализму как к незавершенной и искаженной форме открытого общества.

Определив основные черты системы мирового капитализма в главе 6, я пытаюсь в главе 7 предсказать будущее мирового капитализма в плане быстрой смены фазы подъема деловой активности - фазой спада. Глава 8 содержит некоторые практические предложения по предотвращению финансовой дезинтеграции системы мирового капитализма. В главе 9 я обсуждаю перспективы менее искаженной и более полной формы открытого общества, в главе 11 изложен ряд практических шагов, которые могут быть предприняты для создания такой формы общества.

Я задумывал эту книгу как четкое изложение моей философии. Однако в результате вмешательства истории получилась книга, которую я считаю настоятельно необходимой, необходимой именно сейчас.

Вступление

Эта книга представляет собой попытку изложить основы мирового открытого общества. Мы живем в системе мировой экономики, но политическая организация нашего мирового сообщества является прискорбно неадекватной. Мы лишены возможности сохранить мир и противодействовать эксцессам финансовых рынков. Без осуществления контроля над этими процессами мировая экономика потерпит крах.

Мировая экономика характеризуется не только свободной торговлей товарами и услугами, но также еще более свободным движением капитала. Процентные ставки,

обменные курсы и котировки ценных бумаг в различных странах тесным образом связаны между собой, мировые финансовые рынки оказывают огромное влияние на экономические условия. Учитывая решающую роль, которую мировой финансовый рынок играет в судьбах отдельных стран, стоит поговорить о системе мирового капитализма.

Финансовый капитал оказывается в привилегированном положении. Капитал более мобилен, чем другие факторы производства, а финансовый капитал — еще более мобилен, чем прямые инвестиции. Финансовый капитал движется туда, где он получает наибольшие выгоды; поскольку он является предвестником процветания, независимые страны борются за его привлечение. Благодаря этим преимуществам капитал аккумулируется в финансовых институтах и многонациональных компаниях, ценные бумаги которых продаются на биржах; а посредником в этом процессе являются финансовые рынки.

Развитие мирового сообщества отстает от развития мировой экономики. Основной единицей политической и общественной жизни по-прежнему остается государство. Международное право и международные институты, в такой форме, в которой они существуют сегодня, еще не достаточно сильны, чтобы предотвратить войну или крупномасштабные нарушения прав человека в отдельных странах. Не уделяется должного внимания решению экологических проблем. Мировые финансовые рынки находятся в основном вне контроля национальных или международных органов.

Я утверждаю, что текущее положение дел является нездоровым и непрочным. Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными, кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются. Вместо этого существует широко распространенное убеждение в том, что рынки являются саморегулирующимися, а мировая экономика может процветать без вмешательства мирового сообщества. Утверждается, что общественный интерес удовлетворяется наилучшим образом путем предоставления всем возможности удовлетворять собственные интересы, а попытки защитить общественный интерес путем принятия коллективных решений нарушают рыночный механизм. В XIX веке эта идея называлась «свободным предпринимательством» (внедрялась доктрина невмешательства государства в экономику), возможно, в наши дни это уже не такое удачное название, поскольку оно происходит от французских слов *laissez faire*. Большинство людей, верящих в чудеса рынка и достоинства неограниченной конкуренции, не говорят по-французски. Я нашел более подходящее название этой идее — «рыночный фундаментализм» (*market fundamentalism*).

Именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной. Однако такое положение дел возникло сравнительно недавно. В конце второй мировой войны международное движение капитала было ограничено, в соответствии с решениями, принятыми в Бреттон-Вудсе, были созданы международные институты с целью облегчения торговли в условиях отсутствия движения капитала. Ограничения были сняты постепенно, и только когда примерно в 1980 г. к власти пришли Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, рыночный фундаментализм стал господствующей идеологией. Именно рыночный фундаментализм предоставил финансовому капиталу управляющее и руководящее место в мировой экономике.

Конечно же, мы не впервые наблюдаем систему мирового капитализма. Ее основные черты были впервые определены, скорее в форме предсказаний, Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «*Манифесте коммунистической партии*», опубликованном в 1848 г. Система, господствовавшая во второй половине XIX века, была в некоторой степени более стабильной, чем ее современный вариант. Во-первых, существовали имперские державы во главе с Великобританией, которая получала достаточно большие выгоды от того, что находилась в центре, и поэтому была заинтересована в сохранении этой системы. Во-вторых, существовала единая международная валюта - золото; сегодня существуют три основные валюты: доллар США, германская марка, которая вскоре будет заменена ев-

ропейской единой валютой евро, и иена. Эти мировые валюты трутся друг о друга как тектонические пласты, зачастую вызывая землетрясения и подрывая другие валюты стран мира. В-третьих, и это важнее всего, существовал ряд убеждений, которые разделяли многие, и этические стандарты, которые не всегда применялись и соблюдались на практике, однако они были приняты в качестве вполне универсальных и рассматривались как наиболее желательные способы взаимодействия. Эти ценности объединяли веру в разум и уважение к науке с иудейско-христианской этической традицией и в целом представляли более надежное руководство, объясняющее, что такое хорошо и что такое плохо, чем ценности, преобладающие сегодня. Денежные ценности и операционные рынки не предоставляют адекватного базиса для общественного единства. Возможно, это предложение в такой форме не имеет для читателя особого смысла, но данная идея будет развита в книге.

Система мирового капитализма, существовавшая в XIX веке, несмотря на ее относительную стабильность, была разрушена первой мировой войной. После окончания войны была предпринята слабая попытка ее реконструировать. Эта попытка привела к краху 1929 г. и последующей Великой депрессии. Какова же вероятность того, что современная система мирового капитализма также придет к пропасти, учитывая отсутствие элементов стабильности, которые существовали в XIX веке?

Но все же катастрофы можно избежать, если мы вовремя признаем и исправим слабые стороны этой системы. Как возникли эти недостатки и как они могут быть исправлены? Я предлагаю обратиться к этим вопросам. Я утверждаю, что система мирового капитализма является искаженной формой открытого общества и ее эксцессы могут быть исправлены, если более полно понять и широко поддержать принципы открытого общества.

Термин «открытое общество» получил распространение после публикации книги Карла Поппера *«Открытое общество и его враги»* (*Open Society and Its Enemies*). В момент выхода книги в 1944 г. открытому обществу угрожали тоталитарные режимы нацистской Германии и Советского Союза, использовавшие власть государства для навязывания своей воли людям. Концепцию открытого общества можно легко понять, сравнив его с закрытыми обществами, взлелеенными тоталитарными режимами. Они оставались реальностью вплоть до распада советской империи в 1989 г. Открытые общества мира, обычно называемые обобщенно Западом, продемонстрировали сплоченность перед лицом общего врага. Но после распада советской системы открытое общество с акцентом на свободу, демократию, главенство закона в значительной степени потеряло привлекательность в качестве организационного принципа, победителем оказался мировой капитализм. Капитализм, опирающийся исключительно на рыночные силы, представляет другую опасность открытому обществу. Центральное утверждение этой книги состоит в том, что рыночный фундаментализм представляет сегодня большую опасность для открытого общества, чем тоталитарная идеология.

Такое утверждение может шокировать. Рыночная экономика является неотъемлемой частью открытого общества. Фридрих Хайек, величайший идеолог экономики «свободного рынка» XX века, был твердым сторонником концепции открытого общества. Каким образом рыночный фундаментализм может угрожать открытому обществу?

Позвольте мне объяснить мою точку зрения. Я не заявляю, что идея рыночного фундаментализма диаметрально противоположна идее открытого общества, как фашизм или коммунизм. Совсем наоборот. Концепции открытого общества и рыночной экономики тесно связаны, а рыночный фундаментализм можно рассматривать как простое искажение идеи открытого общества. Но это не делает его менее опасным. Рыночный фундаментализм представляет угрозу открытому обществу непреднамеренно, поскольку он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерно важное значение.

Мой критический взгляд на систему мирового капитализма основывается на двух основных моментах. Один из них касается недостатков рыночных механизмов. Здесь я

имею в виду в основном неустойчивость, присущую финансовым рынкам. Другой момент связан с недостатками того, что я вынужден назвать, в силу отсутствия лучшего названия, нерыночным сектором (*nonmarket sector*). Здесь я имею в виду прежде всего несостоятельность политики и распад нравственных ценностей как на национальном, так и на международном уровнях.

Я всегда утверждал, что провалы в политике являются всепроникающими, они подрывают экономику гораздо сильнее, чем неудачи рыночного механизма. Принятие решений отдельными лицами через рыночный механизм является гораздо более эффективной системой, чем коллективное принятие решений, — система, которая распространена в политике. Это особенно верно в отношении мировой экономики. Разочарование политикой вскормило рыночный фундаментализм, а развитие рыночного фундаментализма, в свою очередь, способствовало провалу политики. Одним из крупнейших недостатков системы мирового капитализма является тот факт, что она позволила рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть во все сферы деятельности, даже туда, где им нет по существу места.

Первая часть моих критических замечаний касается нестабильности, присущей системе мирового капитализма. Рыночные фундаменталисты имеют фундаментально неверное представление о том, как работают рыночные механизмы. Они полагают, что финансовые рынки имеют тенденцию к равновесию. Теория равновесия в экономической науке основывается на неправильной аналогии с физикой. Физические объекты двигаются так, как они двигаются, независимо от того, что кто-либо думает. А финансовые рынки пытаются предсказать будущее, которое зависит от решений, принимаемых людьми. Вместо простого пассивного отражения действительности финансовые рынки активно формируют реальность, которую они, в свою очередь, и отражают. Существует двусторонняя связь между настоящими решениями и будущими событиями, эту связь я называю рефлексивностью.

Тот же механизм обратной связи вмешивается во все виды деятельности, которыми занимаются сознательные участники рынка — люди. Люди реагируют на экономические, социальные и политические силы в их окружении, но в отличие от неодушевленных частиц, изучаемых естественными науками, люди имеют способность воспринимать, постигать, а также выражать определенное отношение, которое одновременно преобразует силы, действующие на них. Это двустороннее рефлексивное общение между тем, что участники ожидают, и тем, что происходит на самом деле, является основным моментом для понимания всех экономических, политических и общественных явлений. Данная концепция рефлексивности лежит в основании всех доводов, изложенных в этой книге.

Рефлексивность не свойственна естественным наукам, где связь между объяснениями ученых и явлениями, которые они пытаются объяснить, является односторонней. Если утверждение соответствует фактам, оно истинно, если нет — то оно ложно. Таким образом ученые накапливают знания. Но участники рынка лишены такой роскоши, и у них нет возможности опираться в своих решениях на достоверные знания. В своих решениях они должны учитывать свои суждения о будущем, и их пристрастное отношение влияет на сам результат. Этот результат, в свою очередь, усиливает или ослабляет то пристрастное отношение, на которое участники рынка опирались при принятии решений.

Я утверждаю, что концепция рефлексивности является сегодня более существенной для объяснения движения финансовых рынков (а также для многих других социальных и экономических явлений), чем концепция равновесия, на которую опирается традиционная экономическая наука. Участники рынка начинают не со знания, а с предвзятого отношения. Либо рефлексивность корректирует предвзятое отношение, и в таком случае вы получаете тенденцию к равновесию, либо предвзятое отношение усиливается рефлексивной обратной связью, и в таком случае рынки могут достаточно

далеко уходить от состояния равновесия, не имея намерений возвращаться к тому состоянию, с которого они начали движение. Финансовые рынки характеризуются периодами быстрого роста деловой активности и периодами спада, в этом свете поразительно, что экономическая теория по-прежнему опирается на концепцию равновесия, которая отрицает возможность таких явлений, несмотря на доказательства их существования. Финансовая система обладает свойством выходить из состояния равновесия, но этот выход не является результатом только внешних шоковых воздействий. Упорство, с которым исходящие извне шоковые воздействия рассматриваются в качестве мер спасения финансовых рынков, напоминает мне хитроумные изобретения сфер внутри сфер и ссылок на божественные силы, которые использовались астрономами в докоперниковские времена для объяснения положения планет, вместо признания простого факта вращения Земли вокруг Солнца.

Рефлексивность не является широко принятой концепцией, по крайней мере большинством, и одного предложения явно недостаточно, чтобы объяснить все, что эта концепция подразумевает. Объяснению этой концепции будет посвящена первая часть книги. Во второй части я буду использовать эти концептуальные положения, чтобы прийти к ряду практических заключений о состоянии финансовых рынков, мировой экономике и о таких более широких проблемах, как международная политика, общественное единство и нестабильность системы мирового капитализма в целом.

Вторая линия моих доводов является более сложной, в силу этого ее сложнее суммировать. Я полагаю, что несовершенства рыночного механизма бледнеют по сравнению с недостатками того, **что** я называю нерыночным сектором общества. Когда я говорю о нерыночном секторе, я имею в виду коллективные интересы общества, общественные ценности, которые не находят своего выражения в рынках. Находятся люди, которые ставят под сомнение само существование коллективных интересов как таковых. Общество, утверждают они, состоит из отдельных людей, и их интересы находят наилучшее выражение через решения, которые они принимают как участники рынка. Например, если они чувствуют склонность к филантропии, они могут выразить это, отдав другим определенную сумму денег. Таким образом, все можно свести к денежным ценностям.

Вряд ли надо говорить, что такая точка зрения ошибочна. Да, есть вопросы, которые мы можем решить индивидуально, но есть и другие вопросы, которые могут быть решены только коллективно. В качестве участника рынка я пытаюсь максимально увеличить свои прибыли. Будучи гражданином, я думаю об общественных ценностях: о мире, справедливости, свободе и так далее. Я не могу выразить эти ценности, будучи участником рынка. Предположим, что правила, регулирующие финансовые рынки, должны быть изменены. Я не могу изменить их в одностороннем порядке. Если я введу эти правила по отношению к себе, но не по отношению к другим, это повлияет на мои собственные показатели деятельности на рынке, но это не окажет никакого влияния на то, что происходит на рынках, поскольку не предполагается, что какой-либо один участник рынка вообще может влиять на результат.

Мы должны провести четкое разграничение между созданием правил и игрой по этим правилам. Создание правил подразумевает коллективные решения, или политику. Игра по правилам подразумевает индивидуальные решения, или поведение на рынке. К сожалению, это различие редко соблюдается. Люди в большинстве своем, похоже, голосуют бумажниками, они лоббируют законодателей, которые отвечают их личным интересам. Еще хуже, что избранные представители также часто ставят свои личные интересы выше общественных. Вместо того чтобы отстаивать подлинные ценности, политические лидеры стремятся быть избранными любой ценой и под лозунгом господствующей идеологии рыночного фундаментализма, или неограниченного индивидуализма. Такое поведение считается естественной, рациональной и даже, возможно, желательной манерой поведения политиков. Такое отношение к политике подрывает постулат, на котором был построен принцип представительной демократии. Противоречие между личными и общественными

интересами политиков, конечно же, всегда существовало, но оно было значительно усилено господствующими позициями, которые ставят успех, измеряемый деньгами, выше таких подлинных ценностей, как честность. Таким образом, процесс коллективного принятия решений рефлексивным образом усилил мотив получения личной прибыли и падение общественной эффективности. Превращение корысти и эгоизма в моральный принцип коррумпирует политику, и неспособность политики стала самым сильным аргументом в пользу предоставления рынкам ее большей свободы. функции, которые не могут и не должны определяться только лишь рыночными силами, включают многие из самых важных явлений жизни человека, начиная с моральных ценностей и заканчивая семейными отношениями, эстетическими и интеллектуальными достижениями. В то же время рыночный фундаментализм постоянно пытается увеличить свое влияние на эти сферы в форме идеологического империализма. В соответствии с рыночным фундаментализмом вся общественная деятельность, и человеческие отношения в том числе, должны рассматриваться как деловые, основанные на договорах отношения, и сводиться к общему знаменателю — деньгам. Деятельность должна регулироваться, насколько это возможно, самым навязчивым способом — невидимой рукой конкуренции, ведущей к увеличению прибылей. Вторжения рыночной идеологии в области, столь далекие от коммерции и экономики, разрушают и деморализуют общество. Но рыночный фундаментализм стал настолько мощным и влиятельным, что любые политические силы, осмеливающиеся противостоять ему, клеймятся как сентиментальные, нелогичные и наивные.

Истина при этом заключается в том, что сам рыночный фундаментализм - наивен и нелогичен. Даже если мы отложим в сторону более существенные моральные и этические вопросы и сконцентрируемся только на экономических проблемах, идеология рыночного фундаментализма и здесь окажется глубоко и безнадежно ошибочной. Иными словами, рыночные силы, если им предоставить полную власть, даже в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывают хаос и в конечном итоге могут привести к падению мировой системы капитализма. Это — мой самый важный вывод в данной книге.

Существует широко распространенное убеждение, что демократия и капитализм идут рука об руку. На самом же деле их отношения гораздо более сложные. Капитализму нужна демократия в качестве противовеса, поскольку сама капиталистическая система не демонстрирует тенденции к равновесию. Владельцы капитала стремятся увеличить свои прибыли. Предоставленные самим себе, они будут продолжать аккумулировать капитал до тех пор, пока ситуация не потеряет равновесие. Маркс и Энгельс 150 лет назад дали очень хороший анализ капиталистической системы, который, я должен сказать, в чем-то даже лучше, чем теория равновесия классической экономической науки. Лекарство, предписанное ими, — коммунизм, было даже хуже, чем сама болезнь. Но основная причина, почему их ужасные предсказания не сбылись, состоит в уравнивающем политическом вмешательстве в демократических странах.

К сожалению, мы вновь оказываемся перед лицом опасности сделать неверные выводы из уроков истории. На этот раз опасность исходит не от коммунизма, а от рыночного фундаментализма. Коммунизм отменил рыночный механизм и ввел коллективный контроль над всеми видами экономической деятельности. Рыночный фундаментализм стремится отменить механизм коллективного принятия решений и ввести главенство рыночных ценностей над политическими и общественными. Обе эти крайние точки зрения - ошибочны. На самом деле нам нужен правильный баланс между политикой и рынками, между созданием правил и игрой по этим правилам.

Но даже если мы признаем такую необходимость, то как мы могли бы ее реализовать? Мир вступил в период глубокого дисбаланса, в котором ни одно государство не может противостоять силе мировых финансовых рынков и в котором почти не существует институтов, создающих международные нормы. Механизмов коллективного принятия решений в области мировой экономики просто-напросто не существует. Эти условия широко трактуются как победа дисциплины рынка, но если финансовые рынки

внутренне нестабильны, навязывание рыночной дисциплины означает навязывание нестабильности, - а сколько еще нестабильности общество может выдержать?

И все же ситуация не настолько безнадежна. Мы должны научиться проводить разграничение между принятием индивидуальных решений, что выражается в рыночном поведении, и коллективным принятием решений, что выражается в общественном поведении в целом и в политике - в частности. В обоих случаях нами руководит своекорыстие, но в случае коллективного принятия решений мы должны ставить общие интересы выше эгоистических, *даже если другие участники рынка не способны это сделать*. Это - единственный способ обеспечить преобладание общих интересов.

Сегодня система мирового капитализма все еще обладает достаточной мощностью. Конечно же, ей угрожает настоящий мировой кризис, но ее идеологическое превосходство не знает границ. Азиатский кризис смел автократические режимы, которые объединяли идею личных прибылей с конфуцианской этикой, и заменил их более демократическими и ориентированными на реформы правительствами. Однако кризис одновременно подорвал способность международных руководящих кредитно-финансовых органов предотвращать и разрешать финансовые кризисы. Сколько осталось времени до того, как кризис начнет сметать и ориентированные на реформы правительства? Боюсь, что политические изменения, вызванные кризисом, могут в конечном итоге смести и саму систему мирового капитализма. Такое уже случалось ранее.

Повторяю: я не хочу уничтожить капитализм. Несмотря на его недостатки, он лучше других альтернатив. Напротив, я хочу предотвратить саморазрушение системы мирового капитализма. С этой целью нам сейчас более, чем когда-либо, нужна концепция открытого общества.

Система мирового капитализма представляет собой искаженную форму открытого общества. Открытое общество основано на признании того факта, что наше понимание несовершенно, а наши действия ведут к незапланированным последствиям. Все наши институты не могут не иметь недостатков, и поскольку мы считаем их существование необходимым, мы не должны уничтожать их. Вместо этого мы должны создать институты с встроенными механизмами исправления ошибок. Эти механизмы включают как рынок, так и демократию. Но ни один из них не будет работать, если мы не осознаем нашей ошибочности и не будем готовы признавать свои ошибки.

В настоящее время существует огромный дисбаланс между индивидуальным принятием решений, что выражается в рынках, и коллективным принятием решений, что выражается в политике. У нас есть мировая экономика, но нет настоящего мирового сообщества. Такого положения дел нельзя терпеть далее. Но как можно изменить такую ситуацию?

Эта книга достаточно ясно говорит о недостатках финансовых рынков. Но в отношении моральных и духовных сфер, в которых рыночный фундаментализм протискивается в нерыночный сектор, мои взгляды в силу необходимости будут более осторожными.

Для стабилизации и подлинного регулирования мировой экономики нам нужна некая мировая система принятия политических решений. Иными словами, нам необходимо новое мировое сообщество для поддержания мировой экономики. Мировое сообщество не означает мирового государства. Отмена государства не является ни реальной, ни желательной; но вплоть до настоящего момента, поскольку существуют общие интересы, выходящие за рамки государственных границ, суверенитет государств должен быть подчинен международному праву и международным институтам. Интересно, что наибольшее сопротивление этой идее исходит от Соединенных Штатов Америки, которые, оставшись единственной сверхдержавой, не желают подчиняться какому-либо международному органу. Соединенные Штаты переживают кризис самосознания: хотят ли они быть единственной сверхдержавой или просто лидером свободного мира? Обе эти роли могли быть нечетко обозначены, в то время как свободный мир противостоял «империи зла», но

сегодня необходимость сделать выбор осознается более четко и жестко. К сожалению, мы еще даже не начали рассматривать этот вопрос. Сегодня в Соединенных Штатах господствует популярная идея - идти дальше самостоятельно, но это лишило бы мир руководства, которое ему сейчас так необходимо. Изоляционизм мог бы быть оправдан только в том случае, если бы рыночные фундаменталисты оказались правы и мировая экономика могла бы достаточно успешно развиваться без мирового сообщества.

Альтернативой для Соединенных Штатов является формирование альянса с другими государствами, действующими и мыслящими в том же направлении, с целью создания законов и институтов, необходимых для сохранения мира, свободы, процветания и стабильности. Нельзя раз и навсегда решить, какими будут эти законы и институты. Сейчас нам необходимо привести в действие совместный, повторяющийся процесс, определяющий идеал открытого общества - процесс, в котором мы открыто признаем несовершенство системы мирового капитализма и пытаемся учиться на собственных ошибках.

Этот процесс не может произойти без Соединенных Штатов Америки. Наоборот, еще никогда не было периода, когда бы сильное руководство в лице Соединенных Штатов и других государств, мыслящих в том же духе, могло бы привести к серьезным и положительным результатам. Имея правильное чувство руководства и четкое представление цели, Соединенные Штаты и их союзники могли бы начать создавать новое открытое мировое сообщество, которое могло бы способствовать стабилизации системы мировой экономики, а также расширить и поддержать универсальные человеческие ценности. Возможность ждет, чтобы мы ею воспользовались.

ЧАСТЬ 1. СТРУКТУРА КОНЦЕПЦИИ

Ошибочность и рефлексивность
Критический подход к экономической науке
Рефлексивность на финансовых рынках
Рефлексивность в истории
Открытое общество

1

1. ОШИБОЧНОСТЬ И РЕФЛЕКСИВНОСТЬ

Любому, кто создал себе репутацию и заработал капитал в очень практичном мире бизнеса, может показаться странным, что мой финансовый успех и мои политические взгляды опирались на ряд абстрактных философских идей. И пока эти идеи не будут поняты всеми, никакие другие аргументы, изложенные в этой книге, будь то по вопросам финансовых рынков, геополитики или экономической науки, не будут иметь особого смысла. Именно поэтому необходимы абстрактные рассуждения, изложенные в последующих двух главах. Необходимо особенно детально прояснить ключевые концепции, на которых основаны другие мои идеи и большая часть моей деловой и филантропической деятельности. Вот эти концепции: ошибочность, рефлексивность и открытое общество. Эти абстракции, хотя и существенные, могут показаться очень далекими от повседневной жизни мира политики и финансов. Одна из основных целей данной книги — убедить читателя в том, что эти концепции касаются самого сердца реального мира.

Мышление и реальность

Я должен начать с самого начала: со старого философского вопроса, который, похоже, лежит в основании многих других проблем. Каково отношение между мышлением и реальностью? Это, согласен, — окольный путь рассмотрения философии делового мира, но его нельзя избежать. Ошибочность означает, что наше понимание мира, в котором мы живем, по своей сущности несовершенно. Рефлексивность означает, что наше мышление активно влияет на события, в которых мы участвуем и о которых мы думаем. Всегда существует некоторое расхождение между реальностью и нашим пониманием ее, и это расхождение я называю предвзятостью участников, но оно является важным элементом формирования пути истории. Концепция открытого общества основана на признании нашей ошибочности. Никто не владеет высшей истиной. Рядовому читателю эта идея может показаться достаточно очевидной. Но именно этот факт зачастую не желают признавать лица, принимающие политические и экономические решения, и даже ученые — академики. Отказ признавать естественное расхождение между реальностью и нашим мышлением имеет далеко идущие и исторически опасные последствия.

Отношение между мышлением и реальностью всегда находилось в той или иной форме в центре философских рассуждений с тех пор, как люди стали осознавать себя думающими существами. Дискуссия оказалась очень плодотворной. Она привела к формулированию основных понятий, таких, как истина и знание, и заложила основания для развития научного метода.

Не будет преувеличением сказать, что различие между мышлением и реальностью необходимо для рациональной мысли. Но за пределами определенных границ разделение мысли и реальности на независимые категории сталкивается со сложностями. Хотя желательно разделять утверждения и факты, это не всегда возможно. В ситуациях, где присутствуют мыслящие участники, мысли этих участников являются частью реальности, о которой они думают. Было бы глупо не разделять мышление и реальность и относиться к нашему взгляду на мир, как будто этот взгляд и мир — одно и то же; но было бы также неверно рассматривать мышление и реальность как абсолютно разделенные и независимые явления. Мышление людей играет двойную роль: это одновременно и пассивное отражение реальности, которую они стремятся постичь, и активный элемент, влияющий на события, в которых они участвуют.

Конечно, существуют события, происходящие независимо от того, что кто-либо думает; эти явления, например движения планет, являются предметом изучения естественных наук. Здесь мышление играет исключительно пассивную роль. Научные утверждения могут соответствовать или не соответствовать фактам физического мира, но в любом случае факты отделены от утверждений и не зависят от них. Общественные события, однако, включают думающих участников. Здесь отношение между мышлением и реальностью более сложное. Наше мышление является частью реальности; оно руководит нашими действиями, а наши действия влияют на происходящие события. Ситуация зависит от того, что мы (и другие) думаем и как мы действуем. События, в которых мы участвуем, не являются неким самостоятельным критерием, по которому можно судить об истинности или ложности наших мыслей. В соответствии с правилами логики, утверждения считаются истинными в том и только в том случае, если они соответствуют фактам. Но в ситуациях, включающих мыслящих участников, события не происходят независимо от того, что эти участники думают; они отражают влияние решений участников. В результате они не могут считаться независимым критерием для определения истинности утверждений. В этом заключается причина того, что наше понимание по существу несовершенно. Это не запутанный философский вопрос, схожий с вопросом Беркли о том, перестает ли корова, находящаяся перед ним, существовать, если он повернется спиной. Когда дело доходит до принятия решений, возникает естественный недостаток соответствия между мышлением и

реальностью, поскольку факты возникнут только где-то в будущем и зависят от решений участников.

Недостаток соответствия является важным фактором, влияющим на существование мира в той форме, в какой он есть. Существует гораздо более глубокое основание и для нашего мышления, и для ситуаций, в которых мы участвуем, подоплека, которая намеренно игнорируется в стандартной экономической теории, как мы увидим в главе 2. Я особо хочу подчеркнуть здесь тот факт, что участники общественных событий не могут основывать свои решения на знании по той простой причине, что такого знания не существует в момент, когда они принимают свои решения. Конечно, люди не лишены некоторого знания, они имеют в своем распоряжении все достижения науки (включая общественные науки), а также практический опыт, накопленный на протяжении веков, но этого знания все равно оказывается не достаточно для принятия решений. Разрешите мне привести очевидный пример из мира финансов. Если бы люди могли действовать на основании научно доказанных знаний, тогда разные инвесторы не покупали бы и не продавали бы в одно и то же время одни и те же ценные бумаги. Участники рынка не могут предсказать результата своих решений так, как ученые могут предсказать движение космических тел. Очевидно, что результат будет неизбежно отличаться от их ожиданий, привнося элемент неопределенности, свойственный общественным событиям.

Теория рефлексивности

Наилучший способ рассмотреть отношения между мышлением участников и общественными событиями, в которых они участвуют, заключается в том, чтобы изучить, в первую очередь, отношения между учеными и явлениями, которые они изучают.

В случае с учеными существует только односторонняя связь между утверждениями и фактами. Факты реального мира не зависят от утверждений, которые ученые делают о них. Это — ключевая характеристика, делающая факты приемлемым критерием, по которому можно судить об истинности или правомерности утверждений. Если утверждение соответствует фактам, оно истинно, если нет, то оно ложно. Но в случае с мыслящими участниками все складывается по-другому. Существует двусторонняя связь. С одной стороны, участники пытаются понять ситуацию, в которой они участвуют. Они пытаются создать картину, соответствующую реальности. Я называю это *пассивной*, или *когнитивной функцией*. С другой стороны, они пытаются оказать влияние, подделать реальность под их желания. Я называю это *активной функцией*, или *функцией участника*. Когда реализуются одновременно обе функции, — я называю такую ситуацию рефлексивной. Я использую это слово, как и французы, когда они употребляют возвратные глаголы, т.е. глаголы, у которых и подлежащее, и дополнение — одно и то же лицо: *Je me lave* (я мою себя или — я умываюсь).

Когда обе функции реализуются одновременно, они могут вмешиваться в действия друг друга. Через функцию участника люди могут оказывать влияние на ситуацию, которая, как предполагается, должна выступать в роли независимой переменной для когнитивной функции. Следовательно, понимание участников не может рассматриваться как объективное знание. И поскольку их решения не опираются на объективное знание, то, естественно, результат будет расходиться с их ожиданиями.

Существуют широкие области, в которых наши мысли и реальность не зависят друг от друга, и поддерживать их в качестве отдельных категорий не представляет проблемы. Но существует также и область, где они накладываются друг на друга, и где когнитивная и участвующая функции могут вмешиваться в действия друг друга. Когда это происходит, наше понимание оказывается несовершенным, а результат — неопределенным.

Когда мы думаем о событиях внешнего мира, движение времени может создать определенную степень изоляции между мыслями и реальностью. Наши настоящие мысли могут повлиять на будущие события, но будущие события не могут влиять на процесс мышления в настоящем; только в определенный день в будущем эти события превратятся в

опыт, который может изменить потом мышление участников. Но эта изоляция не является абсолютно непреодолимой благодаря роли ожиданий. Наши ожидания будущих событий не являются пассивными в отношении самих этих событий, они могут измениться в любой момент, изменяя при этом результат. Именно это явление и происходит постоянно на финансовых рынках. Сущность инвестирования заключается в предвидении, или «дисконтировании», будущего. Но цена, которую инвесторы готовы заплатить сегодня за ценную бумагу (валюту или товар), может изменить состояние соответствующей компании (валюты или товара) самыми разными способами. Таким образом изменения текущих ожиданий влияют на будущее. Это рефлексивное, или «ответное», отношение на финансовых рынках настолько важно, что я буду рассматривать его достаточно подробно позже. Однако проявление рефлексивности не ограничивается только финансовыми рынками; она существует в любом историческом процессе. И именно рефлексивность делает любой процесс подлинно историческим.

Не все общественные действия являются рефлексивными. Мы можем выделить банальные, повседневные события и исторические события. В повседневных событиях проявляется только одна из двух рефлексивных функций: либо когнитивная функция, либо функция участника, одна из функций не реализуется вообще. Например, когда вы регистрируетесь для выборов в местные органы власти, вы не меняете своих взглядов о характере демократии; когда вы читаете в газете о фальсифицированных результатах выборов, например в Нигерии, ваше измененное восприятие не влияет на то, что происходит в той части света, если только вы не являетесь исполнительным лицом, занятым в нефтяной отрасли, или активистом группы в защиту прав человека и не работаете в Нигерии. Но существуют ситуации, в которых одновременно реализуются и когнитивная функция, и функция участника, и вследствие этого ни взгляды участников, ни ситуация, с которой эти взгляды связаны, не остаются прежними. Именно это и дает основание для описания таких событий как исторических.

Подлинно историческое событие не только меняет мир; оно меняет наше понимание мира, это новое понимание, в свою очередь, оказывает новое и непредсказуемое влияние на сам наш мир. Таким событием была Французская революция. Различие между банальными, повседневными событиями и историческими, конечно, — тавтология, или простое повторение. Но и тавтологии могут быть достаточно яркими. Съезды Коммунистической партии в Советском Союзе были достаточно банальными, предсказуемыми событиями, но выступление Хрущева на XX съезде КПСС стало историческим событием. Оно изменило восприятия людей, и хотя коммунистический режим не изменился немедленно, речь имела непредсказуемые последствия: взгляды людей, оказавшихся в первых рядах общественных движений в период Горбачевской гласности, формировались в молодые годы под влиянием разоблачений, сделанных Хрущевым.

Конечно, люди думают не только о внешнем мире, но и о себе, и о других людях. Здесь когнитивная функция и функция участника могут накладываться без какого-либо промежутка во времени. Рассмотрим выражения «Я тебя люблю» или «Он мой враг». Безусловно, они повлияют на человека, о котором идет речь, в зависимости от того, как они переданы. Или посмотрим на брак. В браке есть два мыслящих участника, но их мышление не направлено на реальность, отделенную и независимую от того, что они думают и чувствуют. Мысли и чувства одного партнера влияют на поведение другого, и наоборот. Как чувства, так и поведение могут измениться до неузнаваемости по мере развития брака.

Если определенный период времени может отделить и изолировать когнитивную функцию от функции участника, то рефлексивность можно рассматривать как своего рода цепь короткого замыкания между мышлением и его предметом. Когда это «замыкание» происходит, то имеющаяся связь непосредственно влияет на мышление участников. Влияние рефлексивности на формирование личного представления участников, их ценностей, их ожиданий — гораздо более всепроникающий и одновременно моментальный процесс, чем ее влияние на ход событий. Рефлексивное взаимодействие, происходящее

только в отдельных случаях, а не постоянно, оказывает влияние не только на взгляды участников, но и на внешний мир. Такие случаи приобретают особую значимость, поскольку они демонстрируют важность рефлексивности как явления реального мира. И наоборот, неопределенность ценностей людей и их собственных представлений является в основном субъективной.

Неопределенность

Следующий шаг в анализе влияния рефлексивности на общественные и экономические явления заключается в указании на то, что элемент неопределенности, о котором я говорю, сам по себе не является продуктом рефлексивности; рефлексивность является следствием несовершенного понимания со стороны участников. Если бы по какому-либо счастливому стечению обстоятельств люди были одарены совершенным знанием, то двустороннее взаимодействие между их мыслями и внешним миром можно было бы просто проигнорировать. Поскольку подлинное состояние мира было бы совершенным образом отражено в их взглядах, результаты их действий также совершенно совпадали бы с их ожиданиями. Неопределенность была бы устранена, поскольку она происходит от обратной связи между неточными ожиданиями и незапланированными последствиями ожиданий людей, пусть и меняющихся, но всегда небеспристрастных.

Утверждение, что ситуации, включающие мыслящих участников, содержат элемент неопределенности, щедро подкрепляется нашими повседневными наблюдениями. Однако это заключение не было в целом принято экономической или общественной наукой. На самом деле оно даже редко предлагалось в такой прямой форме, как я здесь изложил. Наоборот, идея неопределенности настойчиво отвергалась представителями общественных наук, которые утверждают, что могут объяснять события посредством научного метода. Маркс и Фрейд являются яркими примерами, но основатели классической экономической теории также лезли из кожи вон, чтобы исключить рефлексивность из предмета их изучения, несмотря на важность этого понятия для финансовых рынков. Только теперь становится понятно почему. Неопределенность, отсутствие четких предсказаний и удовлетворительных объяснений могут угрожать профессиональному статусу науки.

Концепция рефлексивности является настолько базовой, что было бы трудно поверить, что я первым открыл ее. И на самом деле я не был первым. Рефлексивность — это всего лишь новое название двустороннего взаимодействия между мышлением и реальностью, глубоко укоренившееся в нашем здравом смысле. Если мы взглянем за рамки общественных наук, то увидим широкое осознание рефлексивности. Предсказания оракулов в Дельфах были рефлексивным актом, как и вся греческая драма. И даже в сфере общественных наук временами встречаются признания рефлексивности: Макиавелли ввел элемент неопределенности в анализ и назвал его судьбой; Томас Мертон обратил внимание на сбывающиеся пророчества и на повальное увлечение ими. Концепция, схожая с концепцией рефлексивности, была введена в социологию Альфредом Шутцом под названием *интерсубъективизм (intersubjectivism)*.

Я не хочу, чтобы люди думали, будто я рассуждаю о некоем новом мистическом явлении. Да, существуют некоторые аспекты человеческой деятельности, которые до сих пор не получили объяснений; но этого не случилось не потому, что рефлексивность была открыта только недавно; этого не произошло потому, что общественные науки в целом и экономическая наука в частности старались делать все возможное, чтобы скрыть ее существование.

Рефлексивность в истории идей

Позвольте мне рассмотреть концепцию рефлексивности с точки зрения истории идей. Тот факт, что утверждения могут влиять на предмет, по поводу которого они сделаны, был впервые установлен Эпименидом Критским, когда он рассматривал парадокс лжеца.

Критяне всегда лгут, сказал он, и сказав это, он поставил под сомнение истинность своего же утверждения. Ведь если то, что он сказал, было истинно, то его утверждение должно было быть ложным, поскольку он сам был критянином, и наоборот, если его утверждение было истинным, то значение, передаваемое этим утверждением, должно было бы быть ложным.

Парадокс лжеца рассматривался как интеллектуальная шутка, и его значение игнорировалось в течение длительного периода времени, поскольку он не совпадал с успешным во всех остальных отношениях направлением поисков истины. Истина стала рассматриваться как соответствие утверждений внешним фактам. Так называемая теория соответствия истины была широко принята в начале XX века. Это был период, когда изучение фактов привело к впечатляющим результатам и достижениями науки широко восторгались.

Воодушевленный успехом науки, Бертран Рассел недвусмысленно разрешил парадокс лжеца. Его решение заключалось в различиях между двумя классами утверждений: класс, включающий утверждения, соотношенные с самими собой, и класс, исключающий такие утверждения. Только утверждения, относящиеся ко второму классу, могут считаться хорошо сформулированными утверждениями с определенной истинной ценностью. В случае утверждений первого класса невозможно определить, являются ли они истинными или ложными. Логические позитивисты развили доводы Рассела дальше и заявили, что утверждения, истинность которых не может быть определена, являются ничего не значащими. Имейте в виду, такое заявление было сделано в период, когда наука предлагала конкретные объяснения постоянно расширяющегося диапазона явлений, в то время как философия стала еще более удаленной от реальности. Логический позитивизм был догмой, превозносившей научное знание как единственную форму понимания, достойную имени, и исключал какую-либо метафизику. «Те, кто поняли мои доводы, — говорил Уитгенштейн в заключении своего трактата *Tractatus Logico Philosophicus*, — должны осознать, что все, сказанное мною в книге, не имеет смысла». Это казалось тупиком метафизических рассуждений и полной победой знания, основанного на фактах, детерминистического знания, которое и характеризует сегодня науку.

Вскоре после этого Уитгенштейн понял, что его решение было слишком суровым, и начал изучать повседневное употребление языка. Даже естественные науки стали менее детерминистическими. Они наткнулись на границы, за которыми наблюдение не могло оставаться в стороне от их предмета. Ученым удалось пройти через этот барьер, сначала — с помощью теории относительности Эйнштейна, потом — с помощью принципа неопределенности Гейзенберга. Позже исследователи, используя теорию эволюционных систем, также известную как теория хаоса, начали исследовать сложные явления, течение которых не может быть определено действующими вне времени законами. События идут по необратимому пути, на котором даже самые небольшие отклонения с течением времени имеют свойство увеличиваться. Теория хаоса смогла пролить свет на многие явления, такие, как погода, которые ранее не поддавались научному подходу, это также сделало идею неопределенной вселенной, в которой события носят уникальный и необратимый характер, более приемлемой.

Так случилось, что я начал применять концепцию рефлексивности к пониманию финансов, политики, экономики в начале 1960-х годов - до того, как родилась теория эволюции систем. Я пришел к этой идее с помощью трудов Карла Поппера через концепцию соотношения с самим собой. Эти две концепции тесно связаны, но их не следует путать. Соотнесение с самим собой является свойством утверждения, оно принадлежит исключительно к области мышления. Рефлексивность связывает мышление с реальностью, она принадлежит к обеим областям. Возможно, поэтому она игнорировалась в течение такого длительного периода времени. Рефлексивность и соотношение с самим собой имеют нечто общее — элемент неопределенности. Логический позитивизм отказался от утверждений, соотношенных с самими собой, т.е. от утверждений, не имеющих смысла. Но,

вводя концепцию рефлексивности, я ставлю логический позитивизм с ног на голову. Я считаю, что утверждения, истинная ценность которых не определена, отнюдь не лишены смысла, а даже более значимы, чем утверждения, подлинная ценность которых известна. Именно такие утверждения составляют знание: они помогают нам понять мир таким, каков он есть. Утверждения же первого типа, являясь выражением нашего несовершенного по сути понимания, помогают формировать мир, в котором мы живем.

В тот момент, когда я пришел к такому заключению, я решил, что оно обладает силой великой проницательности. Теперь, когда естественные науки не настаивают больше на детерминистической интерпретации всех явлений и логический позитивизм потерял свои позиции, у меня такое ощущение, будто я стегая мертвую лошадь. На самом деле интеллектуальная мода ударились в другую крайность: разделение реальности на субъективные взгляды и предубеждения участников стали вызывать ярость. Сама основа, по которой можно судит о различных взглядах, а именно истина, ставится под сомнение. Я считаю, что эта другая крайность — также ошибочна. Рефлексивность должна вести к переоценке, а не к полному отказу от концепции истины.

Рефлексивная концепция истины

Логический позитивизм классифицировал утверждения как истинные, ложные и бессмысленные. После того как отвергаются бессмысленные утверждения, логический позитивизм выдвигает две категории утверждений: истинные и ложные. Схема великолепно подходит к вселенной, отделенной и независимой от утверждений о ней, но она не достаточно адекватна для понимания мира мыслящих субъектов. Здесь нам следует признать необходимость дополнительной категории: рефлексивные утверждения, подлинная ценность которых зависит от влияния, которое они оказывают.

Всегда представлялось возможным критиковать позицию логического позитивиста путем выдумывания определенных утверждений, подлинная ценность которых может быть оспорена; например, «Король Франции — лысый». Но такие утверждения являются или бессмысленными, или придуманными; в любом случае мы можем жить и без них. Наоборот, нельзя обойтись без рефлексивных утверждений. Мы не можем жить без рефлексивных утверждений, потому что мы не можем избежать принятия решений, которые оказывают влияние на нашу судьбу; и мы не можем принять решения без опоры на идеи и теории, которые влияют на предмет, к которому они относятся. Игнорирование таких утверждений или необоснованное отнесение их к категории «истинных» или «ложных» толкает рассуждения в неверном направлении и ставит наше толкование человеческих отношений и истории в неверные рамки.

Все ценностные утверждения — рефлексивны по своему характеру: «Благословенны нищие, ибо их есть царствие небесное»; если поверить этому утверждению, то бедные могут быть действительно благословенны, и у них будет меньше мотивов пытаться выбраться из нищеты. Также, если бедные будут считаться виновными в своей бедности, то у них будет меньше вероятности вести благопристойный образ жизни. Большинство обобщений в отношении истории и общества будут рефлексивными по своей природе. Рассмотрим, например, утверждения: «Мировому пролетариату нечего терять, кроме своих цепей» или «Общий интерес наилучшим образом удовлетворяется путем предоставления каждому человеку возможности удовлетворять свои интересы». Здесь нужно сказать, что такие утверждения не имеют подлинной ценности, но было бы неверно рассматривать их (и исторически это было опасно) как бессмысленные. Они влияют на ситуацию, с которой соотнесены.

Я не утверждаю, что третья категория истинности является абсолютно необходимой при рассмотрении рефлексивных явлений. Важным является следующее — в рефлексивных ситуациях *факты не обязательно предоставляют независимый критерий истины*. Мы начали трактовать соответствие как критерий истины. Но соответствия можно

достичь двумя путями: либо создавая истинные утверждения, либо влияя на сами факты. Соответствие не является гарантом истины. Это предупреждение относится к большинству политических высказываний и экономических прогнозов.

Вряд ли мне необходимо подчеркивать глубокое значение этого предложения. Ничто не является более фундаментальным для нашего мышления, чем наша концепция истины. Мы привыкли думать о ситуациях, имеющих мыслящих участников, как и о естественных явлениях. Но если существует третья категория истинности, мы должны тщательно пересмотреть то, как мы представляем себе мир человеческой, т.е. общественной деятельности.

Мне бы хотелось привести здесь пример из области международных финансов. На Международный валютный фонд оказывается растущее давление с целью привести в его работу больше прозрачности и раскрыть логику рассуждений и позиции Фонда по каждой отдельной стране. Эти требования игнорируют рефлексивный характер этих утверждений. Если бы Фонд раскрыл свою озабоченность ситуацией в конкретных странах, это действие повлияло бы на эти страны. Признавая это, представителям МВФ было бы запрещено высказывать свои подлинные позиции, а внутренние дебаты были бы подавлены. Если истина рефлексивна, то поиск истины иногда требует скрытности.

Интерактивное представление реальности

Отделение утверждения от фактов может быть оправдано, как и разделение наших мыслей и реальности, но мы должны признать, что это деление было введено *нами* же в попытках понять мир, в котором мы живем. Наше мышление принадлежит тому же миру, о котором мы думаем. Это делает задачу постижения реальности гораздо более сложной, чем она была бы, если бы мышление и реальность могли бы быть аккуратно отделены и помещены в водонепроницаемые контейнеры (как это можно сделать в естественных науках). Вместо отдельных категорий мы должны рассматривать мышление как часть реальности. Вследствие этого возникают многочисленные сложности, на одной из которых мне бы хотелось остановиться.

Невозможно сформировать картину мира, в котором мы живем, без искажения. В прямом смысле, когда мы формируем визуальный образ мира, у нас есть слепое пятно, где зрительный нерв присоединяется к нервному стволу. Образ, создаваемый в нашем сознании, достаточно точно отражает внешний мир, и, основываясь на общей картине, путем экстраполяции мы можем заполнить слепое пятно, хотя мы реально не видим, что находится в области, закрытой этим слепым пятном. Этот пример можно взять в качестве метафоры для сравнения с проблемой, с которой мы столкнулись. Но сам факт того, что я опираюсь на метафору для объяснения проблемы, является еще более мощной метафорой.

Мир, в котором мы живем, — чрезвычайно сложный. Для создания представления о мире, которое могло бы служить основой для принятия решений, мы должны прибегнуть к упрощению. Использование обобщений, метафор, аналогий, сравнений, дихотомий и других умственных построений способствует внедрению некоторого порядка в запутанный мир. Но каждое умственное построение искажает в определенной степени то, что оно представляет, и каждое искажение вносит вклад в мир, который нам надо постичь. Чем больше мы думаем, тем о большем нам надо думать.

Так получается потому, что реальность нам не дана. Она формируется в том же процессе, что и мышление участников: чем сложнее мышление, тем сложнее становится реальность. Мышление никогда не может догнать реальности: реальность всегда богаче, чем наше понимание. Реальность может удивлять мыслителя, а мышление этого мыслителя может создавать реальность.

Изложив это, я должен сказать, что не сочувствую тем, кто пытается разрушить реальность. Реальность уникальна и уникально важна. Она не может быть сведена или разбита на взгляды и убеждения участников, потому что существует *недостаточность соответствия* между тем, что люди думают, и тем, что на самом деле происходит. Эта

недостаточность соответствия мешает сведению событий до представлений участников, поскольку она идет вразрез с предсказаниями событий на основании универсально действующих обобщений. Реальность *существует*, даже если она непредсказуема и необъяснима. Возможно, это трудно принять, но бесполезно и откровенно опасно это отрицать, что может подтвердить любой участник финансовых рынков. Рынки редко оправдывают субъективные ожидания людей, но их вердикт достаточно реален, чтобы вызвать гнев и убытки, при этом возможности апелляций вообще не существует. Реальность просто существует. Но тот факт, что реальность включает несовершенное по своей сути мышление человека, делает логически невозможным объяснение и предсказание этой реальности.

Тот же ход рассуждений может быть применен к ситуациям, имеющим мыслящих участников. Для понимания таких ситуаций нам необходимо построить модель, которая содержит взгляды всех участников. Эти взгляды также составляют модель, которая должна содержать взгляды всех участников. Итак, нам нужна модель построения моделей и так далее до бесконечности. Чем больше уровней модели признается, тем больше уровней существует, которые необходимо признать, - и если модели не признают этих моделей, как они должны сделать это рано или поздно, они перестают воспроизводить реальность. Если бы у меня были математические навыки Геделя, я бы мог доказать, опираясь на эти же модели доказательств, что представления участников не соответствуют реальности.

Уильям Ньютон-Смит указал мне на то, что мое толкование чисел Геделя отличается от толкования самого Геделя. Очевидно, Гедель рассматривал некую чистую генеральную совокупность, в которой его числа существовали до того, как он их открыл, в то время как я полагаю, что он изобрел эти числа, таким образом увеличив генеральную совокупность, которой он оперировал. Я полагаю, что мое толкование имеет больше смысла. Это, конечно, делает теорему Геделя более подходящей к затруднительному положению думающего участника.

Когда я был ребенком, я жил в доме с лифтом, в котором было два зеркала — одно напротив другого. Каждый день я смотрел в зеркала и видел свое отражение. Это напоминало бесконечность, но это не была сама бесконечность. Я надолго запомнил эти впечатления. Представление о мире, с которым сталкивается мыслящий участник, очень напоминает то, что я видел в тех зеркалах в лифте. Мыслящие участники должны накладывать некоторые пояснительные модели на то, что они видят. Рефлексивный процесс никогда бы не закончился, если бы участники не остановили его сознательно. Самый эффективный способ остановить этот процесс сознательно заключается в выборе модели и выделении ее до тех пор, пока реальная картина не исчезнет на заднем плане. Модель, которая при этом возникает, может быть очень далека от лежащего в ее основании чувственного восприятия, но она очень привлекательна, поскольку понятна и ясна. Именно поэтому религии и догматические политические идеологии оказываются столь привлекательными.

Здесь не место обсуждать те многие способы, какими мышление одновременно искажает реальность и изменяет ее. Я попытался разобраться в сложной и запутанной реальности путем признания моих собственных ошибок. Я использовал критический подход, основанный на этом наблюдении, большую часть моей жизни с тех пор, как я прочитал Поппера, — и это положение было абсолютно фундаментальным для моего профессионального успеха на финансовых рынках. И только недавно меня осенило, насколько необычен этот критический подход. Меня удивило, что другие люди были удивлены моим способом мышления. И если в этой книге есть нечто оригинальное, то оно связано именно с этим.

Два варианта ошибочности

Я предлагаю рассмотреть два варианта ошибочности: первый — более умеренный, лучше подкрепленный доказательствами, «официальный» вариант, сопровождающий концепцию рефлексивности и оправдывающий критический способ мышления и открытое общество; и второй — более радикальный, более болезненный,

идиосинкразический, вариант, который руководил мною всю жизнь.

Общественная, умеренная версия уже была обсуждена. Ошибочность означает существование недостаточного соответствия между мышлением участников и реальным положением дел, в результате чего действия имеют незапланированные последствия. Совсем необязательно, чтобы события расходились с ожиданиями, но они склонны к этому. Существует много банальных, повседневных событий, которые происходят именно так, как ожидалось, но события, демонстрирующие расхождения, более интересны. Они могут изменить представления людей о мире и запустить рефлексивный процесс, в результате которого оказываются затронутыми и представления участников, и реальное положение дел.

Ошибочность имеет негативное значение, хотя положительный аспект может быть очень вдохновляющим. То, что несовершенно, может быть улучшено. Тот факт, что наше понимание является по своей сути несовершенным, делает возможным познание и совершенствование нашего понимания. Нужно всего лишь признать наши настроения ошибочными. Это открывает путь к критическому мышлению, тогда не существует границ, куда не может прийти наше понимание реальности. Существуют неограниченные масштабы для совершенствования не только нашего мышления, но и нашего общества. Совершенство ускользает от нас; какой бы план мы ни избрали, он обязательно будет иметь недостатки. Поэтому мы должны довольствоваться тем лучшим, что мы можем иметь: формой общественной организации, которая не является совершенной, но которая открыта для совершенствования. Это концепция открытого общества — общества, открытого к совершенствованию. Концепция эта основывается на признании ошибочности наших идей. Я исследую ее подробнее дальше, но сначала мне хотелось бы представить более подробно радикальный, идиосинкразический вариант ошибочности.

Радикальная ошибочность

Сейчас я изменю выбранный мною путь. Вместо общих рассуждений об ошибочности я попытаюсь объяснить, что это означает лично для меня. Это — краеугольный камень не только моего представления о мире, но и моего поведения. Это — фундамент моей теории истории, руководивший моими действиями как участника финансовых рынков и как филантропа. Если существует что-то оригинальное в моем мышлении, то это — мой радикальный вариант ошибочности.

Я имею более строгие представления об ошибочности, чем те, которые я мог бы оправдать доводами, представленными мною до настоящего момента. Я утверждаю, что все построения человеческого мозга, ограничены ли они тайными уголками нашего мышления или находят выражение во внешнем мире в форме дисциплин, идеологий или институтов, — все они в любом случае имеют недостатки. Недостаток может проявиться в форме внутренней непоследовательности, или несоответствия внешнему миру, или несоответствия цели, которой должны служить наши идеи.

Это предположение, конечно, гораздо сильнее признания того, что все наши построения (концепции и идеи) *могут* быть ошибочными. Я говорю не о простой недостаточности соответствия, а о реальном недостатке всех человеческих построений и о реальном расхождении между результатами и ожиданиями. Как я объяснил ранее, расхождение имеет значение только для исторических событий. Поэтому радикальный вариант ошибочности может служить основанием для теории истории.

Утверждение, что все человеческие построения имеют недостатки, звучит довольно мрачно, но это не причина для отчаяния. Ошибочность оценивается негативно только потому, что мы лелеем ошибочные надежды. Мы жаждем совершенства, постоянства, высшей истины и — по крупному счету — бессмертия. Судя по этим стандартам, человек всегда будет неудовлетворен своим состоянием. На самом деле совершенство и бессмертие ускользают от нас, а постоянство может быть найдено только в смерти. Но жизнь дает нам шанс усовершенствовать наше понимание именно потому, что

оно несовершенно, и улучшить наш мир. Когда все построения имеют недостатки, варианты приобретают значимость. Одни построения лучше, другие — хуже. Совершенство недостижимо, но то, что по своей сути несовершенно, открыто для безграничного усовершенствования.

Ради полноты картины я отмечу, что мое заявление о том, что все человеческие и общественные построения несовершенны, не является научной гипотезой, поскольку не может быть проверено надлежащим образом. Я могу заявить, что представления участников всегда расходятся с реальностью, но я не могу доказать этого, поскольку мы не можем знать, какова будет реальность в отсутствие наших представлений. Я могу дожидаться событий, чтобы показать расхождения между ними и ожиданиями, но, как я указал, последующие события не служат независимым критерием определения того, какими были бы правильные ожидания, поскольку другие ожидания привели бы к другому исходу событий. Аналогично я могу заявить, что все человеческие построения несовершенны, но я не могу продемонстрировать, в чем заключается это несовершенство. Недостатки обычно проявятся когда-нибудь в будущем, но это не служит доказательством их существования в момент, когда были созданы сами построения. Недостатки доминирующих идей и институциональной организации общества становятся очевидными только по прошествии времени, и концепция рефлексивности оправдывает только одно заявление — что все человеческие построения *потенциально* ошибочны. Именно поэтому я представляю мои идеи как рабочую гипотезу, без логического доказательства и не претендую на научный статус.

Я называю это рабочей гипотезой, потому что она хорошо работала как в моих финансовых решениях, так и в моих занятиях филантропией и в международной деятельности. Это дало мне стимул искать недостатки в любой ситуации и, найдя, — получать выгоду от этого знания. На субъективном уровне я признал, что мои толкования не могут не быть искаженными.

Но это не отбило у меня охоту составлять суждения, наоборот, я искал ситуации, в которых мои идеи не совпадали с расхожей мудростью. Но я и здесь постоянно искал ошибки, а когда находил, то с радостью и готовностью исследовал их. Обнаружение ошибки в моих финансовых операциях часто давало возможность получить хоть какие-то прибыли, которые я заработал, строя свои рассуждения на основании моего первоначального ошибочного взгляда, — или сократить убытки, если знание даже временно не приносило прибыльного результата. Большинство людей не любят признавать своей неправоты. Обнаружить ошибку — определенно доставляло мне удовольствие, поскольку я знал, что это могло спасти от финансовых потерь.

Я признал, что компании или отрасли экономики, в которые я инвестировал, не могли не иметь недостатков, и я предпочитал знать, в чем состояли эти недостатки. Это не мешало мне делать инвестиции в дальнейшем, наоборот, я чувствовал себя в гораздо большей безопасности, если я знал потенциально опасные моменты, поскольку это знание говорило мне о том, каких сигналов ждать для начала продажи инвестиций. Никакие инвестиции не могут приносить высокие прибыли бесконечно долго. Даже если компания имеет необыкновенно хорошие позиции на рынке, великолепное руководство и исключительную норму прибыльности, ценные бумаги также могут иметь завышенные цены, руководство может впасть в амбиции, а законодательная или конкурентная среда могут попросту измениться. Разумно — всегда искать ложку дегтя в бочке меда. И если ты знаешь, где она, ты в этой игре — впереди.

Я разработал свой собственный вариант модели Поппера — научного метода для использования на финансовых рынках. Я формулировал гипотезу, на основании которой я инвестировал. Гипотеза должна была отличаться от общепринятой концепции, и чем большими были эти различия, тем выше оказывался потенциал получения прибыли. Если не было отличия, то не было и смысла занимать определенную позицию. Это соответствовало утверждению Поппера, которое подверглось острой критике философов, о

том, что чем серьезнее испытание, тем более ценной оказывается гипотеза, выдержавшая это испытание. В науке ценность гипотезы нематериальна, на финансовых рынках ценность гипотезы может быть легко измерена прибылями, которые она приносит. В отличие от науки, финансовая гипотеза не должна быть истинной, для того чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала общепринятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго. Поэтому мне нравилось инвестировать в гипотезы, имевшие недостатки, но одновременно—и возможность быть принятыми, при условии, что я знал, в чем состояли недостатки. Такое знание позволяло мне продавать акции точно вовремя. Я назвал мои гипотезы с изъянами «плодотворными ошибками» и основал свою теорию истории, как и свои финансовые успехи, на этих гипотезах.

Моя рабочая гипотеза, заключающаяся в том, что все человеческие построения всегда имеют ошибки, является не только ненаучной — она имеет более радикальный дефект: *Вероятно, она — не истинная*. Любое построение приобретает недостатки со временем, но это не означает, что оно было неподходящим или неэффективным в тот момент, когда было создано. Я думаю, что можно дополнительно отточить мою рабочую гипотезу и придать ей форму, которая могла бы претендовать на большую истинность. С этой целью я должен обратиться к моей теории рефлексивности. В рефлексивном процессе меняются как мышление участников, так и реальное положение дел. Итак, даже если решение или толкование было правильным в начале процесса, оно может стать неподходящим на более поздней стадии. Поэтому я должен добавить важное положение к заявлению, что все человеческие построения несовершенны: оно истинно, только если мы предполагаем, что теории и политика остаются действенными вечно, как и законы науки.

Теоретические построения, как и действия, имеют незапланированные последствия, и эти последствия нельзя точно предвидеть в момент их создания. Даже если последствия можно было бы предвидеть, все равно необходимо продолжать действовать, поскольку эти последствия должны возникнуть только в будущем. Поэтому моя рабочая гипотеза несовместима с идеей о том, что один способ действия лучше другого, **что** на самом деле существует оптимальный способ действия. Это, однако, подразумевает, что наиболее благоприятные условия применимы только к конкретному моменту истории, и **то**, что было наиболее благоприятным условием в определенный момент, может стать уже не благоприятным в следующий момент. С такой концепцией очень сложно работать, особенно социальным институтам, которые не могут преодолеть определенной степени инертности. Например, чем дольше существует какая-то форма налогообложения, тем больше вероятности, что ее будут избегать; это может послужить хорошей причиной для изменения формы налогообложения через некоторое время, но это не может служить причиной для отмены налогообложения вообще. Возьмем пример из другой области: Христианская церковь превратилась в нечто иное, чем предполагал Иисус, но это не может являться достаточной причиной для отказа от его учения.

Другими словами, теории и политика могут быть действенными — только временно, в определенный момент истории. Именно для того, чтобы донести эту идею, я называю построения с изъянами *плодотворными ошибками*, первоначально приносящими «выгодные» результаты. Как долго результаты остаются выгодными, зависит от того, признаются и исправляются ли эти изъяны. Таким образом построения постепенно могут стать более совершенными. Но никакие «плодотворные ошибки» не могут существовать бесконечно долго; в конце концов, когда время для их совершенствования и развития будет исчерпано, появится новая «плодотворная ошибка» и завладеет умами людей. Возможно, то, что я собираюсь сказать, является именно такой «плодотворной ошибкой», но я склонен считать историю идей — историей, состоящей именно из таких «плодотворных ошибок». Другие могут назвать эти ошибки парадигмами.

Обе эти идеи, вместе взятые, о том, что все умственные построения имеют недостатки, но некоторые из них являются плодотворными, лежат в основе моего собственного варианта радикальной ошибочности. Я использую их и в отношении

внешнего мира, и в отношении моей собственной деятельности, и они хорошо служили мне как руководителю фонда, а в последнее время — и как филантропу. Будет ли это служить также успешно мне как мыслителю, проверяется именно сейчас, поскольку этот радикальный вариант ошибочности является фундаментом теории истории и толкования финансовых рынков, которые я излагаю далее.

Личный постскрипtum

Мой радикальный вариант ошибочности — не просто абстрактная теория, но и личное убеждение. Как руководитель фонда я сильно зависел от своих эмоций. Так было потому, что я осознавал недостаточность своего знания. В основном мною руководили такие чувства, как сомнение, неопределенность и страх. У меня были моменты, когда я испытывал надежду или даже эйфорию, но они не давали мне чувства безопасности. Наоборот, чувство безопасности исходило от постоянного волнения. Поэтому самую большую и настоящую радость я испытывал тогда, когда находил что-нибудь, из-за чего можно было волноваться. В целом, я считаю, что руководить страховым фондом очень мучительно. Я никогда не мог признать своего успеха, потому что это могло прекратить мои волнения, но мне всегда было легко признавать свои ошибки.

Только когда другие указали мне на это, я понял, что в моем отношении к ошибкам было что-то необычное. Мне было важно, что обнаружение ошибки в моем мышлении или в моей позиции становилось источником радости, поэтому я подумал, что это должно быть важно и для других. Но это оказалось не так. Когда я осмотрелся, я понял, что многие люди делают все возможное и невозможное, чтобы отрицать или скрывать свои ошибки. Их неверные идеи, представления и поступки на самом деле становятся неотъемлемой частью их личности. Я никогда не забуду случай, произошедший во время моей поездки в Аргентину в 1982 г. с целью изучения состояния огромного долга, который накопила эта страна. Я нашел ряд политиков, работавших в предыдущих правительствах, и спросил их, как бы они повели себя в этой ситуации. Все без исключения сказали, что продолжили бы ту же самую политику, которую они проводили в жизнь, когда были членами правительства. Очень редко я встречал столько людей, которые так мало почерпнули из собственного опыта.

Я перенес свой критический подход на филантропическую деятельность. Я обнаружил, что в филантропии полно парадоксов и незапланированных последствий. Например, благотворительность может превратить получателей помощи в объекты благотворительности. Помощь другим, как предполагается, должна помогать этим другим людям, но на самом деле очень часто она служит для удовлетворения собственных амбиций лица, оказывающего помощь. Еще хуже, что люди обычно занимаются филантропией, потому что хотят себя чувствовать хорошо, а не потому что они хотят делать что-то хорошее.

Уяснив это, я был вынужден разработать другой подход. Я обнаружил, что веду себя почти так же, как и в бизнесе. Например, я поставил в зависимость интересы персонала Фонда и интересы отдельных лиц, обращающихся за помощью в фонд. Я даже шутил, что наш Фонд является единственным филантропическим фондом в мире. Я помню, как излагал свои взгляды на Фонд на совещании персонала в Карповых Варах (Чехословакия) примерно в 1991 г., и я уверен, что присутствовавшие на совещании никогда не забудут это. Я сказал, что фонды порождают коррупцию и неэффективность, и я буду считать гораздо большим достижением прекратить деятельность фонда, не оправдывающего своего предназначения, чем открыть еще один фонд. Я также помню, как сказал сотрудникам европейских фондов в Праге, что объединение фондов в сеть означает отсутствие настоящей деятельности.

Я должен признать, что со временем смягчил свою позицию. Существует разница между руководством страховым фондом и благотворительным фондом. Давление извне в первом случае отсутствует, и только внутренняя дисциплина может поддерживать

критическое настроение. Кроме того, руководство благотворительным фондом требует навыков работы с людьми и лидерских качеств, люди не любят критических замечаний, они хотят слышать похвалы и одобрения. Не многие люди разделяют мою склонность к поиску ошибок, и еще меньшее число людей разделяют мою радость от нахождения ошибки. Для того чтобы быть сильным лидером, необходимо радовать людей. Я с трудом постигаю то, что, кажется, с легкостью дается политикам и главам корпораций.

Существует также и другое соображение. Я должен был появляться на публике, и когда я появлялся, от меня ждали проявления самоуверенности. На самом же деле меня терзает неуверенность в себе, и я лелею это чувство. Мне бы не хотелось потерять его. Существует огромная разница между тем, каким я бываю на публике, и моим подлинным «я», но я понимаю рефлексивную связь между этими двумя образами. Я с удивлением наблюдал за развитием в себе некой общественной личности и влиянием этого развития на остального меня. Я стал «обаятельной» личностью. К счастью, я не верю в себя так, как верят в меня другие. Я пытаюсь не забывать о своих слабых местах, даже если сейчас я ощущаю их не так остро, как раньше. Другие обаятельные личности шли по другому пути к руководящим позициям. У них — свои воспоминания. Они, возможно, помнят, что пытались заставить других поверить в себя, и в конечном итоге — им это удалось. Их не мучает неуверенность в себе, и им не надо подавлять желания выразить это чувство. Неудивительно, что их отношение к собственной ошибочности сильно отличается от моего.

Интересно посмотреть, как моя настоящая «обаятельная» личность связана с финансовыми рынками и моим прежним «я» в качестве руководителя фонда. Это дает мне возможность заключать сделки и манипулировать рынками, но лишает возможности руководить деньгами. Мои высказывания могут изменить рынки, хотя я стараюсь не злоупотреблять этой властью. В то же время я потерял способность оперировать в границах рынка, как я это делал ранее. Я разрушил механизм боли и волнения, который ранее руководил моими действиями. Это — длинная история, я уже рассказывал ее. Изменения произошли задолго до того, как я приобрел свое «обаяние». Когда я был действующим руководителем фонда, я избегал публичности. Я считал фотографию на обложке финансового журнала поцелуем смерти. Это было почти предубеждением, но хорошо подкреплялось фактами. Легко понять, почему. Известность породила бы чувство эйфории, и даже если бы я боролся с ним, эта борьба выбила бы меня из седла. И если я высказывал мнение о рынке публично, мне было тяжело изменить свою точку зрения.

Очевидно, что деятельность на финансовых рынках требует другого склада ума, чем деятельность в социальной, политической или организационной областях, или чем деятельность рядового человека. Это положение также подкрепляется доказательствами. В большинстве финансовых институтов существует напряженность между теми, кто приносит прибыль, и менеджерами, ответственными за организацию, или, по крайней мере, такая напряженность существовала, когда я был знаком с деятельностью этих институтов, и самые талантливые их тех, кто зарабатывал прибыль, предпочитали действовать самостоятельно. Это был генезис истории страховых фондов.

Радикальный вариант ошибочности, принятый мною в качестве рабочей гипотезы, конечно, доказал свою действенность в отношении финансовых рынков. Он оказался значительно более эффективным, чем гипотеза случайного блуждания. Применима ли эта гипотеза к другим сферам человеческой деятельности? Все зависит от цели. Если мы хотим постичь реальность, я полагаю, что эту гипотезу вполне можно применить; но если наша цель заключается в манипулировании реальностью, то данная гипотеза оказывается не столь эффективной. Более эффективным оказывается обаяние.

Я научился приспособливаться к новой реальности. Раньше я считал общественное выражение похвалы и благодарности однозначно болезненным, но я понял, что это рефлекс, оставшийся с того времени, когда я активно управлял деньгами и должен был руководствоваться результатами своей деятельности, а не тем, что другие люди о них думали. Меня по-прежнему смущает выражение благодарности, и я по-прежнему верю, что

филантропия, если она заслуживает похвалы, должна ставить интересы общества выше удовлетворения своих амбиций, но я готов принять похвалу, поскольку моя филантропическая деятельность на самом деле удовлетворяет этому критерию. Меня волнует вопрос, будет ли моя филантропическая деятельность по-прежнему удовлетворять этому критерию в свете изменившегося отношения к похвале? Но пока меня волнует этот вопрос, ответ, возможно, будет положительным.

2

2. КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Существует широко распространенное мнение, что экономические явления подчиняются неопровержимым естественным законам, которые можно сравнить с законами физики. Это — ложное мнение. Еще важнее, что решения и структуры, основанные на этом мнении, дестабилизируют экономику и являются политически опасными. Я убежден, что рыночная система, как любое устройство, созданное человеком, по своей сути несовершенна. Это убеждение лежит в основе всего анализа данной книги, а также моей личной философии и финансового успеха моих фондов. Поскольку этот критический взгляд на экономическую науку и другие общественные устройства является ведущим в сравнении со всеми остальными идеями этой книги, я должен теперь применить общие рассуждения о рефлексивности для объяснения того, почему все теории об экономических, политических и финансовых устройствах качественно отличаются от законов естественных наук. Только после уяснения и признания того факта, что общественные построения в целом и финансовые рынки в частности по своей сути являются непредсказуемыми, можно понять все остальные доводы данной книги.

Все понимают, что экономический анализ лишен универсальной действенности физики. Но наиболее важная причина недостатка экономического анализа и неизбежной нестабильности всех общественных и политических институтов, которые допускают абсолютную правильность выводов экономической науки, остается по-настоящему непонятной. Недостатки экономической науки вызваны не просто нашим несовершенным пониманием экономической теории или нехваткой достаточных статистических данных. Эти проблемы могут быть принципиально разрешены более глубоким исследованием. Но экономический анализ и идеология свободного рынка, которая его поддерживает, разрушаются гораздо более фундаментальным и неисправимым недостатком. Экономические и общественные события, в отличие от событий, которые изучаются физиками и химиками, включают мыслящих участников. И именно мыслящие участники могут изменять правила экономической и общественной системы просто в силу своих представлений об этих правилах. Претензии экономической теории на универсальную действенность оказываются несостоятельными, если только верно понят этот принцип. Это не интеллектуальная игра. Ибо если экономические закономерности не являются неопровержимыми, и если экономические теории не являются научно действенными, и никогда такими не могут быть, то вся идеология рыночного фундаментализма моментально рушится.

Рефлексивность представляет для экономической науки и всех других социальных

наук две самостоятельные, но взаимосвязанные проблемы. Одна относится к предмету, другая — к ученому наблюдателю. Мы увидим, что первая оказывается серьезной проблемой для традиционного представления об экономической теории, а вторая — губительной.

Рефлексивность в общественных явлениях

Напомню некоторые положения теории научного метода Карла Поппера. Простая и элегантная модель Поппера имеет три компонента и три операции. Три компонента — это определенные начальные состояния, определенные конечные состояния в научном эксперименте, а также обобщения гипотетического характера. Начальные и конечные состояния могут быть проверены прямым наблюдением; гипотеза не может быть проверена, она может быть только искажена. Три основные научные операции — это предсказание, объяснение и проверка. Гипотетическое обобщение может быть объединено с начальными состояниями для получения определенного предсказания. Оно может быть объединено с конечными состояниями для получения объяснения. Предполагается, что гипотеза остается действенной неограниченно долго, это позволяет осуществлять проверку. Проверка включает сравнение некоторых начальных и конечных состояний для определения их соответствия гипотезе. Никакое число проверок не может реально проверить гипотезу, но пока гипотеза не искажена, ее можно принять как действенную.

Асимметрия между проверкой и искажением является, с моей точки зрения, величайшим вкладом Поппера не только в философию науки, но и в наше понимание мира. Она устраняет заблуждения, возникающие в результате индуктивного способа рассуждений. Нам не нужно настаивать, что солнце *всегда* будет вставать на востоке только потому, что так было до сих пор каждый день; достаточно, если мы условно примем эту гипотезу, пока она не искажена. Это — элегантное решение того, что иначе было бы непреодолимой логической проблемой. Это утверждение позволяет непроверенным гипотезам давать ясные предсказания и объяснения.

Возможно, недостаточно подчеркивалось, что гипотезы должны быть действенными бесконечно долго для того, чтобы их проверка вообще была возможной. Если определенный результат не может быть повторен, то проверку нельзя считать окончательной. Но рефлексивность зарождает необратимые исторические процессы, поэтому она не поддается обобщениям, действенным бесконечно долго. Более точно: обобщения, которые могут быть сделаны о рефлексивных событиях, не могут быть использованы для ясных предсказаний и объяснений. Это утверждение никоим образом не разрушает модели научного метода Поппера. Модель по-прежнему остается элегантной и столь же близкой к совершенству, как и ранее, она просто не применима к рефлексивным явлениям. Утверждение, однако, вызывает расхождения между естественными и общественными науками, поскольку рефлексивность имеет место только тогда, когда есть мыслящие участники.

Конечно, очень опасно вводить жесткие разграничения в понимание реальности. Совершаю ли я такую ошибку, когда пытаюсь разграничить гуманитарные и естественные науки? Общественные явления далеко не всегда рефлексивны. Даже в ситуациях, в которых одновременно реализуются функции участника и когнитивная функция, они не всегда приводят в движение механизм обратного воздействия, который влияет как на мышление участников, так и на саму ситуацию. И даже если обратная связь имеется, скорее всего ее можно игнорировать без существенного искажения реальности. Применение методов естественных наук к общественным явлениям может дать ценные результаты. Именно это и пыталась сделать классическая экономическая теория, и во многих ситуациях она достаточно хорошо работала.

Однако существует фундаментальное различие между естественными и общественными науками, которое не было до сих пор признано достаточно полно. Чтобы лучше понять его, мы должны рассмотреть вторую проблему — отношение научного

наблюдателя к предмету.

Рефлексивность и ученые, занимающиеся общественными науками

Наука сама по себе является общественным явлением, и как таковая она является потенциально рефлексивной. Ученые связаны с предметом науки как участники и как наблюдатели, но отличительная черта научного метода, как продемонстрировала модель Поппера, заключается в том, что эти две функции друг с другом не совмещаются. Теории ученых не влияют на их эксперименты. Наоборот, эксперименты предоставляют факты, по которым можно судить о научных гипотезах.

Пока разделение между утверждениями и фактами остается ясным и неопровержимым, не может быть сомнения относительно цели исследователей - приобрести знания. Цели отдельных участников процесса могут отличаться. Одни могут стремиться приобретать знания ради знаний, другие — ради выгоды, которую они могут принести, третьи стремятся добиться личного продвижения. Какими бы ни были мотивы, мериллом успеха является знание, и это - объективный критерий. Те, кто стремится добиться личного успеха, могут достичь своей цели только путем формулировки истинных утверждений; если они фальсифицируют результаты экспериментов, это всплывет наружу. Те, кто пытается подчинить природу своей воле, могут достичь своей цели сначала только путем приобретения знаний. Природа идет по своему пути — независимо от теорий о ней; поэтому мы можем заставить природу служить нашим целям только понимая законы, руководящие ее поведением. Здесь не существует коротких путей.

Прошло много времени, прежде чем это было признано. В течение тысячелетий люди приобщались к различным формам магии, ритуалам и принимали желаемое за действительное, чтобы добиться более прямого влияния на природу, они были не готовы принять ту суровую дисциплину, которую навязывал научный метод. Прошло много времени, прежде чем нормы и положения науки доказали свое превосходство, но в конце концов, по мере того как наука продолжала делать мощные открытия, она приобрела статус, равный тому, которым раньше пользовались магия и религия. Договоренность о цели, принятие определенных условностей, доступность объективного критерия и возможность делать действенные обобщения бесконечно долго — все вместе способствовало успеху науки.

Сегодня наука рассматривается как высшее достижение человеческого интеллекта. Эта красивая комбинация разрушается, когда предмет изучения рефлексивен. С одной стороны, труднее достичь положительных результатов, поскольку предмет изучения не легко дает возможность открывать в отношении себя действующие бесконечно долго и поэтому поддающиеся проверке гипотезы, имеющие авторитет научных законов. Опираясь на свидетельства, мы видим, что достижения общественных наук не легко сравнивать с достижениями естественных наук. С другой стороны, независимость объективного критерия, а именно фактов, уменьшается. Поэтому условности науки здесь не легко претворять в жизнь. Можно влиять на факты, делая утверждения о них. Это верно не только в отношении участников, но и ученых. Рефлексивность подразумевает некоторое «короткое замыкание» между утверждениями и фактами, и это «замыкание» доступно как ученым, так и участникам событий.

Это — важный момент. Позвольте мне объяснить его, сравнив неопределенность, включенную в рефлексивность, с неопределенностью, наблюдаемой в поведении квантовых частиц. Неопределенность в обоих случаях сходная, но отношение наблюдателя к предмету изучения будет различным. Поведение квантовых частиц не меняется, независимо от того, признается или нет принцип неопределенности Гейзенберга. Но на поведение людей влияют научные теории — точно так же, как и другие убеждения. Например, масштаб рыночной экономики расширился, поскольку люди верят в «магию рынка». В естественных

науках теории не могут изменить явления, к которым они относятся; а в общественных науках — могут. Это создает почву для дополнительной неуверенности, которой нет в принципе неопределенности Гейзенберга. Именно этот дополнительный элемент неопределенности несет ответственность за раскол между естественными и общественными науками.

Я признаю, что ученые могут принять специальные меры предосторожности с целью изоляции своих утверждений от предмета изучения, например держать предсказания в тайне.

Но зачем это надо? Является ли целью науки приобретение знаний ради них самих или ради других выгод? В естественных науках такого вопроса не возникает, поскольку выгоды могут быть получены только после приобретения знания. В общественных науках ситуация иная: рефлексивность предлагает короткий путь. Здесь, чтобы теория оказывала влияния на поведение людей, она необязательно должна быть истинной.

Классическим примером усилий псевдоученых наблюдателей навязать свою волю предмету была попытка превратить обычный металл в золото. Алхимики долго и упорно работали, пока не были вынуждены оставить попытки в силу их бесплодности. Их провал был неизбежен, поскольку поведение обычного металла определяется универсально действенными законами, которые не могут быть изменены какими-либо утверждениями, магическими заклинаниями или ритуалами. Престиж современных экономистов, особенно в области политики и финансовых рынков, демонстрирует, что средневековые алхимики шли по ложному пути. Обычные металлы не могут быть превращены в золото магическими заклинаниями, но люди могут обогатиться на финансовых рынках и оказывать влияние в политике, предлагая на обсуждение ложные теории или сбывающиеся пророчества. Более того — их шансы на успех увеличиваются, если они могут выступать под знаменем науки. Стоит отметить, что и Маркс, и Фрейд громко заявляли о научном статусе своих теорий и основывали многие свои заключения на авторитете, который им придавало то, что они были «научными». Как только эта идея доходит до сознания, само выражение «общественная наука» начинает вызывать подозрение. Эти слова часто являются магическими, они используются «общественными алхимиками», стремящимися навязать свою волю предмету изучения путем магических заклинаний.

Ученые, занимающиеся общественными науками, предпринимали массу попыток и продолжают пытаться подражать своим собратьям по естественным наукам, но с удивительно скромным успехом. Их усилия часто создают пародию на естественные науки. Но между неудачами ученых, занимающихся общественными науками, и неудачами алхимиков существует большая разница. Алхимиков постигла полная неудача, ученые, занимающиеся общественными науками, узурпируя авторитет естественных наук, сумели добиться значительного общественного и политического влияния. Поведение людей, именно потому что ими не руководит реальность, легко поддается влиянию теорий. В области естественных явлений научный метод эффективен только тогда, когда теории оказываются действенными; но в общественных, политических и экономических вопросах теории могут быть эффективны и при этом не быть действенными. Хотя алхимия и потерпела неудачу как наука, общественные науки могут преуспеть, как когда-то преуспевала алхимия.

Карл Поппер видел опасность использования политическими идеологиями престижа науки для влияния на ход истории; опасность была особенно серьезной в случае марксизма. Для защиты научного метода от таких злоупотреблений он провозгласил, что теории, которые не могут быть искажены, не могут считаться научными. Но даже обладая самой сильной в мире волей, мы не можем вписать рефлексивные явления в модель Поппера, и даже теории, удовлетворяющие этим требованиям, могут использоваться в политических целях. Например, экономисты пытались избежать введения оценочных суждений, но именно в результате этого их теории были присвоены сторонниками идеи «свободного рынка» и использованы в качестве обоснования самого всепроникающего оце-

ночного суждения, которое можно только представить: оптимального из существующих социальных результатов можно достичь только в условиях рыночной конкуренции.

Существует лучший способ защитить научный метод. Единственное, что нам следует сделать, так это объявить, что общественные науки не имеют и никогда не могут иметь права на статус, который мы предоставляем естественным наукам, независимо от того, какие достижения получены в общественных и социальных исследованиях. Это бы остановило демонстрацию заимствованных «украшений» псевдонаучными социальными теориями; а также рабское подражание естественным наукам в областях, где это неуместно. Это не предотвратило бы попыток создать универсально действенные законы, определяющие поведение человека, но помогло бы уменьшить наши ожидания относительно результатов. Мы могли бы сделать и большее. Такие убеждения помогли бы нам примириться с ограниченностью нашего знания и освободили бы общественные науки от смиренной рубашки, которую на нее надели амбиции сторонников приобретения научного статуса. Именно эту идею я пропагандировал в своей книге *«Алхимия финансов»*, когда я назвал общественные науки ложной метафорой. Модель Поппера работает с обобщениями, действенными бесконечно долго. Если рефлексивность — это связанный временем, необратимый процесс, тогда почему он должен вписываться в модель Поппера?

Признание ограниченности общественных наук не означает, что мы должны отказаться от поиска истины при изучении общественных явлений. Это только означает, что поиск истины требует от нас признания того, что некоторые аспекты поведения человека не определяются законами, действующими бесконечно долго. Такое признание должно воодушевлять нас на поиск других путей, ведущих к пониманию. Поиск истины также вынуждает нас признать, что общественные явления могут подпадать под влияние теорий, которые были разработаны для их объяснения. В результате изучение общественных явлений может быть мотивировано целями, отличными от поиска истины. Наилучший способ защититься от злоупотребления научным методом состоит в признании того, что общественные теории могут оказывать влияние на предмет, который они описывают.

Критический анализ экономической теории

Экономическая теория - самая далеко идущая попытка участвовать в конкуренции с естественными науками, и эта попытка, без сомнения, является весьма успешной. Экономисты — последователи классической теории были вдохновлены достижениями ньютоновской физики. Они пытались установить универсально действенные законы, которые могли бы быть использованы как для объяснения, так и для предсказания экономического поведения, и надеялись достичь этой цели, опираясь на концепцию равновесия. Концепция позволила сконцентрировать экономический анализ на конечном результате и пренебречь временными нарушениями равновесия. Маятник не перестает двигаться вокруг одной и той же точки, независимо от того, как велика была амплитуда его колебаний; именно этот «центристский» принцип позволил экономистам-теоретикам сформулировать бесконечно долго действующие правила об уравнивающей роли рынка.

Концепция равновесия — очень полезна, но она также может быть и очень обманчивой. У нее есть аура некоторого эмпиризма. Но это — не так. Само по себе равновесие в реальной жизни наблюдается редко - рыночные цены имеют печально известную репутацию колебаться. Процесс, который можно наблюдать, как предполагается, стремится к равновесию, но равновесия можно никогда и не достигнуть. Верно, что участники рынка приспосабливаются к рыночным ценам, но, возможно, они приспосабливаются к постоянно движущейся цели. В таком случае называть поведение участников процессом приспособления было бы ошибочно.

Равновесие — продукт аксиоматической системы. Экономическая теория строится на принципах логики и математики: она основана на некоторых постулатах, и все ее

выводы также основываются на этих постулатах в результате логической манипуляции. Возможно, что равновесие никогда не будет достигнуто, но этот факт не должен делать недействительным логическое построение, где некое гипотетическое равновесие представляется как модель реальности, вводя тем самым значительное искажение. Евклидова геометрия была и остается вполне действенной аксиоматической системой, но она позволяла давать фактам неверные толкования, например, что Земля — плоская.

Равновесие не всегда является движущейся целью. Существует много ситуаций, в которых когнитивная функция реализуется постоянно, а пересечение кривых спроса и предложения не всегда определяет точку равновесия. Но существуют также и многочисленные события, исключаемые из процесса рассмотрения, когда кривые спроса и предложения берутся как данные. Это исключение было оправдано по методологическим соображениям: утверждается, что экономическая теория не рассматривает кривые спроса и предложения самостоятельно, а только во взаимосвязи. За этим утверждением скрывается предположение, что механизм цен работает только в одном направлении - пассивно отражая условия спроса и предложения. Когда продавцы знают, сколько товара они готовы предложить по определенной цене, а покупатели знают, сколько они готовы купить, — должно установиться равновесие, чтобы рынок нашел ту единственную цену, которая соответствует данному спросу и предложению. Но что, если само движение цен меняет намерения покупателей и продавцов торговать по данной цене, например, потому что они ожидают повышения цены в будущем? Эта возможность, являющаяся доминирующим фактором жизни финансовых рынков и промышленности с быстро развивающимися технологиями, просто отмечается.

Для определения рыночных цен необходимо предположение, что кривые спроса и предложения даны независимо. Без независимых кривых спроса и предложения цены перестанут определяться единственным возможным образом. Экономисты будут лишены возможности разрабатывать обобщения, сходные с обобщениями естественных наук. Идея, что условия спроса и предложения могут быть определенным способом взаимозависимы или зависеть от рыночных событий, может показаться неуместной тем, кто был взращен на экономической теории. Но именно это и предполагает концепция рефлексивности, именно это и демонстрирует поведение финансовых рынков.

Предположение о независимости данных условий спроса и предложения устраняет возможность какого-либо рефлексивного взаимодействия. Насколько важно это допущение? Насколько важна рефлексивность в поведении рынка и экономики в целом? Давайте обратимся к фактическим данным. В книге *«Алхимия финансов»* я определил и проанализировал несколько случаев рефлексивности, которые невозможно объяснить надлежащим образом при помощи теории равновесия. В случае с фондовым рынком я сосредоточился на соотношении собственных и заемных средств и превышении стоимости ценных бумаг над их рыночной стоимостью. Когда ценные бумаги компании или отрасли продаются по завышенной цене, они могут использовать ценные бумаги и полученную выручку для оправдания завышенных ожиданий, но — только до определенного момента.

Наоборот, когда ценные бумаги быстрорастущей компании продаются по заниженной цене, компания может оказаться не в состоянии использовать имеющиеся у нее возможности, таким образом оправдывая продажу ценных бумаг по заниженным ценам, но опять же — только до определенного момента. На основании этих примеров я разработал теорию чередования периода быстрого роста деловой активности и спада для фондового рынка, которая принесла хорошие результаты (я подробно рассматриваю ее в следующей главе).

Изучая рынки валют, я выявил возможности возникновения порочных и непорочных кругов, на которых обменные курсы и так называемые основные принципы, которые они, как предполагается, должны отражать, взаимосвязаны некоторым самоусиливающим способом, создавая самоподдерживающиеся тенденции в течение длительных периодов, — до тех пор, пока они в конце концов не начинают развиваться в

обратном направлении. Я выявил порочный круг для доллара, который достиг своей кульминационной точки в 1980 г., и проанализировал порочный круг, складывавшийся в период с 1980 по 1985 гг. Я назвал его «имперским кругом» Рейгана. Если бы я писал книгу позже, то мог бы проанализировать подобный «имперский круг» в Германии, вызванный объединением Германии в 1990 г. Он складывался иначе в результате своего влияния на европейский механизм обменных курсов: этот механизм привел к девальвации фунта стерлинга в 1992 г. Наличие таких длительных, легко выявляемых тенденций поощряет спекуляции, основанные на следовании за тенденциями, а нестабильность накапливается постепенно.

Изучая банковскую систему и кредитные рынки в целом, я отметил наличие рефлексивной связи между актом кредитования и стоимостью обеспечения, которая определяет кредитоспособность заемщика. Это дает основания для асимметричного чередования периодов быстрого роста деловой активности и спада, при котором кредитная экспансия и экономическая деятельность медленно набирают скорость и могут внезапно остановиться. Рефлексивная связь и асимметричная модель четко просматривались в период великого кредитного бума в 1970-е годы, который достиг кульминационной точки во время мексиканского кризиса в 1982 г. Сходный процесс развивается в 1998 г., когда я пишу эти строки.

Этих примеров должно быть достаточно для демонстрации неадекватности теории равновесия и оправдания попытки развить общую теорию рефлексивности, в которой равновесие становится особым случаем. В конце концов было достаточно одного эксперимента с солнечным пятном, чтобы продемонстрировать недостатки ньютоновской физики и доказать действенность теории относительности Эйнштейна. Но между теорией Эйнштейна и моей существует серьезное отличие. Эйнштейн мог предвидеть определенное событие — эффект Майкельсона — Морли, который доказал инвариантность скорости света, или перигелий Меркурия, и подтвердил общую теорию относительности. Я не могу предсказать ничего, кроме самой непредсказуемости. Мы должны понизить уровень наших ожиданий относительно нашей же способности объяснять и предсказывать общественные и исторические события до того, как будет принята теория рефлексивности.

Прежде чем двигаться дальше, мне хотелось бы прояснить два теоретических момента.

Во-первых — идею равновесия. Помимо рефлексивности существуют другие факторы, которые могут вмешаться в формирование тенденции к равновесию. Одним из них являются инновации. Артур Брайан и другие ученые разработали концепцию растущей доходности, которая оправдывает рост производства за рамки классического равновесия в надежде, что развитие технологии будет резко снижать затраты на производство и таким образом увеличит прибыли благодаря доминирующей позиции на рынке. Эта теория подорвала одно из самых свято охраняемых заключений экономической теории, а именно оптимальность свободной торговли.

Во-вторых — идею рефлексивности. Рефлексивность проявляет себя в изменении ценностей и ожиданий людей. Однако оказалось недостаточно, чтобы эти восприятия просто изменялись, восприятия должны также оказывать значительное влияние на реальные события, иначе изменениями можно пренебречь как простым фоновым шумом, а конечное равновесие останется прежним. В целом, я не верю, что в отношении реальности можно применить некое жесткое воздействие, если микроэкономический анализ не принимает в расчет рефлексивность. Возможным исключением здесь является реклама и маркетинг, которые предназначены для изменения кривой спроса, а не для удовлетворения существующего спроса. Но даже такая деятельность не всегда будет рефлексивной в том смысле, в котором я определил этот термин, и она не мешает установлению равновесия, при котором фирмы выделяют часть ресурсов на увеличение спроса и часть — на удовлетворение потребностей.

Когда дело касается финансовых рынков и проблем макроэкономики, возникает

другая ситуация. Ожидания играют важную роль, эта роль является рефлексивной. Участники основывают свои решения на своих ожиданиях, а будущее, которое они пытаются предугадать, зависит от решений, принимаемых ими сегодня. Разные решения приводят к разному будущему. Поэтому решения не относятся к чему-либо, данному независимо. Это дает основания для появления элемента неопределенности как в решениях, так и в последствиях. Теоретически неопределенность могла бы быть устранена введением героического предположения о совершенстве знания. Но этот постулат не выдерживает критики, поскольку игнорирует тот факт, что люди — свободны в осуществлении выбора. Уместно задать также вопрос — совершенное знание о чем? О всех возможных вариантах выбора всех участников? Это невозможно, когда альтернативы связаны результатом, который, в свою очередь, зависит от выбора. Поэтому участники должны не только знать, что представляет собой конечное равновесие, но они должны одновременно желать этого; они также должны знать, что все остальные знают о нем и хотят именно этого результата. Это достаточно условный набор предположений, но он был предложен со всей серьезностью.

Мы должны признать, что совершенное знание недостижимо, а элемент неопределенности — неизбежен. Значит ли это, что концепция равновесия не имеет отношения к реальному миру? Не обязательно. Должно произойти еще что-то, чтобы превратить равновесие в движущуюся цель: ожидания должны повлиять на будущее, с которым они связаны. Более того, это влияние должно вызывать изменение ожиданий, которые, в свою очередь, меняют будущее. Такие соотносящиеся с самими собой, оказывающие влияние на самих себя механизмы обратной связи не приходят в действие всякий раз, но они возникают достаточно часто, поэтому их нельзя игнорировать. Эти механизмы неизбежно возникают на финансовых рынках, где изменения текущих цен могут вызвать изменения будущего, которое текущие цены, как предполагается, должны дисконтировать. Они также свойственны макроэкономической политике, на которую оказывают влияния события на финансовых рынках и которая, в свою очередь, сама оказывает влияние на финансовые рынки. Итак, очевидно, что попытки объяснить поведение финансовых рынков и макроэкономических событий посредством анализа равновесия нельзя считать успешными. Но именно это и пыталась делать экономическая теория, когда приписывала все проявления неравновесного состояния шокowym влияниям извне. Это устремление напоминает мне попытки Птолемея объяснить движение небесных тел рисованием дополнительных кругов, когда планеты вдруг переставали двигаться по предписанному им пути.

На практике и участники рынка, и те, кто его регулируют, осознают, что равновесие — это иллюзия. Очень редко можно найти область деятельности, в которой теория и практика столь далеки друг от друга, открывая большое поле деятельности для алхимии и других форм магии. Я знаю, что, поскольку меня наделили репутацией мага, особенно в азиатских странах, это позволило бы мне манипулировать рынками. Выступления Алана Гринспэна, особенно его предупреждения о «нерациональном изобилии рынка», вызвали рефлексии обо всем, кроме имени. Самых мощных практиков рефлексивной алхимии прошлого можно было найти в Министерстве финансов Японии; в настоящее время их мешок с чудесами пуст.

Я вынужден признаться, что я не знаком с господствующими теориями об эффективных рынках и рациональных ожиданиях. Я считаю их нерелевантными и поэтому никогда не тратил время на их изучение, поскольку мне, похоже, неплохо жилось и без них — что было, возможно, и к лучшему, судя по недавнему краху *Long-Term Capital Management* — страхового фонда, руководители которого пытались получить прибыли от использования современной теории равновесия. Их арбитражные стратегии были обоснованы, частично, группой лауреатов Нобелевской премии за 1997 г. в области экономики — премии, которую они получили за теоретическую работу по ценообразованию опционов. Тот факт, что некоторые удачливые участники финансовых

рынков считают современные теории, которые якобы объясняют, как функционируют финансовые рынки, абсолютно бесполезными, можно рассматривать как уничтожающую критику, но это не является официальной демонстрацией неадекватности этих теорий. Крах названного страхового фонда является более убедительным и ярким тому доказательством.

Я считаю концепцию равновесия очень полезной для высвечивания недостатков реального мира. Мы не смогли бы создать динамической теории неравновесия, если бы не существовало теории равновесия. Я не имею ничего против экономической науки, кроме того, что она не достаточно глубоко анализирует реальность. Она не учитывает рефлексивные связи между событиями на рынках и условиями спроса и предложения.

Чтобы понять финансовые рынки и макроэкономические события, нам необходима новая парадигма. Нам необходимо дополнить теорию равновесия концепцией рефлексивности. Рефлексивность не отрицает выводов теории равновесия как аксиоматической системы, но она добавляет измерение, которое теория равновесия не принимает в расчет. Это напоминает объединение геометрии плоскости с понятием о том, что земля круглая. Теория равновесия предназначена для того, чтобы давать обобщения, которые могут быть действительными бесконечно долго. Рефлексивность добавляет во все процессы историческое измерение. Движение времени представляет собой исторический процесс, который может стремиться к равновесию, а может и не стремиться. Только это и имеет смысл в реальном мире.

В следующей главе я предложу рефлексивное, историческое объяснение финансовых рынков; но сначала я хочу завершить критический анализ экономической теории рассмотрением вопроса о ценностях.

Проблема ценностей

Экономическая теория принимает ценности и предпочтения участников рынка как данные. Под прикрытием этого методологического условия она негласно вводит некоторые дополнительные утверждения о ценностях. Наиболее важным является утверждение, согласно которому приниматься в расчет должны только рыночные ценности; т.е. только те размышления, которые приходят в голову участникам рынка, когда те принимают решение, сколько они готовы заплатить другому участнику рынка в процессе свободного товарообмена. Это утверждение справедливо, когда цель состоит в определении рыночной цены, но оно игнорирует широкий спектр личных и общественных ценностей, которые не находят выражения в поведении на рынке. Эти ценности не должны игнорироваться при решении вопросов, не связанных с вопросом о рыночной цене. Как должно быть организовано общество, как должны жить люди? Ответы на эти вопросы не должны основываться на рыночных оценках.

Но тем не менее это происходит. Масштаб влияния экономической теории вышел за рамки, которые должны определяться постулатами аксиоматической системы. Теория перестала быть просто теорией. Рыночные фундаменталисты трансформировали аксиоматическую, нейтральную по отношению к человеческим ценностям теорию в идеологию, которая оказывала и продолжает оказывать мощное и опасное влияние на поведение людей в политике и бизнесе. Как рыночные ценности проникают в те области жизни общества, где им нет места? Вот вопрос, который я хочу обсудить в данной книге.

Экономическая теория принимает ценности как нечто данное и всегда допускает выбор между альтернативами: некоторое количество конкретного товара может быть приравнено к известному количеству другого товара или услуги. Невозможность или неуместность торговли о цене некоторых товаров или услуг, иными словами, — ценностей, не признается, или, чтобы быть более точными, - не допускается даже мысли о том, что ряд ценностей вообще исключается из области экономики. В целом считается, что в область экономики включаются только индивидуальные предпочтения, в то время как коллективными интересами пренебрегают. Это означает, что из экономики исключена вся область общественных и политических интересов. Если бы довод рыночных

фундаменталистов о том, что общие интересы наиболее полно удовлетворяются путем безграничного удовлетворения личных интересов, или своекорыстия, был бы верным, то это не приносило бы много вреда; но поскольку такой вывод не учитывает необходимости удовлетворять коллективные потребности, то это положение становится весьма спорным.

Эмпирические изучения процесса принятия решений показали, что даже в вопросах личных предпочтений поведение людей не соответствует утверждениям экономической теории. Данные исследований показывают, что вместо того, чтобы быть последовательными и постоянными, предпочтения людей все время и довольно серьезно меняются, и это изменение зависит от того, как они формулируют проблемы, побуждающие их принимать конкретные решения. Например, экономическая теория со времен Бернулли предполагает (приблизительно 1738 г.), что экономические агенты оценивают результат сделанных ими выборов в зависимости от состояния их благополучия. На самом деле экономические агенты рассматривают результаты как прибыль или убытки в сравнении с каким-то отправным моментом. Более того, варианты формулировок результата оказывают огромное влияние на решения: агенты, оценивающие свои результаты с позиции благополучия, меньше боятся рисковать, чем те агенты, которые судят о своих результатах с точки зрения убытков. Я иду дальше. Я утверждаю, что люди и ведут себя по-разному в зависимости от выбора отправного момента.

Даже некоторое постоянство в выборе точек отсчета еще не обеспечивает достаточной надежности: все равно между различными точками отсчета существует видимый разрыв. Я могу судить об этом на основании собственного опыта. У меня часто возникало ощущение, будто внутри меня живет несколько личностей: одна занята коммерческой, другая — общественной деятельностью, и третья — для более частного использования. Часто роли смешивались, создавая для меня бесконечные неудобства. Я предпринял сознательную попытку интегрировать различные аспекты моего существования, и я рад сообщить, что мне это удалось. Когда я говорю, что счастлив сообщить об этом, я действительно имею в виду именно это: интегрирование различных граней моей личности стало для меня источником огромного удовлетворения. Однако я должен признаться, что я не смог бы добиться этого, если бы я оставался только активным участником финансовых рынков. Контроль над деньгами требует, чтобы человек посвятил себя одному делу — деланию денег, и все остальные аспекты личности должны быть подчинены только этому. В отличие от других форм занятости, руководство страховым фондом может принести как прибыли, так и убытки; вы не можете позволить себе потерять контроль над ситуацией. Стоит отметить, что ценности, которые руководили мною во многих видах деятельности, связанной с зарабатыванием денег, действительно напоминали ценности, постулированные экономической теорией: эта деятельность включала тщательный анализ альтернатив. Характер этих ценностей был скорее количественным, а не качественным, они были относительно неизменными, а если и менялись — то постепенно. Эти ценности были определенно направлены на оптимизацию коэффициента между риском и вознаграждением, включая принятие более существенных рисков, когда коэффициент был благоприятным.

Я готов делать обобщения на основании моего личного опыта и признаю, что ценности, которые были постулированы экономической теорией, на самом деле имеют отношение к экономической деятельности в целом и к поведению участников рынка в частности. Мои обобщения оправданы, поскольку те участники рынка, которые не согласны с ценностями, либо устраниваются, либо их влияние мало значимо в результате конкуренции.

К тому же экономическая деятельность представляет собой только одну грань существования человека. Несомненно, она очень важна, но существуют и другие аспекты, которые нельзя игнорировать. В целях данного анализа я выделяю экономическую, политическую, социальную и личную сферы, но не хочу приписывать особой значимости какой-либо из них. Можно вспомнить и другие стороны жизни. Например, давление товарищей, влияние семьи или общественное мнение; я также могу выделить святое и

богохульное. Я хочу показать только одно: экономическое поведение — это только один тип поведения, а ценности, которые экономическая теория воспринимает как данные, не единственный тип ценностей, господствующих в обществе. Сложно представить, как ценности, связанные с другими сферами жизни, могут быть подвержены дифференциальному анализу, например в виде кривых безразличия.

Как экономические ценности связаны с другими видами ценностей? На этот вопрос нельзя дать ответ, который был бы универсальным и действенным бесконечно долго, но мы можем просто сказать, что одни только экономические ценности не могут быть достаточными для поддержания существования общества. Экономические ценности отражают тот факт, что конкретный участник рынка готов платить другому за его товар в ходе свободного товарообмена. Эти ценности предполагают, что каждый участник представляет собой центр прибыли, заинтересованный в максимально возможном увеличении своей прибыли в такой степени, что исключаются все остальные соображения. Это описание похоже на описание поведения на рынке, но для поддержания существования общества в целом и самого человека — в частности — должны существовать и некоторые другие ценности. Что представляют собой эти ценности и как их можно примирить с рыночными? Это — именно тот вопрос, который волнует меня сегодня. Более того, он озадачивает меня. Изучения экономической науки явно не достаточно для занятий экономикой, мы должны выйти за пределы экономической теории. Вместо того чтобы принимать ценности как данные, мы должны рассматривать их как рефлексивные. Это означает, что в различных условиях доминируют разные ценности и существует некий механизм двусторонней обратной связи, соединяющий их с реальными условиями, создавая уникальный исторический путь. Мы также должны считать ценности ошибочными. Это означает, что ценности, превалирующие в какой-то определенный момент истории, могут оказаться неадекватными и неподходящими в какой-либо другой момент. Я утверждаю, что рыночные ценности приобрели в настоящий момент истории такую значимость, которой они отнюдь не обладают и которую необходимо поддерживать.

Справедливости ради я должен указать, что если мы хотим применить концепцию рефлексивности к ценностям так же, как и к ожиданиям, то мы должны здесь поступать иначе. В случае с ожиданиями проверкой реальности служит результат, в случае с ценностями — такого критерия нет. Христианские мученики не отказались от своей веры даже тогда, когда их бросили львам. Вместо того чтобы говорить о когнитивной функции, мне, вероятно, необходимо иное, более эмоциональное название обратной связи, создающей переход от реальности к мышлению, но я не знаю другого названия. Более подробно остановимся на этом позже.

3. РЕФЛЕКСИВНОСТЬ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ

Как было указано в предыдущей главе, классическая экономическая теория основана на предположении о совершенстве знания и концепции равновесия. Я хочу приблизить анализ к реальности, признав тот факт, что, принимая решения, участники финансовых рынков не могут избежать элемента предвзятости. Я использую слово «предвзятость» для описания элемента суждения, присутствующего в ожиданиях участников рынка. Перед каждым участником рынка стоит задача наложить приведенную стоимость на будущий ход событий, но сам этот ход событий зависит от этой приведенной стоимости, которую все участники рынка, вместе взятые, ему приписывают. Поэтому участники рынка обязаны полагаться на элемент суждения. Важная черта предвзятости состоит в том, что ее роль не является только пассивной: она влияет на ход событий, который она должна отражать. Этот активный компонент отсутствует в концепции равновесия, используемой экономической теорией.

Предвзятость (*bias*) — сложная концепция. Ее нельзя надлежащим образом измерить, поскольку мы не знаем, как будет выглядеть мир без предвзятости. У каждого человека — свои предвзятости, но невозможно вообще не иметь предвзятости. Это верно и для таких случаев, когда участник может точно предвидеть будущее. К счастью, существует некая норма, которая указывает, но не измеряет предвзятость участников, а именно реальный ход событий. Не существует реальности, независимой от мышления участников, существует реальность, зависящая от мышления. Другими словами, существует последовательность событий, которые реально происходят, и эта последовательность учитывает влияние предвзятости участников. Реальный ход событий, очевидно, будет отличаться от ожиданий участников, и это различие может рассматриваться как указание на существование предвзятости. Явление, которое можно наблюдать лишь частично, имеет ограниченную ценность в качестве инструмента научного исследования. Мы теперь понимаем, почему экономисты так хотели устранить его из области своих интересов. Но несмотря на это, я считаю его ключом к пониманию финансовых рынков.

Ход событий, который пытаются предвидеть участники рынка, состоит из рыночных цен. Их можно легко наблюдать, но сами по себе они ничего не говорят о предвзятости участников. Для выявления предвзятости мы должны найти другую переменную, которая не «заражена» предвзятостью. Традиционное толкование финансовых рынков предлагает такую переменную: она состоит из основных показателей, которые, как предполагается, должны отражать рыночные цены. Чтобы избежать сложностей, я буду говорить о фондовых рынках. Компании имеют балансовые отчеты, получают прибыль и выплачивают дивиденды. От рыночных цен ждут выражения доминирующих ожиданий в отношении динамики основных показателей. Я не согласен с такой интерпретацией, но она предлагает интересный отправной момент для изучения предвзятости участников.

В рамках нашего обсуждения я определяю равновесие как соответствие между представлениями участников в отношении основных показателей и самими этими основными показателями. Я полагаю, что это согласуется с концепцией в том виде, в котором она используется в экономической теории. Основные показатели, имеющие значение, возникнут только в будущем. Курсы акций, как предполагается, должны отражать не прибыль, состояние баланса и дивиденды за прошлый год, а будущий поток прибыли, дивидендов и стоимость основных средств. Этот поток не является данным; поэтому он не

составляет предмет знания, а представляет собой предмет догадок. Важный момент заключается в том, что будущее, когда оно наступит, уже будет находиться под влиянием предшествовавших ему догадок. Догадки находят выражение в курсах акций, а курс акций влияет на основные показатели. Как мы увидим далее, схожие рассуждения можно вести и о валютах, займах, товарах. (Для простоты я сосредоточусь только на фондовом рынке.) Компания может получить капитал путем продажи акций, а цена, по которой они будут проданы, повлияет на прибыль в расчете на одну акцию. Курс акций также оказывает влияние на условия, при которых компания может получить займы. Компания может также заинтересовать свое руководство выпуском опционов. Существуют и другие пути, при помощи которых имидж компании, представленный курсами акций, может оказывать влияние на развитие процесса. Каждый раз, когда это происходит, возникает возможность двустороннего рефлексивного взаимодействия, и равновесие становится ложной идеей, поскольку основные показатели перестают описывать независимую переменную, которой могут соответствовать курсы акций. Равновесие становится движущейся целью, а рефлексивное взаимодействие может сделать ее и вовсе ускользающей, потому что изменения курсов акций могут толкать основные показатели в том же направлении, в каком движутся сами акции.

Будущее, которое пытаются предсказать участники рынка, состоит в основном из курса акций, а не основных показателей рынка. Основные показатели имеют значение только в той степени, в которой они оказывают влияние на курс акций. Когда курсы акций находят способ оказывать влияние на основные показатели, может быть запущен самоусиливающийся процесс, который приведет к тому, что и основные показатели, и курсы акций окажутся достаточно далеко от того состояния, которое некогда рассматривалось как традиционное равновесие. Это оправдало бы поведение, выражающееся в следовании за тенденцией; такое поведение может привести финансовые рынки в состояние, которое я называю территорией, далекой от равновесия. В конце концов расхождения между представлением и реальностью, ожиданиями и результатом не смогут просуществовать долго и процесс примет обратный характер. Важно понять, что поведение, выражающееся в следовании за тенденцией, необязательно будет нерациональным. Инвесторы, как и определенные виды животных, имеют основания для передвижений стадами. Только на точках перегиба тренда курсов не думающие инвесторы, следующие за тенденцией рынка, понесут настоящие убытки, но если они будут проявлять бдительность, то у них есть возможность выжить. Однако инвесторы-одиночки, привязывающие свои состояния к основным показателям рынка, могут быть затоптаны стадом.

Курс акций конкретной компании редко может оказывать влияние на основные показатели этой компании, как собака, пытающаяся укунить собственный хвост. Нам необходимо видеть общую картину, чтобы найти рефлексивные взаимодействия, возникающие как правило, а не как исключение. Например, движения валюты имеют тенденцию к определенной самостоятельности; кредитная экспансия и кредитное сокращение следуют циклической модели. На финансовых рынках действуют в основном пандемические и самоусиливающиеся, но в конечном счете также и саморазрушающиеся процессы, и хотя они множественны, но их не часто можно надлежащим образом подтвердить документально.

Для иллюстрации я хочу взять один конкретный случай из моей книги *«Алхимия финансов»*: так называемый бум конгломератов, достигший апогея в конце 60-х годов. В то время инвесторы были готовы платить высокие цены за акции тем компаниям, которые обеспечивали быстрый рост прибыли в расчете на акцию. Этот показатель — рост прибыли — казался инвесторам более значимым, чем остальные основные инвестиционные показатели, например дивиденды или балансовые отчеты, и инвесторам не было дела до того, каким образом был достигнут рост прибыли в расчете на акцию. Некоторым компаниям удалось воспользоваться этим отношением инвесторов. Обычно конгломератами были оборонные компании, применяющие высокие технологии, которые в

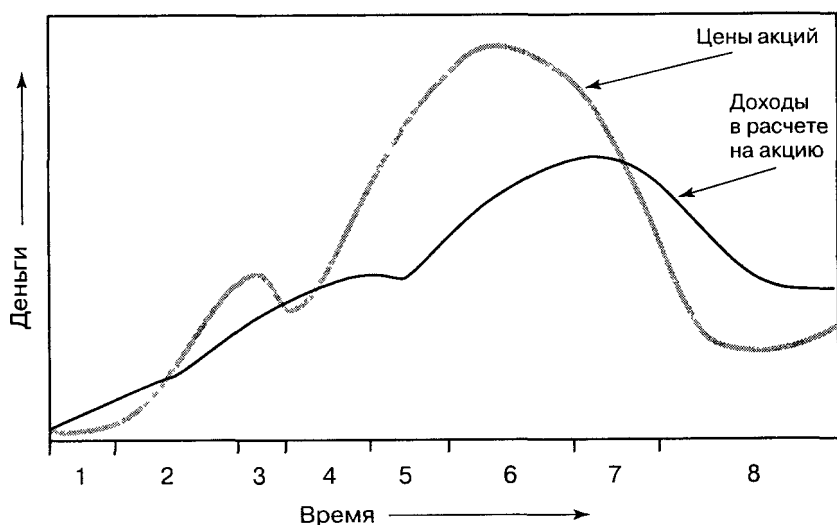
недавнем прошлом имели высокий прирост прибыли и соответственно высокий коэффициент доходности (отношение цены акции к доходам по ней). Они решили использовать свои акции, продававшиеся по высоким ценам, для приобретения других компаний, акции которых продавались с более низким коэффициентом доходности, что приводило к более высоким доходам в расчете на акцию. Инвесторы предвидели быстрый рост доходов, это привело к росту коэффициента доходности, что позволило компаниям продолжить процесс поглощения. Даже компании с первоначально низким коэффициентом доходности могли достичь более высокого отношения просто путем объявления о своих намерениях стать конгломератом. Так начался бум.

Сначала результаты компаний рассматривались независимо, но постепенно конгломераты стали считаться группой. Появился новый тип инвесторов, так называемые руководители фондов — или «стрелки из рогатки», — у которых сложились близкие отношения с руководителями конгломератов. Между ними были установлены прямые линии связи, и конгломераты научились управлять как курсами своих акций, так и своими прибылями. Курсы акций возросли, и в конце концов реальность больше не соответствовала ожиданиям. Масштаб приобретений должен был расти для поддержания темпа, и в итоге конгломераты достигли пределов своих размеров. Кульминационным событием стала попытка приобретения *Chemical Bank* Солом Стейнбергом: влиятельные круги оказали сопротивление, и она не удалась.

Когда курсы акций начали падать, то процесс падения был самоускоряющимся. Внутренние проблемы фондов, которые они тщательно прятали на протяжении периода быстрого роста, начали вылезать наружу. В отчетах о прибылях стали вскрываться малоприятные сюрпризы. У инвесторов пропали иллюзии, и после головокружительных дней успеха, основанного на приобретениях, немногие руководители оказались готовы нести бремя руководства в распадающихся компаниях.

Ситуацию усугубил экономический спад, и многие ведущие и преуспевающие конгломераты рассыпались в буквальном смысле слова. К этому времени инвесторы уже были готовы поверить в худшее, и это худшее действительно в ряде случаев произошло. Но в других случаях реальность оказалась лучше ожиданий, и в конце концов ситуация стабилизировалась, и выжившие компании, часто с новым руководством, начали медленно выкарабкиваться из-под обломков.

Используя бум конгломератов в качестве парадигмы, я разработал идеальный тип последовательности: быстрый подъем деловой активности - спад. Этот цикл начинается с доминирования некоторого предвзятого мнения и некой господствующей тенденции. В случае бума конгломератов доминирующим предвзятым мнением было предпочтение, отдаваемое быстрому росту прибылей в расчете на акцию, без учета способа достижения этого роста; а господствующей тенденцией была способность компаний добиваться быстрого роста прибыли в расчете на акцию путем использования своих акций для приобретения других компаний, продававших акции с более низким отношением цены акции к доходам. На первоначальном этапе (1) тенденция еще не признается. Потом наступает период ускорения (2), когда тенденция признается и усиливается доминирующим предвзятым мнением. Может вмешаться период проверки (3), в результате чего курсы падают. Если продолжают существовать и предвзятое мнение, и тенденция, то бум приобретает еще более высокие темпы (4). Потом наступает момент истины (5), когда реальная ситуация уже не может соответствовать завышенным ожиданиям, затем наступает период полумрака (6), когда люди продолжают играть в игру, хотя больше не верят в нее. В конце концов достигается точка перехода (7), когда тенденция начинает ослабевать, а предвзятое мнение начинает работать в противоположном направлении, что ведет к катастрофическому ускорению движения в обратном направлении (8), обычно называемому крахом.



Это проиллюстрировано графически на рис. 3.1. График представляет собой идеальный случай, но графики подъема и спада в развитии различных конгломератов совпадали с данным достаточно близко. Не каждый период цикла подъем — спад деловой активности следовал одному и тому же образцу. В «*Алхимии финансов*» я описал другой идеальный случай, в котором движения вниз и вверх графически выглядят более симметрично. Это типичная форма движения для рынков валют, где движения вверх и вниз являются более или менее обратимыми. В реальности различные возвратные процессы взаимодействуют, создавая странную и уникальную модель. Каждый случай индивидуален, а кривые имеют столько начертаний, сколько существует случаев. Неожиданное разочарование в дальневосточных рынках в 1997 г., которое привело к изменению основных финансовых показателей во всей Азии и даже во всем мире, является наглядным примером этого (я буду анализировать этот пример позже).

Нет ничего определенного в идеальном случае, который я описал выше. Различные стадии цикла могут иметь различные амплитуды и различную продолжительность. Похоже, в последовательности различных периодов существует своя логика: было бы странно иметь период ускорения после периода истины. Но процесс может остановиться в любой момент; или даже — он может никогда и не начаться. Он возникает под влиянием самоусиливающегося взаимодействия предвзятого мнения и тенденции, создаваемой мышлением и реальностью. В большинстве случаев рефлексивный механизм обратной связи является самокорректирующимся, а не самоусиливающимся. Настоящий цикл быстрого подъема—спада деловой активности является скорее *исключением*, а не *правилом*, *правилом является* рефлексивность — будь она самоусиливающейся или самокорректирующейся, но она игнорируется доминирующими представлениями. Например, существует рефлексивный элемент в настоящем быстром росте акций *Internet*, популярность Интернета и популярность акций *Internet* были взаимоусиливающими. Существует похожая рефлексивная связь между прибылями корпораций и использованием акций для вознаграждения руководителей. Она особенно сильна в банковской сфере.

Концепция рефлексивности является на самом деле гораздо более подходящей для понимания финансовых рынков, чем концепция равновесия. Но концепцию равновесия также можно использовать. Как мы видели, было сложно пролить достаточно света на механизм обратной связи без использования этой концепции. Равновесие, как и основные показатели, является как раз той самой «плодотворной ошибкой». Ведь мы не могли бы достаточно точно судить о предвзятом мнении участников без использования основных показателей, хотя я и утверждаю, что на так называемые основные показатели влияет предвзятое мнение участников. График бума конгломератов не будет иметь смысла без линии, указывающей на рост прибыли в расчете на акцию (т.е. основной показатель), даже если на нее влияют рыночные курсы.

Так что же такое равновесие? Я определяю равновесие как состояние, при

котором существует соответствие между ожиданиями и результатами. На финансовых рынках равновесия нельзя достигнуть в принципе, но можно установить, ведет ли доминирующая тенденция к равновесному состоянию или тренд движется в обратном направлении. Знание даже этого одного факта было бы важным продвижением вперед в нашем понимании. Если мы можем определить доминирующую тенденцию и расхождение между ожиданиями и результатами, то это дает нам возможность предсказать, развивается ли тенденция в направлении равновесия или в обратном направлении. Это нелегко сделать, и это не может быть сделано научными методами, хотя я и установил, что может быть полезным адаптирование теории научного метода Поппера. Я делаю это путем установления гипотезы (или тезиса — для краткости) как основания для моих ожиданий и путем проверки ее по отношению к будущему ходу событий. В дни, когда я активно занимался руководством фонда, я начинал особенно волноваться, когда нападал на след первоначально самоусиливающегося, но в конечном счете саморазрушающегося процесса. У меня текли слюнки, будто я был собакой Павлова. Экономисты, говорят, предвидели десять из последних трех спадов, я также делал прогнозы наступления периодов подъема — спада деловой активности. Я ошибался в большинстве случаев, поскольку не каждая ситуация позволяет сформулировать рефлексивный тезис, но те несколько случаев, когда я оказывался прав, оправдывали все усилия, поскольку потенциал прибыли был намного больше, чем в ситуациях, близких к равновесию. Именно так я действовал будучи руководителем фонда. Это требовало воображения и интуиции, а также безжалостного критического отношения.

Я описал один такой конкретный случай в *«Алхимии финансов»* — случай с инвестиционными трастами недвижимого имущества в начале 70-х годов. Этот случай был замечательным во многих аспектах. Я опубликовал брокерский отчет, который предсказывал процесс подъема — спада деловой активности, а после этого сценарий был «разыгран» в жизни, как греческая драма, — точно так, как я и предсказывал. Я сам был одним из главных актеров, получив всю возможную выгоду как во время роста, так и во время спада. Убеденный собственным анализом и прогнозом, что большинство инвестиционных трастов недвижимого имущества обанкротятся, я продолжал продавать срочные акции без покрытия по мере того, как они падали в цене, в конце концов я получил более 100% прибыли по моим коротким позициям, добившись, казалось бы, невозможной победы.

Даже в тех случаях, когда мой тезис оказывался ложным, я часто мог выйти из ситуации с прибылью, поскольку мое критическое отношение позволило мне раньше, чем кому-либо, выявить ошибки в собственном тезисе. Когда я нападал на «след», я действовал согласно правилу: сначала инвестировать, потом анализировать. Когда тезис был правдоподобным, это обычно давало мне шанс получить прибыль, поскольку были и другие люди, готовые поверить в это. Признание ошибочности тезиса давало мне утешение; незнание всех потенциально слабых моментов заставляло меня быть на чеку, поскольку я твердо верил, что любой тезис по своей сути должен быть несовершенным.

На основании собственного опыта я разработал довольно интересную гипотезу о фондовых рынках: я постулировал, что фондовый рынок при адаптации теории научного метода Поппера действует во многом так же, как и я, с той лишь разницей, что он не знает, что так поступает. Другими словами, он выбирает некий тезис и проверяет его; когда он оказывается ошибочным, как это обычно и бывает, он проверяет другой тезис. Это и вызывает колебания на рынке. Такой процесс происходит на разных уровнях, а получаемые модели являются рекурсивными, как и фракталы Мандельброта.

Выбираемый рынком тезис часто является тривиальным; он может заключаться в констатации того простого факта, что курсы акций определенных компаний, групп или целых рынков должны двигаться вверх или вниз. В тех случаях, когда участник наконец понимает, почему рынок принял определенный тезис, становится уже поздно: тезис может быть уже опровергнут — как несостоятельный. Гораздо лучше предвидеть колебания путем

изучения моделей рынка. Именно это и делают технические аналитики. Меня это никогда особенно не интересовало, я предпочитал ждать появления нетривиального, т.е. рефлексивного тезиса. Конечно, рынки уже начинали опробовать этот тезис до того, как я мог его сформулировать, но я все же имел возможность опережать рынок в формулировании тезиса. Такие исторические, рефлексивные тезисы появляются не постоянно, но время от времени, и существуют длинные периоды передышки, когда с таким же успехом можно вообще ничего не предпринимать.

Я сомневаюсь, будет ли у меня еще конкурентоспособное преимущество в признании более существенных, исторических тезисов, поскольку участники рынка уже начали осознавать потенциал, который имеет рефлексивность. Уже произошли заметные перемены, например переход от основных показателей к техническим. По мере того как вера участников в важность основных показателей ослабевает, растет важность технического анализа. Последний имеет определенную значимость для стабильности рынков, но до того как я начну рассматривать эти технические соображения, я должен ввести отличительный признак, играющий ключевую роль в моих концептуальных построениях.

Я хочу провести разграничение между околоравновесным состоянием и состоянием, далеким от равновесия. Я заимствовал эти термины из теории хаоса, с которой моя теория определенно близка. В условиях, близких к равновесию, рынок оперирует тривиальными тезисами, так что противодействие равновесию может вызвать отход от положения равновесия, что возвращает цены в первоначальное положение. Эти колебания напоминают рябь на поверхности бассейна.

Наоборот, если рефлексивный тезис может быть определен, он оказывает влияние не только на цены, но и на основные показатели, а возвратный процесс не приведет к первоначальному положению. Это будет напоминать скорее приливную волну или оползень. Настоящие циклы смены подъема и спада деловой активности проникают в область, далекую от равновесного состояния. Это и придает им историческую значимость. Где же проходит демаркационная линия?

Граница динамического неравновесия пересекается в тот момент, когда тенденция, доминирующая в реальном мире, начинает зависеть от предвзятого мнения, господствующего в умах участников рынка, и наоборот. Как тенденция, так и само это предвзятое мнение развиваются дальше, чем это было бы возможно в отсутствие двусторонней обратной связи, т.е. рефлексивной зависимости. Например, в 90-х годах энтузиазм международных инвесторов и банкиров в отношении азиатских акций и активов вызвал внутренние бумы, подстегиваемые высокой стоимостью акций и легкими кредитами. Эти бумы ускорили рост в регионе и увеличили стоимость акций, что, в свою очередь, обосновало и стимулировало потоки капитала из-за границы. (Но в этой бочке меда была и ложка дегтя: бум не мог бы развиваться быстро без неофициального фиксированного курса доллара, который позволил странам поддерживать торговый дефицит дольше, чем стоило бы. Более подробно об этом позже.)

Самого по себе господства предвзятого мнения - явно недостаточно; оно должно найти способ, чтобы стать действенным, - например, путем установления или усиления какой-либо тенденции реального мира. Я понимаю, что то, о чем говорю, тавтология: когда механизм двусторонней обратной связи действует, мы можем говорить о динамическом неравновесии. Но об этом тем не менее стоит говорить: мышление участников всегда предвзято, но это не всегда переходит в цикл подъем — спад деловой активности. Например, быстрый рост конгломератов мог бы быть остановлен, если бы инвесторы поняли, что их концепция роста доходов в расчет на одну акцию была ошибочной, как только компании - конгломераты стали эксплуатировать эту концепцию. Быстрое развитие бума в Азии могло быть остановлено, если бы инвесторы и кредиторы поняли, что, хотя потоки капитала в регион и дефицит текущего счета были направлены на финансирование «продуктивных инвестиций», эти инвестиции могли оставаться «продуктивными» до тех

пор, пока можно было поддерживать на достаточном уровне поток капиталов в регион.

И это не конец истории. Что происходит, когда участники рынка признают рефлексивную связь между основными показателями и оценкой? Такое признание также может стать источником нестабильности. Оно может привести к фокусированию на так называемых технических факторах в ущерб основным показателям и породить спекуляцию на основании тенденции. Как же можно тогда сохранить стабильность? - Только продолжая опираться на так называемые основные показатели, несмотря на тот факт, что они зависят от наших оценок. Это может быть достигнуто путем незнания. Если участники рынка не знают о рефлексивности, рынки остаются стабильными до тех пор, пока какая-нибудь случайность не спровоцирует процесс подъема — спада деловой активности. Но как можно сохранить стабильность, если участники рынка знают о рефлексивности? Ответ заключается в том, что это не может быть сделано только участниками рынка; сохранение стабильности должно стать целью государственной политики.

Можно утверждать, что концепция рефлексивности сама по себе рефлексивна. Экономическая теория фактически содействовала тенденции к равновесию, игнорируя рефлексивность и подчеркивая важность основных показателей. Наоборот, мои доводы ведут к заключению, что рынки не могут быть предоставлены самим себе. Знание о рефлексивности ведет к увеличению нестабильности, если власти не осознают этого в такой же степени и не вмешиваются в тот момент, когда нестабильность грозит выйти из-под контроля.

Проблема нестабильности становится еще более острой. Вера в основные показатели исчезает, а поведение, заключающееся в следовании за доминирующей тенденцией, становится массовым. Оно формируется под растущим влиянием институциональных инвесторов, результаты деятельности которых измеряются относительными, а не абсолютными показателями, и банков - центров денежных средств, действующих в качестве участников финансового рынка, которые формируют его состояние и являются провайдерами (*проводниками*) механизмов хеджирования. Роль страховых фондов амбивалентна: они используют левверидж, т.е. опираются на определенное соотношение заемных и собственных средств, и тем самым поддерживают непостоянство на рынке; но делают они это только в той степени, в какой их поведение может быть мотивировано абсолютными, а не относительными показателями деятельности. Поэтому они часто действуют в направлении, обратном тенденции. Поскольку финансовые рынки сами развиваются согласно историческим тенденциям, нельзя относиться легко к опасности увеличения нестабильности. Я анализирую эту опасность в главах о системе мирового капитализма, но перед тем как мы подойдем к этому, нам следует подробнее познакомиться с рефлексивностью и историческими моделями.

4

4. РЕФЛЕКСИВНОСТЬ В ИСТОРИИ

Я рассматриваю развитие финансовых рынков как исторический процесс. Я также полагаю, что моя интерпретация имеет некоторое отношение к истории в целом, при этом я имею в виду не только историю человечества, но и историю всех форм человеческого взаимодействия. Люди действуют на основании несовершенного знания, и их взаимодействие друг с другом рефлексивно.

Как отмечалось раньше, мы можем разделить все события на две категории: случайные, повседневные события, которые не вызывают изменения в восприятии, и уникальные, исторические события, которые влияют на сложившиеся мнения участников и ведут к дальнейшим изменениям господствующих условий. Такое разделение, как мы отмечали ранее, представляет собой простую тавтологию, но оно полезно. Первая категория событий чувствительна к анализу равновесия, вторая — не чувствительна, поэтому она может быть понята только как часть исторического процесса.

В повседневных событиях ни функция участника, ни когнитивная функция не претерпевают значительных изменений. В случае уникальных, исторических событий обе функции реализуются одновременно таким образом, что ни представления участников, ни ситуация, с которой эти представления связаны, не остаются такими же, какими они были раньше.

Именно это и оправдывает описание таких событий как исторических.

Исторический процесс, как я его вижу, является открытым, т.е. неокончательным. Когда в ситуации действуют думающие участники, последовательность событий не ведет прямо от одного ряда событий к другому; скорее она соединяет факты и восприятия, а также восприятия и факты — подобно некой нити. Но история — это особенный вид нити, или связи. Две связанные стороны представляют собой различные материи; фактически только одна сторона материальна, другая же — состоит из идей участников исторического процесса. Эти две стороны никогда не совпадают, а расхождения между ними определяют ход событий, который как раз и соединяет их вместе. Узлы, которые уже были завязаны, имеют определенную форму, но будущее — открыто в том смысле, что оно может сложиться иначе. Феномены истории значительно отличаются от явлений природы, по отношению к которым — для объяснения прошедшего и предсказания будущего — могут быть использованы универсально действующие законы.

Необходимо признать, что теория, представляющая историю в виде некой «нити», является своего рода диалектикой, или связью между нашими мыслями и реальностью. Ее можно рассматривать как некий синтез идеалистической диалектики Гегеля и диалектического материализма Маркса. Гегель предложил диалектику идей, которая в конечном итоге приведет к концу истории: т.е. к свободе. Маркс, а точнее Энгельс, предложил антитезис, утверждая, что идеологическую надстройку определяют условия производства и производственные отношения. Теорию «нити» можно рассматривать как их некий синтез. Не идеи и материальные условия, возникающие самостоятельно диалектическим образом, а взаимодействие между ними — приводит к диалектическому процессу. Единственная причина, почему я не хочу использовать слово «диалектический», заключается в чрезмерно тяжелом идеологическом багаже, который сопровождает это понятие. Ведь Маркс предложил детерминистическую теорию истории, а она диаметрально противоположна моей позиции. Взаимодействие между материальным и идеальным

интересно именно потому, что они *не соответствуют* друг другу и *не определяют* друг друга. Отсутствие соответствия не просто усиливает предвзятое мнение участников истории, но и делает это мнение причиной реальных событий. Ошибки, неверные понимания и трактовки событий, ошибочные концепции участников играют в исторических событиях ту же роль, что и мутации генов в биологических процессах: они творят историю.

Цикл подъем - спад деловой активности

Я утверждаю, что развитие цикла подъем — спад деловой активности имеет такое же отношение к истории в целом, как и к динамике состояния финансовых рынков. Нет необходимости повторять, что это не единственный путь, по которому может пойти история. Также возможно, что господствующее предвзятое мнение и доминирующая тенденция изначально являются самокорректирующимися в такой степени, что процесс развития цикла подъем — спад деловой активности даже и не начинается. Иногда господствующее предвзятое мнение может быть скорректировано на раннем этапе. Процесс самостоятельной корректировки является менее значимым, но встречается достаточно часто. Большинство исторических событий вообще не имеют ни регулярной формы, ни повторяющейся модели. Это происходит потому, что реальность является бесконечно сложной, и любой процесс, который мы можем выделить для рассмотрения, взаимодействует с рядом других процессов.

Развитие цикла подъем — спад деловой активности приобретает определенную значимость постольку, поскольку он связывает состояние, близкое к равновесию, с состоянием, далеким от равновесия. Я могу продемонстрировать свои рассуждения на конкретном историческом примере: рост и падение советской системы. Я был активно вовлечен в последнюю стадию процесса падения и как участник руководствовался теорией истории, которую я здесь разъясняю. Я предложил свое объяснение процессу развития цикла подъем - спад в работе *Opening the Soviet System* («Открывая советскую систему»), которую я опубликовал в 1990 г. Вот, что я там писал:

«Первоначальное предвзятое мнение и первоначальная тенденция привели к закрытому обществу. Существовало взаимно усиливающееся отношение между жесткостью догмы и суровостью общественных условий. Система достигла своего зенита в последние несколько лет правления Сталина. Она стала всеобъемлющей: форма правления, экономическая система, территориальная империя и идеология. Система была всеобъемлющей, изолированной от внешнего мира и жесткой. Но расхождение между реальным положением вещей и его официальным объяснением было настолько велико, что положение дел можно было считать статическим неравновесием.

После смерти Сталина был краткий период, момент истины, когда Хрущев вскрыл некоторую часть правды о правлении Сталина, но в конце концов иерархия системы снова набрала силу и система самостоятельно восстановилась. Начался период полумрака, когда догма сохранялась административными методами, но больше не поддерживалась верой в ее действенность. Интересно, что жесткость системы усилилась. Пока у руля партии находился живой тоталитарный лидер, линия Коммунистической партии могла меняться по его прихоти. Но теперь, когда режимом управляли бюрократы, эта гибкость исчезла. Одновременно ослабел и ужас, заставлявший людей принимать коммунистическую догму, начался — сначала незаметный — процесс упадка. Экономические институты стали добиваться положения любыми средствами. Поскольку ни один из них не пользовался настоящей автономией, они были вынуждены заняться бартерным обменом с другими институтами. Постепенно сложная система заключения сделок между экономическими институтами заменила то, что, как предполагалось, было центральным планированием. В то же время развивалась Неофициальная, или теневая, экономика, которая дополняла

официальную систему и заполняла оставляемые ею бреши. Этот период полумрака сейчас называется периодом застоя. Неадекватность системы становилась все более очевидной, нарастала необходимость в реформах.

Реформы ускорили процесс дезинтеграции, поскольку они ввели или легитимизировали альтернативы в то время, когда для выживания системе нужны были именно альтернативы. Экономические реформы на начальном этапе были успешными во всех коммунистических странах, но Советский Союз был заметным исключением. Китайские реформаторы назвали этот этап Золотым периодом, когда существовавший акционерный капитал был переадресован и направлен на удовлетворение нужд и запросов потребителей. Но все движения реформ основаны на неправильном представлении: система не может быть реформирована, потому что она не допускает экономического распределения капитала. Когда существующий потенциал был полностью переориентирован, процесс реформ начал сталкиваться со сложностями.

Почему так происходит — становится понятно теперь. Коммунизм изначально задумывался как противоядие капитализму, который изолировал работника от средств производства. Вся собственность была взята под контроль государства, государство стало воплощением коллективного интереса, как это было определено Партией. Таким образом, Партия оказалась ответственной за распределение капитала. Это означало, что капитал распределялся не на основании экономических соображений, а на основании политических и квазирелигиозных догм. Самая лучшая аналогия для объяснения этого явления может быть найдена в строительстве пирамид фараонами: часть ресурсов, направляемая на инвестиции, была максимально увеличена, в то время как экономическая выгода, получаемая от этого, была минимальной. Другое сходство заключалось в том, что инвестирование приняло формы монументальных проектов. Мы можем рассматривать гигантские гидроэлектростанции, сталелитейные заводы, мраморные залы московского метрополитена и небоскребы сталинской архитектуры как своего рода пирамиды, построенные современным фараоном. Гидроэлектростанции на самом деле производят энергию, а сталелитейные заводы — выпускают сталь, но если сталь и энергия используются для сооружения еще большего числа электростанций и сталелитейных заводов, экономический эффект не намного превышает эффект от строительства пирамид.

Согласно нашим теоретическим и концептуальным построениям, в далеких от равновесия условиях закрытого общества должны существовать искажения, немыслимые в открытом обществе. Какой еще можно привести более наглядный пример, кроме советской экономики? Коммунистическая система не видит ценности капитала; или, более точно, — она не признает идеи собственности. В результате экономическая деятельность при советской системе — это вовсе не экономическая деятельность. Чтобы она стала таковой, необходимо лишить Партию роли хранителя и распределителя капитала. И именно в этом терпели неудачу все попытки реформирования.

Интересно, что провал попыток осуществления экономических реформ способствовал ускорению процесса дезинтеграции, поскольку была продемонстрирована необходимость в политических реформах. С наступлением перестройки в Советском Союзе процесс дезинтеграции вступил в свою окончательную стадию, поскольку реформы носили в основном политический характер, а Золотой период, как я упомянул ранее, отсутствовал, поэтому реформы принесли незначительную, если вообще какую-нибудь, экономическую выгоду. Когда уровень жизни начал падать, общественное мнение повернулось против режима, что привело к катастрофической дезинтеграции, кульминационной точкой которой стал развал Советского Союза. Почти такую же модель мы можем наблюдать на финансовых рынках, но с одной существенной разницей: на финансовых рынках цикл подъем — спад деловой активности проявляется как процесс ускорения, в то время как в случае с советской системой полный цикл состоял из двух фаз: одна — процесс замедления, приведший к застою сталинского режима, другая — процесс ускорения, приведший к катастрофическому развалу страны».

Я объяснял также, что аналогичный двухфазный процесс подъем — спад деловой активности часто можно найти на финансовых рынках. Я привел в качестве иллюстрации банковскую систему Соединенных Штатов Америки, которая подверглась жесткому регулированию после краха 1933 г., после чего потребовалось около 35 лет, чтобы ее оживить. После нефтяного кризиса и международного кредитного бума 70-х годов, когда банки перерабатывали активный платежный баланс стран — производителей нефти, банковская система перешла в состояние динамического неравновесия. Идея этого далекого сравнения между ростом и падением советской системы и падением и ростом банковской системы США заключалась в том, чтобы показать, что далекие от равновесия условия могут преобладать в любом крайнем состоянии изменений и отсутствия изменений. Закрытое общество — это лицевая сторона медали революций и хаоса; рефлексивные процессы действуют в условиях обеих крайностей, разница заключается во временном масштабе. В закрытом обществе мало что происходит на протяжении длительных периодов времени; во время революции, наоборот, - много событий происходит на протяжении короткого периода времени. В любом случае восприятия участников слишком далеки от реальности.

Это - важный момент. Рассматривая процессы внутри цикла подъем — спад деловой активности, человек обычно рассуждает об этом цикле с точки зрения ускорения. Но тенденция может также состоять в отрицательном ускорении или в отсутствии изменений. Как только мы начинаем осознавать эти возможности, мы можем найти реальный пример на фондовом рынке: случай с банковскими акциями со времен Великой депрессии до 1972 г. В истории случаи отсутствия изменений или статического неравновесия встречаются гораздо чаще.

Структура концепции

Наблюдение неравновесных условий полезно для установления структуры концепции и ее границ, которые позволяют разделить исторические ситуации на три категории: статически неравновесные, состояния, близкие к равновесию, и динамически неравновесные состояния. Возможность статического равновесия была исключена в силу того факта, что участники всегда основывают свои решения на предвзятом толковании реальности. Таким образом, мы получаем три варианта.

Один из возможных вариантов состоит в том, что рефлексивное взаимодействие между когнитивной функцией и функцией участника не дает нашим представлениям и реальности уйти друг от друга слишком далеко. Люди учатся на своем же опыте; они действуют на основании предвзятых представлений, но происходит и процесс критического осмысления, который стремится скорректировать это предвзятое мнение. Совершенное знание остается недоступным, но по крайней мере существует тенденция к равновесию. Функция участника означает, что реальный мир — как в этом убеждаются на своем опыте участники — постоянно меняется, но у людей все же есть достаточно оснований — в виде ряда фундаментальных ценностей, гарантирующих им, что предвзятое мнение участников не может слишком сильно расходиться с реальными событиями. Именно это я и называю состоянием, близким к равновесию. Такое положение характерно для открытого общества, каким является современный западный мир. Это общество ассоциируется с критическим образом мышления. Мы называем этот образ мышления «нормальным» отношением между мышлением и реальностью, поскольку мы знакомы с ним на основе собственного опыта.

Мы можем также оказаться в ситуации, когда представления участников значительно удалены от реального положения вещей, и при этом тенденции к их сближению не наблюдается. В некоторых случаях они могут даже еще дальше уходить друг от друга. Внутри одной крайности существуют режимы, оперирующие предвзятыми идеологическими представлениями, они не хотят приспособливаться к меняющимся условиям. Они пытаются заставить реальность втиснуться в рамки их концепций, несмотря

на то, что это недостижимо. Под давлением господствующей догмы общественные условия могут стать достаточно суровыми, но реальность по-прежнему остается далекой от официальной идеологии. В отсутствие корректирующего механизма реальность и официальная интерпретация могут разойтись еще дальше, поскольку никакое сдерживание или принуждение не может предотвратить изменений в реальном мире. Такое положение характерно для закрытого общества, такого, как Древний Египет или Советский Союз. Его можно описать как статическое неравновесие.

Внутри другой крайности события могут разворачиваться настолько стремительно, что понимание участников за ними не поспевает, и ситуация выходит из-под контроля. Расхождение между господствующими представлениями и реальными условиями может стать настолько большим, что ускорит наступление революции или какой-либо другой формы распада. И опять возникает значительное расхождение между мышлением и реальностью, но оно является временным. Старый, сметенный режим будет в конечном итоге заменен новым. Это можно описать как случай изменения режима, или как динамическое неравновесие.

Деление реальных условий на три предложенные мною категории можно сравнить с тремя состояниями, в которых вода находится в природе: жидкое, твердое и газообразное. Аналогия может быть далекой, но она интригует. Для того чтобы наполнить ее содержанием, мы должны найти две разделительные линии, которые отделяют условия, близкие к равновесию, от условий, далеких от равновесия. В случае с историей эти разделительные линии не могут быть очень четкими, кроме того, их также трудно описать количественными параметрами, но они должны быть ясно различимы, иначе вся концептуальная структура остается не более чем полетом фантазии.

Режимы

Чтобы установить то, что Поппер назвал бы критерием деления, мы должны прежде всего изучить то, что мы разделяем. Для этих целей я ввожу концепцию режима. Режим — это ряд одновременно существующих общественных условий, достаточных для того, чтобы сосуществовать реально, хотя, в соответствии с моей рабочей гипотезой, в их отношениях должен быть какой-то недостаток, в результате которого они несут в себе семя собственного разрушения. Режим — хотя и расплывчатый, но все же полезный термин. Его можно применить к широкому спектру ситуаций. Могут быть политические режимы, господствующие в конкретных странах, или режимы, которые могут быть встроены в более крупные режимы, — такие, как холодная война. Могут быть режимы в жизни социальных институтов и отдельных людей. Брак также можно считать неким режимом. Режимы не имеют фиксированных границ, они появляются, сосуществуют друг с другом, распадаются и сменяют друг друга. Они отличаются, например, от машин, которые являются закрытыми системами. Режим можно рассматривать как попытку привнести определенный элемент закрытости в то, что по своей сути является открытой системой, определенный свод правил, который господствует в данном месте на протяжении некоторого периода времени, достаточно долгого для того, чтобы быть заметным. Режимы связаны с управлением и правилами. Режимы имеют два аспекта: то, что люди думают, и то, как на самом деле обстоят дела. Эти два аспекта взаимодействуют рефлексивным образом: способ мышления влияет на реальное положение дел, и наоборот, при этом соответствие между двумя аспектами не достигается.

Идеальные режимы

Около сорока лет назад, в начале 60-х годов, я разработал теоретические модели общества, которые я сейчас назвал бы режимами на основании различных отношений к историческим изменениям. Я выделил традиционный образ мышления, игнорирующий возможность изменений и принимающий господствующее положение как единственно возможное; критический образ мышления, который в полном объеме изучает возможности изменений, и догматический образ мышления, который не терпит никакой неопределенности. Я утверждал, что различные формы общественной организации соответствуют этим образам мышления; я назвал их соответственно органическим обществом, открытым обществом и закрытым обществом. Не стоит говорить, что соответствие между образами мышления и общественными структурами было далеко от совершенства. Как закрытое, так и открытое общество оставляло желать лучшего в отношении между реальностью и мышлением, и это лучшее могло быть найдено в другом обществе. Закрытое общество предлагало определенность и постоянство, отсутствующие в открытом обществе, а открытое общество предлагало свободу, которой был лишен человек в закрытом обществе. В результате эти два принципа общественной организации находились в оппозиции друг к другу. Открытое общество признает нашу ошибочность; закрытое общество отрицает ее. Невозможно сказать, какое общество право. Судить можно только по последствиям, но, учитывая вездесущность и влияние незапланированных последствий, даже этот критерий не является надежным. Необходимо было сделать настоящий выбор, и я уверенно принял сторону открытого общества.

Открытое общество

В 1979 г. я основал фонд «Открытое общество», его миссия, как я ее сформулировал в то время, заключалась в оказании помощи закрытым обществам в том, чтобы сделать их более открытыми, жизнеспособными и сформировать в них критический образ мышления. После неудачного старта в Южной Африке я сосредоточил усилия на странах с коммунистическим правлением, особенно на моей родине — Венгрии. Моя формула была проста — любая деятельность или объединение, не находящиеся под надзором или контролем властей, создавали альтернативы и тем самым подрывали монополию догмы. Мой Фонд в Венгрии, созданный в 1984 г. как совместное предприятие с Венгерской Академией Наук, выступил спонсором гражданского общества. Он не только поддерживал гражданское общество, но и гражданское общество поддерживало его; в результате удалось избежать многих неблагоприятных незапланированных последствий, от которых обычно страдают подобные фонды. Воодушевленный успехом, я занялся филантропией, несмотря на мое критическое отношение к ней. Когда начала разваливаться советская империя, я бросился в драку. Я понял, что в революционный период можно сделать то, что было невозможно в другие времена. Я осознавал, что с моей теорией цикла подъем — спад я понимал ситуацию лучше, чем кто-либо другой, мне были ясны цели, и у меня были финансовые средства. Это ставило меня в уникальное положение, и я не жалел усилий. Я в сто раз увеличил размер фонда на протяжении всего нескольких лет.

И только во время распада Советского Союза я осознал ошибку в структуре моей концепции. Согласно моей концепции, открытое и закрытое общества выступают как альтернативы. Эта дихотомия была верной в период холодной войны, когда друг другу были противопоставлены в жестком конфликте два противоположных принципа общественной организации, но она перестала вписываться в условия, возникшие после окончания холодной войны.

Я был вынужден признать, что распад закрытого общества не ведет автоматически к созданию открытого общества; он может привести к распаду руководящей верхушки и дезинтеграции общества. Слабое государство может представлять для открытого общества такую же угрозу, как и авторитарное. Вместо дихотомии — открытое и

закрытое общество, открытое общество становится ведущей идеей, которой угрожают отнюдь не с одной стороны.

Появление расширяющейся мировой системы капитализма в 90-е годы подтвердило этот вывод. Я почувствовал, что должен заняться трудоёмким повторным изучением проблем, и та структура концепции, которую я здесь излагаю, является результатом процесса пересмотра. Теперь я вижу, что открытое общество занимает опасное среднее положение, в котором ему угрожают догматические идеи любого толка: и те, которые привели бы к закрытому обществу, и те, которые ведут к дезинтеграции общества. Открытые общества создают близкие к равновесию условия; альтернативы включают не только статическое неравновесие, сходное с закрытым обществом, но и динамическое неравновесие. Я осознавал определенные недостатки открытого общества, которые могли бы привести к его распаду, но я предполагал, что распад может привести только к созданию закрытого общества. Я не осознавал, что условия динамического неравновесия могут существовать бесконечно долго, или, более точно, что общество может балансировать на грани хаоса, не переходя эту грань. Это было любопытное наблюдение, поскольку я был знаком с утверждением теории эволюционных систем, согласно которому жизнь происходит на грани хаоса. Новые структуры в концепции, которые я здесь предлагаю, должны исправить ошибку в моей ранней формулировке.

Разграничительные линии

Теперь мы готовы вернуться к ключевому вопросу, о котором я говорил ранее: что отделяет близкие к равновесию и далекие от равновесия условия? Когда цикл рост — спад или какой-либо другой неравновесный процесс разрушает близкие к равновесию условия открытого общества? Мы видели, что взаимодействие между мышлением и реальностью может легко привести к крайним проявлениям — как в направлении ужесточения, так и в направлении хаоса. Для того чтобы господствовало открытое общество, должен быть некий якорь, который не дает мышлению участников далеко уйти от реальности. Что может служить таким якорем?

В поисках ответа на вопрос мы должны различать ожидания и ценности. Ведь решения основываются не только на восприятии людьми реальности, но также и на ценностях, которые они вырабатывают. В случае с ожиданиями этот якорь определить легко: это сама реальность. Пока люди осознают, что существует разница между мышлением и реальностью, факты предоставляют критерий, по которому можно судить о действительности ожиданий. Рефлексивность может сделать события непредсказуемыми, но как только они происходят, они становятся однозначно детерминированными, поэтому они могут быть использованы для определения правильности наших предсказаний.

В условиях статического неравновесия мышление и реальность удалены друг от друга и не имеют тенденции к сближению. В закрытом обществе ожидания не могут быть закреплены в реальности, потому что ожидания, отклоняющиеся от официальной догмы, нельзя даже высказывать. Существует расхождение между официальным вариантом реальности и фактами; устранение этого расхождения приносит огромное облегчение и чувство освобождения.

В условиях динамического неравновесия мы имеем обратное положение; ситуация меняется слишком быстро, чтобы быть понятой людьми, что приводит к появлению расхождения между мышлением и реальностью. Интерпретация событий не может поспевать за происходящими событиями; люди теряют ориентацию, а события выходят из-под контроля. Поэтому реальность не может больше служить якорем для ожиданий. Именно это и произошло во время дезинтеграции советской системы. Как я утверждаю в главе 7, мировая система капитализма вошла сейчас в состояние динамического неравновесия. Но сначала мы должны обратиться от ожиданий к другому

возможному для открытого общества якорю, а именно к якорю этических и моральных ценностей.

Вопрос ценностей

Можем ли мы различить роль ценностей в близких к равновесию и неравновесных условиях? В этом я не совсем уверен как по субъективным, так и по объективным причинам, и мои доводы будут более осторожными. О субъективном сообщении уже говорилось ранее: я получил экономическое образование и всегда пытался понять, как рыночные ценности соотносятся с ценностями, определяющими наши решения в других сферах жизни: общественной, политической или личной. Очень часто я бывал искренне озадачен, подозреваю, что в этом я был не одинок. Похоже, в современном обществе — много неразберихи в отношении к ценностям в целом и в плане соотношения между рыночными и общественными ценностями в частности. Поэтому моя субъективная трудность становится объективной. Позвольте мне изложить проблему так, как я ее вижу, сначала на теоретическом, а потом на практическом уровне.

На теоретическом уровне познание имеет объективный критерий, а именно реальность, по которой можно судить о глубине и истинности познания. Как мы видели, этот критерий не является полностью независимым, но он достаточно независим, чтобы считать его объективным: никакой участник не может навязать свою волю ходу событий. Однако о ценностях вообще нельзя судить по каким-либо объективным критериям, поскольку не предполагается, что они должны соответствовать реальности: критерий, по которому можно судить о ценностях, находится внутри них самих.

Поскольку ценности не привязаны к реальности, они могут варьировать в гораздо большем диапазоне, чем когнитивные представления. Именно это и делает любую дискуссию о ценностях сложной. Экономическая теория приняла ценности как нечто данное. С помощью такого методологического приема экономическая теория разработала концепцию равновесия. Хотя я и критикую эту концепцию, она была необходима для анализа, и ее нечем было заменить. Я мог показать, насколько далекие от равновесия условия могут возникнуть на финансовых рынках только потому, что концепция равновесия, которое в реальности постоянно нарушается, была разработана хорошо. Для нерыночного сектора экономики аналогичной концепции не существует.

На практике современное общество, похоже, страдает от острой нехватки общественных ценностей. Конечно, люди оплакивают падение нравов на протяжении всей истории, но есть один важный фактор, который отличает настоящее от прошлого. Этот фактор — распространение рыночных ценностей. Рыночные ценности проникли в такие области общества, которые раньше руководствовались нерыночными соображениями. Я имею в виду личные отношения, политику и такие профессии, как право и медицина. Более того, произошло малозаметное и постепенное, но вместе с тем глубокое изменение механизма действия рынка. Во-первых, длительные отношения были заменены отдельными, частными операциями. Магазин, в котором владелец и покупатель были давно знакомы друг с другом, уступил место супермаркету, а в последнее время и *Internet*. Во-вторых, национальные экономики уступили место мировой экономике, но международное сообщество, насколько оно вообще существует, имеет очень мало общепризнанных общественных ценностей.

Общество, построенное на сделках

Замена отношений частными операциями — это продолжающийся исторический

процесс, который никогда не будет доведен до своего логического завершения, но который достаточно хорошо развит, развит гораздо больше, чем в начале 60-х годов, когда я впервые приехал в США и стал думать об этом. Я приехал из Великобритании, и меня поразила эта разница: в США было гораздо легче установить и прекратить отношения. С тех пор эта тенденция претерпела значительное развитие. По-прежнему существуют браки и семьи, но в области инвестиционной банковской деятельности, например, операции почти полностью вытеснили отношения. Это дает самый понятный из возможных примеров изменений, происходящих во многих других институтах.

В Лондоне в 50-х годах было почти невозможно вести деловые операции без предварительного установления отношений. Это был вопрос не о том, что вы знаете, а о том, кого вы знаете. Это была основная причина, по которой я покинул Лондон: у меня не было в Лондоне достаточных связей, мои шансы были гораздо лучше в Нью-Йорке. Очень скоро я установил регулярные торговые контакты с ведущими фирмами, хотя и работал в относительно неизвестной брокерской фирме. Я бы никогда не смог добиться этого в Лондоне. Но даже в Нью-Йорке страхование ценных бумаг по-прежнему зависело от отношений: фирмы участвовали в синдикатах в строго определенном порядке, и было большим событием, если фирма двигалась вверх или вниз в этом порядке. Теперь все изменилось. Каждая операция стала независимой, и инвестиционные банкиры соперничают за каждую конкретную возможность осуществления коммерческой деятельности.

Разница между операциями и отношениями была хорошо проанализирована в теории игр в форме так называемой «дилеммы заключенных». Итак, пойманы два проходимца, и идет их допрос. Если один из них дает сведения против другого, он может получить более короткий срок наказания, но увеличивается вероятность осуждения другого. Они окажутся в более выгодном положении, если останутся верными друг другу. Но каждый из них в отдельности может получить выгоду за счет другого. В случае конкретной операции существует возможность предать, и это будет рационально; в длительном отношении выгоднее сохранить преданность друг другу. Анализ показывает, как кооперативное поведение может с течением времени развиваться, но оно может быть также использовано для того, чтобы показать, что сотрудничество и преданность могут быть подорваны в результате замены отношений операциями.

Все эти рассуждения имеют прямое отношение к исходному вопросу о разграничительных линиях, определяющих социальное неравновесие, и о роли якоря, выполняемого ценностями. Мы склонны принимать общественные или моральные ценности как должное. Мы даже называем их подлинными или фундаментальными, подразумевая, что их действенность зависит определенным образом от господствующих условий. Как я указывал ранее, нет ничего более далекого от истины. Ценности — рефлексивны. На них влияют общественные условия, а они, в свою очередь, играют определенную роль в создании таких общественных условий, какие они есть.

Люди могут поверить, что Бог передал им Десять заповедей, и общество будет более справедливым и стабильным, если они поверят в это. Наоборот, отсутствие моральных ограничений, вероятно, порождает нестабильность.

Переходное общество подрывает общественные ценности и ослабляет сдерживающие моральные факторы. Общественные ценности выражают заботу о других. Они подразумевают, что личность принадлежит обществу, будь это семья, племя, нация или человечество, интересы которого должны превышать своекорыстные интересы отдельной личности. Но переходная рыночная экономика — это все, что угодно, только не общество. Каждый должен защищать свои интересы, и моральные нормы могут стать препятствием в мире, где человек человеку — волк. В идеальном переходном обществе люди, которые не отягощены мыслями и заботами о других, могут двигаться гораздо легче и, вероятно, пробьются далеко вперед.

Необходимо отметить, однако, что даже такое общество не полностью лишено этических и моральных соображений. Внешние ограничители могут отсутствовать, но

некоторые внутренние ограничители все же, вероятно, останутся. Даже если люди были превращены в конкурентов, движимых одной лишь идеей, это превращение произошло относительно недавно. Более того, люди не рождаются такими: они впитывают общественные ценности по мере того, как растут. Поэтому вопрос о ценностях в переходном обществе остается относительно открытым. Идеального переходного общества вообще не может быть, но все же мы к нему сейчас ближе, чем когда-либо в истории. Как мы видим, это особенно верно в мировом масштабе.

Два вида ценностей

Что мы можем сказать о разделительной линии между близкими к равновесию и далекими от равновесия условиями и о роли общественных ценностей? Для целей настоящего изложения мы можем выделить два вида ценностей: фундаментальные принципы, которых люди придерживаются независимо от последствий, и практическая целесообразность, когда люди полностью руководствуются ожидаемыми последствиями своих действий. Люди, верящие в фундаментальные ценности, часто полагают, что они происходят от другого источника, а не от их собственного мышления, тогда действительность ценностей не зависит от одобрения или неодобрения конкретного человека. Обычно фундаментальные ценности ассоциируются с религиозными верованиями, хотя эпоха Просвещения превратила разум и науку в два самостоятельных и высоко авторитетных источника. Практическая целесообразность не имеет поддержки со стороны внешнего авторитета; наоборот, она часто вступает в конфликт с господствующими в обществе правилами, поэтому в голове конкретного человека она может ассоциироваться с чувством неполноценности и даже вины. Те, кто действует из соображений практической целесообразности, постоянно ищут общественную поддержку. Если их действия не находят одобрения у тех, кто имеет для них важное значение, они вряд ли будут считаться практически целесообразными. (Крайний случай — никто не значим.) Когда ничем неограниченное стремление к удовлетворению личного интереса и своекорыстия находит широкое одобрение, тогда корысть становится практически целесообразной и оправданной.

Дихотомия фундаментальных принципов и практической целесообразности совершенно явно является искусственной, но именно это и делает ее полезной. Обе категории, очевидно, являются крайностями: между ними что-то должно быть. И на самом деле между этими двумя крайними точками — фундаментализмом и практической целесообразностью — лежат близкие к равновесию условия открытого общества, которые я пытаюсь определить и обрисовать. Нам нужны две разграничительные линии: одна отделяет состояние, близкое к равновесию, от состояния статического неравновесия; другая отделяет статическое неравновесие от динамического неравновесия. Первая линия имеет отношение к фундаментальным принципам, вторая — к практической целесообразности.

Фундаментальные принципы

Открытое общество требует определенного общего согласия в том, что такое хорошо и что такое плохо, и люди должны быть готовы делать правильные вещи, даже если это имеет неприятные личные последствия: защищать родину или встать на защиту свободы. И об этом надо говорить. В переходном обществе, в котором господствует практическая целесообразность, люди стремятся избежать неприятных последствий. Но безусловное обязательство соблюдать фундаментальные принципы также может представлять опасность для открытого общества, если люди игнорируют тот факт, что их действия имеют незапланированные последствия. Воистину — дорога в ад вымощена

благими намерениями. Мы должны быть готовы корректировать наши принципы в свете нового опыта. Это требует критического отношения. Мы должны признавать, что никто не обладает высшей истиной.

Неспособность признать незапланированные последствия порождает теории конспиративности: когда происходит что-то неприятное, кто-то должен нести за это ответственность. Упорство в абсолютных ценностях порождает то, что я называю синдромом «или/или»: если оказывается, что определенный принцип имеет негативные последствия, конечное решение должно состоять в противоположном ему решении. Эта линия аргументации достаточно абсурдна, но она удивительно широко распространена. Это — отличительная черта фундаменталистского мышления (отличного от фундаментальных принципов). Такое мышление может легко привести к крайним позициям, принципиально удаленным от реальности. Такое мышление характерно и для религиозного, и для морального фундаментализма.

Прежде чем мы оставим надежду определить ту среднюю территорию, где открытое общество может сосуществовать с сильными фундаментальными ценностями, мы должны помнить, что совсем необязательно, чтобы все участники принимали критическое отношение, для того чтобы господствовал критический образ мышления. Критическое мышление — само по себе настолько сильное и активное, что не предполагает принятия фундаменталистского мышления, пока оно остается на периферии сознания. Ведь критический образ мышления может смягчить фундаменталистские верования настолько серьезно, что они начнут принимать во внимание существование альтернатив: фундаментальные религии продемонстрировали тенденцию к большей толерантности по отношению к другим верованиям, когда их сторонники вынуждены соревноваться за преданность последователей. Но так было далеко не всегда. Некоторые религиозные и политические движения приобретают сторонников, проявляя крайние формы нетерпения. Если они достигнут на этом пути значительного прогресса, как нацисты и коммунисты в Веймарской республике, открытому обществу будет угрожать реальная опасность; но только когда одно из них завоюет монопольное положение путем подавления альтернатив, мы можем говорить о догматическом образе мышления или о закрытом обществе.

Практическая целесообразность

Вторая разделительная линия — между стабильным открытым обществом и обществом в состоянии динамического неравновесия — вызывает больше проблем, хотя она и более точно описывает ситуацию, в которой мы сейчас находимся. Если люди отказываются от веры в фундаментальные принципы и стремятся руководствоваться только результатами своих действий, общество становится нестабильным. Почему это происходит, не так уж и важно, — но важно, чтобы это стало понятно. Наша способность предвидеть последствия своих действий не является совершенной; поэтому, если бы мы всегда полагались на последствия для формирования намерений, то наши ценности должны были бы постоянно меняться. Это само по себе не так уж плохо; но ситуация становится крайне нестабильной из-за того, что результаты наших поступков не являются надежным показателем действенности нашего мышления.

Рефлексивная связь между мышлением и реальностью определенным образом легализует результаты, достигшие точки, до которой их можно поддерживать. Например, требование более низких налогов может дать людям почувствовать себя богаче, и тем самым они могут начать требовать дальнейших налоговых сокращений, но этот процесс может продолжаться далее только до того момента, пока важные общественные службы и, возможно, даже само общество не окажутся в опасности. Рефлексивная связь может также работать и в обратном направлении: когда цель достигнута, она уже не кажется такой привлекательной, как ранее, когда она была всего лишь далекой целью; успех перестает

казаться таким уж сладким после первоначального взрыва энтузиазма, формируя кратковременные модные увлечения. Например, успех одного поколения в достижении материального благополучия дает детям возможность отказаться от рабочей этики. На финансовых рынках полно примеров, когда следование за тенденцией становится источником нестабильности. То же рассуждение справедливо и в отношении общества в целом. Когда фундаментальными принципами широко пренебрегают во имя практической целесообразности, люди теряют ориентиры, и одновременно усиливается стремление к твердым правилам и жесткой дисциплине. Нельзя поддерживать стабильность, если люди не придерживаются некоторых фундаментальных принципов, независимо от последствий. Когда успех становится единственным критерием, по которому судят о действиях, нет ничего, что остановило бы рефлексивное взаимодействие от движения на далекую от равновесия территорию.

Как желание принять некоторые фундаментальные ценности предотвращает выход из-под контроля цикла подъем — спад, дестабилизирующего общество? Для ответа именно на этот вопрос может оказаться полезным опыт, приобретенный в лаборатории финансовых рынков. Ответ заключается в следующем: путем сдерживания поведения, выражающегося в следовании за традицией, которое угрожает стабильности в обществе точно так же, как и стабильности на финансовых рынках.

Это — важный момент, но он, возможно, выглядит слишком абстрактно. Он может стать более понятным, если мы рассмотрим ряд практических примеров, взятых из жизни финансовых рынков. В книге *«Алхимия финансов»* я показал, что движения валют имеют тенденцию к чрезмерному росту из-за спекуляции, являющейся результатом следования за тенденцией. Мы можем также наблюдать поведение, заключающееся в следовании тенденции, на фондовых рынках, рынках товаров, рынках недвижимости, прототипом чего была голландская тюльпаномания. Такие движения не могли бы достигать крайних точек, если бы участники рынка были более последовательны и привержены так называемым основным принципам. Проблема состоит в том, что вера в эти основные принципы является, по крайней мере на финансовых рынках, демонстративно ложной. Я показал ранее, что то, что рассматривается как фундаментальные ценности или объективные критерии, часто является рефлексией, и неспособность признать этот факт угрожает процессу развития цикла подъем — спад. Именно такой случай и имел место во время бума конгломератов в конце 60-х годов, во время международного кредитного бума конца 70-х годов и во время текущего мирового финансового кризиса. Итак, вы обречены, если вы абсолютно не верите в так называемые основные принципы и поддаетесь желанию следовать за тенденцией, но вы также обречены, если вы верите в так называемые основные принципы, потому что рынки вам докажут, что вы ошибаетесь. У стабильности — не так много оснований для надежды!

Теперь мы должны аккуратно дифференцировать ценности, определяющие экономическое поведение, и ценности, господствующие в обществе. Мне удалось показать, что чередование роста и спада деловой активности на финансовых рынках вызвано верой в так называемые основные показатели, которая оказывается явно ложной. Но это не влияет на фундаментальные ценности в целом. Приравнивать основные показатели на финансовых рынках и фундаментальные ценности — все равно, что строить доводы на игре слов. Надо найти более разумную основу: можно показать, что в переходном обществе фундаментальные ценности всегда опираются на шаткий фундамент. Это звучит менее категорично, чем заявление о том, что фундаментальные ценности явно ложны, это утверждение настолько категоричное, что может вызвать сомнения в стабильности открытого общества.

Почему, в конце концов, люди должны руководствоваться чувством, что нечто хорошо или плохо, независимо от последствий? Почему они не должны добиваться успеха любыми наиболее эффективными средствами? Это — законные вопросы, на которые нет простых ответов. Настоящие ответы могут шокировать людей, которых воспитывали

правопослушными и высокоморальными гражданами, однако на деле это означает только то, что люди не осознают, что чувство морали — это приобретенное чувство. Оно прививается людям обществом — родителями, школой, правовыми институтами, традициями, и оно необходимо для поддержания целостности общества. В кардинально меняющемся, переходном обществе первостепенным фактором становятся личностные свойства. С точки зрения личности, для достижения успеха необходимо следовать морали; на практике это свойство может быть помехой. Чем больше люди в качестве критерия, по которому они судят о других людях, выбирают успех, тем меньше им надо следовать морали. Чтобы выполнять требования морального кодекса, вы должны ставить общие интересы выше личных корыстных интересов. В обществе, где господствуют стабильные отношения, это составляет гораздо меньшую проблему, потому что достичь успеха сложно, если вы нарушаете основные социальные нормы. Но когда вы можете двигаться свободно, социальные нормы становятся менее обязательными, а уж когда общественной нормой является практическая целесообразность, общество становится нестабильным.

Ненадежное среднее состояние

Можно увидеть, что близким к равновесию условиям открытого общества угрожают с обеих сторон; открытое общество ненадежно пристроилось между статическим неравновесием закрытого общества и динамическим неравновесием идеального переходного общества. Такое положение существенно отличается от моих первоначальных концептуальных построений, когда я признавал только дихотомию открытое — закрытое общество. Эта дихотомия больше соответствовала условиям холодной войны; идея открытого общества, занимающего среднее положение между фундаменталистскими идеологиями, с одной стороны, и отсутствием общих фундаментальных ценностей, с другой стороны, — скорее всего больше подходит к ситуации наших дней.

Можно, конечно, поставить под сомнение ценность универсально действенных концептуальных построений, которые могут быть легко приспособлены к меняющимся условиям, но концептуальные построения не являются ни совершенными, ни действующими бесконечно долго. Они могут, как я указал ранее, не представлять собой ничего, кроме «плодотворной ошибки». Это, однако, не освобождает нас от обязанности исправлять ошибки, что я и делаю здесь и сейчас. Идея несовершенства ценностей уже присутствовала в моей первоначальной модели открытого общества, но в то время я рассматривал появление закрытого общества в качестве единственной альтернативы открытому. Современная история учит нас, что существует по крайней мере еще один вариант: нестабильность и хаос ведут к краху общества в целом. Это особенно верно по отношению к обществам, находящимся за пределами относительно стабильных сообществ Европы и Северной Америки.

Рассмотрим несколько конкретных примеров из современной истории. Дезинтеграция Советского Союза создала вакуум государственной власти и вызвала крушение права и общественного порядка, которые могут составлять точно такую же угрозу свободе, какую в советские времена представляло подавление свободы. Мы стали свидетелями похожих крушений государственной власти в 90-е годы в Югославии и Албании, в различных регионах Африки (Сомали, Руанда, Бурунди, Конго и т.д.) и Азии (Афганистан, Таджикистан, Камбоджа). Если мы посмотрим на мир в целом, то увидим крайне нестабильную ситуацию: наличие мировой экономической системы, но отсутствие мировой политической системы. Я уверен, что, описывая нестабильность в качестве *еще одной* альтернативы, я опять упрощаю положение вещей, поскольку нестабильность может иметь разные формы; но нам необходимо упрощение, чтобы увидеть хоть какой-то смысл в крайне запутанном мире. Пока мы понимаем, что мы делаем, концептуальные построения, разрабатываемые мною здесь, могут быть полезны не только в прояснении текущего

положения, они могут помочь стабилизировать положение в мире.

Открытое общество всегда в опасности, но в этот момент истории угроза исходит в большей мере от нестабильности, а не от тоталитарных режимов — от недостатка проповедуемых общественных ценностей, а не от репрессивной идеологии. Коммунизм и даже социализм утратили доверие, в то время как вера в капитализм по модели свободного предпринимательства *laissez faire* продемонстрировала нехватку общественных ценностей в статусе моральных принципов. Как можно защитить открытое общество? Его могут защитить только те люди, кто умеет (или не забыли) выбирать между тем, что такое хорошо и что является практически целесообразным, и кто делает то, что хорошо, даже если это не является практически целесообразным. Это - высший порядок. Его нельзя оправдать узкими корыстными расчетами. Корысть диктует такие мысли, высказывания и действия, которые являются практически целесообразными. Ведь на самом деле все больше и больше людей отдают предпочтение практической целесообразности. Они могут продолжать заявлять во всеуслышание о своей приверженности моральным принципам, но только потому, что это является практически целесообразным. Их позиция была в значительной степени упрощена господствующим предвзятым мнением о признании своекорыстия в качестве морального принципа. Предвзятое мнение проявляется, как будет показано во второй части книги, в рыночном фундаментализме, в геополитическом реализме, в упрощенном толковании теории Дарвина и в ряде новых дисциплин, таких, как право и экономическая наука. Это позволило рыночному механизму проникнуть в такие аспекты жизни общества, которые еще до недавнего времени находились вне сферы его влияния.

Предвзятое мнение и тенденция усиливают друг друга. Уже нет необходимости говорить во всеуслышание о моральных принципах, отличных от своекорыстия. Успехом восхищаются больше всего. Политики получают признание за то, что были избраны, а не за принципы, которые они исповедуют. О деловых людях судят по их благосостоянию, а не по их честности и неподкупности или вкладу их предприятия в социальное и экономическое благополучие. «Хорошо» было заменено на «эффективно», и эта замена упростила достижение успеха без учета того, что такое хорошо. Не надо и говорить, что именно в этом я вижу мрачную угрозу стабильности нашего общества.

5. ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО

Открытое общество как идеал

Самой большой задачей нашего времени является выработка ряда фундаментальных ценностей, которые могут быть предложены мировому обществу, находящемуся в большей части в переходном состоянии. Традиционно фундаментальные ценности исходили от внешнего авторитетного источника, такого, как религия или наука. Но в настоящий момент истории нет ни одного источника, авторитет которого не был бы поставлен под сомнение. Единственный возможный источник находится внутри самого человека. Прочным основанием для создания наших принципов может стать признание собственных ошибок. Ошибочность суждений и взглядов — универсальное человеческое состояние; поэтому мы можем говорить об ошибочности применительно и к мировому обществу. Ошибочность порождает рефлексивность, а рефлексивность может создать условия нестабильного неравновесия, или, проще говоря, вызвать политический и экономический кризис. И в наших общих интересах — избежать таких состояний. Это то общее основание, на котором можно строить мировое сообщество. Одновременно это означает признание открытого общества в качестве желаемой нормы общественной организации.

К сожалению, люди даже не знают о существовании концепции открытого общества; они отнюдь не считают его идеальным обществом. Открытое общество не может выжить без сознательных усилий сохранить его. Это утверждение, конечно же, отвергается идеологией свободного предпринимательства *laissez faire*, в соответствии с которой неограниченное стремление к удовлетворению личной корысти приводит к оптимальному положению вещей. Но происходящие ежедневно события опровергают эту идеологию. Уже давно должно стать очевидным, что финансовые рынки не являются самоподдерживающимися и сохранение рыночного механизма должно стать основной общей задачей, которая ставится выше корыстных интересов индивидуальных участников рынка. Если люди не верят в открытое общество как в желаемую форму общественной организации и не хотят сдерживать свои корыстные интересы во имя поддержания открытого общества, открытое общество не выживет.

Открытое общество, в которое люди могут верить, должно отличаться от настоящего положения вещей. Оно должно выполнять роль идеала. Переходное общество страдает от нехватки общественных ценностей. Будучи идеалом, открытое общество могло бы устранить именно эти недостатки. Но оно не могло бы устранить все недостатки; если бы оно смогло добиться этого, оно бы противоречило или отрицало принцип ошибочности, на котором оно само основано. Поэтому открытое общество должно быть особым, или специальным видом идеала — самосознательно несовершенным идеалом. Такой идеал серьезно отличается от идеалов, зажигающих воображение людей. Ошибочность предполагает, что совершенство недостижимо и мы должны довольствоваться тем лучшим, что можем иметь: несовершенное общество, всегда открытое совершенству. Это — мое определение открытого общества. Может ли оно стать общепринятым?

Относительность универсальных идей

Возможно, самым большим препятствием к принятию открытого общества в качестве идеала является сравнительно полный отказ от универсальных идей. Я осознал это после того, как создал сеть фондов, и, честно говоря, меня это удивило. Во время коммунистического режима и позже, в головокружительные дни революции, было несложно найти людей, воодушевленных принципами открытого общества, даже если они не вполне признавали те же концептуальные построения. Тогда я не пытался объяснять, что имел в виду под открытым обществом: это означало общество, противоположное закрытому, — тому, в котором они жили, и тогда они все знали, что это означало. Но отношение Запада вызывало у меня обеспокоенность и разочарование. Сначала я думал, что в открытых обществах Запада люди просто не успевали признать исторические возможности; но в конце концов я был вынужден прийти к заключению, что им просто не было дела до открытого общества как универсальной идеи, поэтому они и не предпринимали значительных усилий, чтобы помочь бывшим коммунистическим странам. Все разговоры о свободе и демократии были не более чем простой пропагандой.

После распада советской системы привлекательность открытого общества как идеала стала уменьшаться, даже в ранее закрытых обществах. Люди оказались втянутыми в борьбу за выживание, а те, кто по-прежнему волновался и боролся за общее благо, были вынуждены спросить себя, не держались ли они, как и раньше, за ценности прошлого - и зачастую ответ был положительным. У людей начали вызывать подозрения универсальные идеи. Коммунизм был универсальной идеей, и посмотрите, к чему привела эта идея!

Это заставило меня пересмотреть концепцию открытого общества. Но в конце концов я пришел к выводу, что эта концепция более адекватна моменту, чем когда-либо. Мы не можем обойтись без универсальных идей. (Стремление к удовлетворению собственных корыстных интересов также является универсальной идеей, даже если она не признается в качестве таковой.) Универсальные идеи могут быть очень опасны, особенно если они доводятся до своего логического завершения. К тому же мы не можем отказаться от мышления, а мир, в котором мы живем, очень сложен, чтобы суметь разобраться в нем без руководящих принципов. Эта линия рассуждений привела меня к концепции ошибочности как универсальной идее и к концепции открытого общества, которая также основана на признании нашей ошибочности. Как я упомянул ранее, в моей новой формулировке открытое общество не находится в оппозиции к закрытому обществу, а занимает ненадежное промежуточное положение, в котором ему угрожают со всех сторон универсальные идеи, которые были доведены до их логического завершения, это — все виды экстремизма, включая рыночный фундаментализм.

Если вы думаете, что концепция открытого общества парадоксальна, то вы правы. Универсальная идея о том, что универсальные идеи, доведенные до их логического завершения, становятся опасны, является еще одним образцом парадокса лжеца. Это то основание, на котором строится концепция ошибочности. Если мы доведем аргументы до их логического конца, то оказываемся перед выбором: мы можем либо принять ошибочность наших идей, либо отрицать ее. Принятие идеи ошибочности ведет к признанию принципов открытого общества.

Просвещение

Я пытаюсь разработать принципы открытого общества на основании признания ошибочности нашего мышления. Я понимаю все возможные трудности. Любой философский довод вызывает бесконечные новые вопросы. Если бы я попытался начать с самого начала, моя задача стала бы почти не решаемой. Ошибочность предполагает, что

политические и моральные принципы не могут быть основаны на предшествующих принципах, — пусть Кант спит спокойно. К счастью, мне не надо начинать с самого начала. Философы эпохи Просвещения, и прежде всего Кант, попытались вывести универсальные императивы на основании доводов разума. Их очень ограниченный и далеко не полный успех подкрепляет нашу ошибочность и является основой для формирования принципов открытого общества.

Просвещение явилось гигантским шагом вперед в развитии моральных и политических принципов, господствовавших ранее. До того времени моральные и политические авторитеты исходили из внешних источников, как религиозных, так и светских. Предоставление разуму возможности решать, что является истинным и что — ложным, что такое хорошо и что такое плохо, явилось в ту эпоху огромным достижением. Это ознаменовало начало нового времени. Признаем мы это или нет, но Просвещение заложило основы наших идей о политике и экономической науке и всего нашего взгляда на мир. Философов эпохи Просвещения больше не читают, потому что их невозможно читать, но их идеи укоренились в нашем образе мышления. Господство разума, главенство науки, универсальное братство людей — вот лишь некоторые из их идей. Политические, экономические и моральные ценности были удивительно четко отражены в Декларации независимости, и этот документ продолжает оставаться источником вдохновения для людей во всем мире.

Просвещение не возникло на пустом месте: его корни лежат глубоко — в Христианстве, которое, в свою очередь, было создано на основе монотеистической традиции Старого Завета и греческой философии. Необходимо отметить, что все эти идеи были сформулированы в универсальных выражениях, за исключением Старого Завета, в котором многие моменты племенной истории смешаны с идеями монотеизма. Вместо принятия традиции в качестве высшего авторитета Просвещение подвергло традицию критическому изучению. Результаты вскружили головы. Высвободилась творческая энергия человеческого интеллекта. Неудивительно, что новый подход был доведен до крайности! Во время Французской революции традиционный авторитет был свергнут, а разум был провозглашен в качестве верховного арбитра. Разум не смог справиться с задачей, и энтузиазм 1789 г. обернулся ужасом 1793 г. Но основные положения и постулаты Просвещения опровергнуты не были; наоборот, армии Наполеона распространили идеи нового времени по всей Европе.

Современные достижения даже нельзя сравнивать. Научный метод дал потрясающие открытия, а новейшие технологии позволили использовать их продуктивно. Человечество стало господствовать над природой. Экономические предприятия стали использовать новые возможности, рынки способствовали установлению соответствия между спросом и предложением, как производство, так и уровень жизни поднялись на высоты, которые даже невозможно было представить в более ранние периоды истории.

Несмотря на эти впечатляющие достижения, разум не мог оправдать всех возлагавшихся на него надежд, особенно в общественной и политической сферах. Расхождение между намерениями и результатами не могло быть ликвидировано полностью; ведь чем радикальнее ожидания, тем больше разочаровывают результаты. Это утверждение, с моей точки зрения, применимо как к коммунизму, так и к рыночному фундаментализму. Мне хотелось бы указать на один конкретный случай незапланированных последствий, поскольку он имеет отношение к ситуации, в которой мы находимся. Когда первоначальные политические идеи Просвещения были осуществлены на практике, они послужили толчком к появлению национального государства. Пытаясь установить правление разума, люди поднялись против своих правителей, и власть, которую они захватили, была властью суверена. Так родилось национальное государство, в котором суверенитет принадлежит народу. Какими бы ни были его заслуги, они не возникли из универсальных идей.

Развенчание традиционного авторитета в культуре вызвало интеллектуальное

брожение, которое дало толчок развитию великого искусства и литературы, но после долгого периода волнующих экспериментов, когда авторитет был развенчан окончательно, во второй половине XX века, стало казаться, что большая часть вдохновения улетучилась. Диапазон возможностей стал слишком широким, чтобы обеспечивать дисциплину, необходимую для художественного творчества. Некоторым художникам и писателям удается создать свой собственный язык, но общая основа, похоже, распалась.

Тот же вид болезни, похоже, затронул и все общество в целом. Философы Просвещения, и прежде всего Эммануил Кант, стремились создать универсальные принципы морали, основанные на универсальных же доводах разума. Задача, которую поставил перед собой Кант, заключалась в том, чтобы показать, что разум предлагает лучшую основу для морали, чем традиционный внешний авторитет. Но в нашем современном переходном обществе были подвергнуты сомнению причины необходимости существования какой-либо морали вообще. Потребность в какой-либо форме морали по-прежнему существует, и даже, возможно, она ощущается особенно остро, поскольку остается неудовлетворенной. Но уже нет определенности в отношении принципов и заповедей, которые могли бы составить это моральное руководство. Зачем беспокоиться об истине, если предложение не обязательно должно быть истинным для того, чтобы быть эффективным? Зачем быть честным, если не честность и не добродетель завоевывают уважение людей? Хотя нет определенности по отношению к нравственным принципам и заповедям, отсутствует и какая-либо неопределенность в отношении ценности денег. Поэтому деньги узурпировали роль подлинных ценностей. Идеи Просвещения пронизывают наши представления о мире, а благородные стремления той эпохи продолжают формировать наши ожидания, но господствующее настроение — разочарование.

Давно пора подвергнуть разум в той форме, как он толковался в эпоху Просвещения, тому же критическому пересмотру, которому само Просвещение подвергло господствовавшие тогда внешние авторитеты — как религиозные, так и светские. Последние двести лет мы живем в Эпоху Разума, т.е. достаточно долго, чтобы обнаружить, что возможности Разума также достаточно ограничены. Мы готовы вступить в Эпоху Ошибочности. Результаты могут быть также очень вдохновляющими и вскружить голову, но, опираясь на наш прошлый опыт, мы, возможно, сможем избежать крайних проявлений, характерных для начала новой эпохи.

Нам надо начать перестраивать мораль и общественные ценности, осознав их рефлексивный характер. Это прямо приведет к концепции открытого общества как к желаемой форме общественной организации. Поскольку ошибочность и рефлексивность являются универсальными концепциями, они должны предоставить общий фундамент для всех живущих в мире людей. Я надеюсь, мы сможем избежать некоторых ошибок, связанных с универсальными концепциями. Конечно, открытое общество также имеет свои недостатки, но его несовершенство состоит в том, что оно предлагает слишком мало, а не слишком много. Если быть более точным, концепция является слишком общей, чтобы дать рецепт для конкретных решений. Она последовательна и предоставляет огромное поле для проб и ошибок. Это общество может стать здоровой основой для того мирового сообщества, которое нам нужно.

Нравственная философия

Кант выводил свои категорические императивы из существования морального агента, который руководствуется велениями разума в такой степени, что исключает корысть и желание. Такой агент имеет трансцендентальную свободу и автономию воли в отличие от «гетерономии» агента, воля которого зависит от внешних причин. Этот агент может признать безусловные моральные императивы, которые являются объективными в том

смысле, что они универсально применимы ко всем рациональным существам. Одним из таких категорических императивов является «золотое правило», заключающееся в том, что мы должны действовать так, как хотели бы, чтобы другие действовали по отношению к нам. Безусловный авторитет императивов исходит от идеи, состоящей в том, что люди являются рациональными агентами.

Однако проблема в том, что рационального агента, описанного Кантом, не существует. Это - иллюзия, созданная путем абстракции. Философы Просвещения любили считать себя обособленными и необремененными связями с обществом, но на самом деле они имели глубокие корни в своем обществе - с христианской моралью и чувством общественных обязанностей. Они хотели изменить свое общество. С этой целью они изобрели некоего не связанного ни с чем индивида, одаренного разумом, подчиняющегося велениям своей совести, а не внешнего авторитета. Они не смогли понять, что подлинно ни с чем не связанный индивид не может быть одарен чувством долга. Общественные ценности могут быть усвоены, но они не связаны ни с каким индивидом, пусть даже и одаренным разумом; их корни лежат в общности, к которой этот индивид принадлежит. Современные исследования невротиков пошли еще дальше и выявили индивидов, мозг которых был поврежден особым образом, так, что их способности к обособленному наблюдению и размышлению не были нарушены, но было нарушено чувство самосознания. Это состояние повлияло на их суждения, а их поведение стало неустойчивым и безответственным.

Таким образом, похоже, ясно, что мораль основывается на чувстве принадлежности общности, будь то семья, друзья, племя, нация или человечество. Но рыночная экономика не является обществом, особенно когда она действует в мировом масштабе; работать по найму в корпорации это не то же самое, что принадлежать к обществу, особенно если руководство корпорации отдает предпочтение мотиву получения прибыли, а не другим соображениям, и любой человек может быть уволен без колебаний. Люди в современном переходном обществе не ведут себя так, как будто ими руководят категорические императивы; похоже, «дилемма заключенных» проливает больше света на их поведение. Кантовская метафизика моральных норм соответствовала эпохе, в которой разум должен был сражаться с внешним авторитетом, но сегодня она кажется нерелевантной, поскольку внешнего авторитета больше не существует. Ставится под сомнение сама необходимость разделять между тем, что такое хорошо и что такое плохо. Зачем волноваться, если действия приводят к желаемому результату? Зачем искать истину? Зачем быть честным? Зачем беспокоиться о других? Кто такие «мы», которые составляют мировое сообщество, и каковы ценности, которые должны держать нас вместе? Вот вопросы, на которые надо ответить сегодня.

Однако было бы ошибкой совсем отказаться от нравственной и политической философии эпохи Просвещения только потому, что она не смогла реализовать свои грандиозные амбиции. В духе ошибочности мы должны скорректировать крайности в нашем мышлении, а не впадать в другую крайность. Общество без общественных ценностей вообще не может выжить, а мировое сообщество нуждается в универсальных ценностях, которые поддерживали бы его единство. Просвещение предложило ряд универсальных ценностей, и память об этой эпохе все еще жива, даже если она и начала несколько притупляться. Но вместо того чтобы отказаться от этих ценностей, мы должны их модернизировать.

«Обремененная личность»

Ценности Просвещения можно сделать значимыми для нашего времени путем замещения разума ошибочностью и замены «обремененной личности» необремененной личностью философов Просвещения. Под «обремененными личностями» я имею в виду

людей, нуждающихся в обществе, — людей, которые не могут существовать в прекрасной изоляции, но все же лишены чувства принадлежности, которое было настолько огромной частью жизни людей во времена Просвещения, что они даже не осознавали этого. Мышление «обремененных личностей» формируется их общественным окружением, их семьей и другими связями, культурой, в которой они воспитывались. Они не занимают вневременную, лишённую перспективы позицию. Они не наделены совершенным знанием, они не лишены корысти. Они готовы бороться за выживание, они не изолированы; неважно, насколько хорошо они будут бороться, но они не выживут, поскольку они не бессмертны. Им необходимо принадлежать чему-то большему и более длительно существующему, хотя, будучи подверженными ошибкам, они могут не признавать этой своей потребности. Другими словами, это — настоящие люди, мыслящие агенты, мышление которых не свободно от ошибок, а не персонификации абстрактного разума.

Выдвигая идею «обремененной личности», я, безусловно, занимаюсь тем же абстрактным мышлением, что и философы эпохи Просвещения. Я предлагаю еще одну абстракцию, основанную на нашем опыте, но с их формулировкой. Реальность всегда сложнее, чем наше толкование. Диапазон людей, живущих на земле, может варьировать в бесконечно широких пределах: от тех, кто приблизился к идеалам Просвещения, до тех, про кого едва ли можно сказать, что они живут как личности, — при этом кривая распределения явно отклоняется в сторону последних.

Идея, которую я хочу донести, заключается в том, что мировое сообщество никогда не может удовлетворить потребность людей в адекватной принадлежности. Оно никогда не сможет стать сообществом. Оно — такое большое и пестрое, в нем присутствует так много различных культур и традиций. Те, кто хочет принадлежать общности, должны искать ее где-то еще. Мировое сообщество должно всегда оставаться чем-то абстрактным — некоей универсальной идеей. Оно должно уважать потребности «обремененной личности», признать, что эти потребности не удовлетворяются, но оно не должно стремиться удовлетворить их полностью, потому что никакая форма общественной организации не может удовлетворить их раз и навсегда.

Мировое сообщество должно осознавать свою ограниченность. Это — универсальная идея, а универсальные идеи могут стать очень опасными, если они заводят слишком далеко. И именно мировое государство завело бы идею мирового сообщества слишком далеко. Все, что может дать универсальная идея, так это — послужить основанием для правил и институтов, необходимых для сосуществования множества обществ, составляющих мировое сообщество. Оно не может дать сообщество, которое удовлетворило бы потребность людей в принадлежности. Но тем не менее идея мирового сообщества должна представлять нечто большее, чем агломерацию рыночных сил и экономических операций.

Принципы открытого общества

Как «обремененная личность» может быть связана с открытым обществом или, выражаясь менее абстрактно, как может мир, состоящий из «обремененных личностей», способствовать созданию открытого мирового сообщества? Необходимо признание нашей ошибочности, но одного этого — явно недостаточно. Нужно дополнительное звено.

Ошибочность устанавливает сдерживающие факторы, которые необходимо учитывать при коллективном принятии решений, чтобы защитить свободу личности, но ошибочность должна также сопровождаться позитивным импульсом к сотрудничеству. Вера в открытое общество как в желаемую форму общественной организации могла бы предоставить такую возможность. В сегодняшней ситуации, когда мы уже тесным образом взаимосвязаны с мировой экономикой, эта возможность должна существовать уже в мировом масштабе. Нетрудно идентифицировать ценности, разделяемые всеми. Избежать

разрушающих вооруженных конфликтов, особенно ядерной войны, защитить окружающую среду, сохранить мировую финансовую и торговую системы — мало кто откажется от этих целей. Сложность заключается в определении того, что именно должно быть сделано, и в создании механизма для осуществления того, что должно быть сделано.

Сотрудничества в мировом масштабе добиться чрезвычайно сложно. Жизнь была бы гораздо проще, если бы оказался прав Фридрих Хайек, и общий интерес мог бы рассматриваться как незапланированный побочный продукт деятельности людей, действующих в собственных интересах. То же применимо и к коммунистическому рецепту: от каждого по способностям, каждому по потребностям. К сожалению, ни одно из этих правил не действует. Жизнь — куда как сложнее. Конечно, существуют общие интересы, включая сохранение свободных рынков, которые не обслуживаются свободными рынками. В случае конфликта общие интересы должны стать выше личных, корыстных интересов. Но в отсутствие независимого критерия невозможно знать, что является общими интересами. Стремиться к удовлетворению общих интересов необходимо с большой осторожностью — методом проб и ошибок. Претендовать на знание общих интересов также ошибочно, как и отрицать их существование.

Демократия среди участников и рыночная экономика являются важнейшими элементами открытого общества, как и механизм регулирования рынков, особенно финансовых, наряду с определенными мерами, направленными на защиту мира, закона и сохранение правопорядка в мировом масштабе. Нельзя точно определить формы этих мероприятий исходя из первых принципов. Перестройка реальности сверху донизу нарушила бы принципы открытого общества. В этом ошибочность и отличается от рациональности. Ошибочность означает, что никто не владеет монополией на истину. Фактически принципы открытого общества великолепно изложены в Декларации независимости. Все, что мы должны сделать, так это заменить в первом предложении слова «эти истины, как считается, не требуют доказательств» на слова «мы согласились принять эти принципы как истины, не требующие доказательств». Это означает, что мы не следуем велению разума, но делаем сознательный выбор. На самом деле истины Декларации независимости не являются истинами, не требующими доказательств, это — рефлексивные истины в том смысле, в котором все положения — рефлексивны.

Существуют другие причины, почему я верю, что ошибочность и «обремененная личность» составляют лучшую основу для создания открытого мирового сообщества. Чистый разум и моральный кодекс, основанный на ценности личности, являются изобретениями западной культуры; они почти не имеют резонанса в других культурах. Например, конфуцианская этика основана на семье и отношениях, которые не очень стыкуются с универсальными концепциями, принятыми на Западе. Ошибочность допускает огромное культурное разнообразие. Западная интеллектуальная традиция не должна навязываться без разбора всему миру во имя универсальных ценностей. Западная форма представительной демократии может являться отнюдь не единственной формой правления, совместимой с открытым обществом.

Тем не менее должны существовать некоторые универсальные ценности, которые станут общепризнанными. Открытое общество — согласно самой концепции — должно быть плюралистическим, но в стремлении к плюрализму оно не должно заходить настолько далеко, чтобы перестать различать, что такое хорошо и что такое плохо. Терпимость и умеренность также могут быть доведены до крайности. Определить, что же является абсолютно правильным, можно только методом проб и ошибок. Это определение будет меняться во времени и в пространстве. В то время как Просвещение предложило перспективу вечных истин, открытое общество признает, что ценности рефлексивны и в ходе истории подвергаются изменениям. Коллективные решения не могут быть основаны на велении разума; но все же мы не можем обойтись без коллективных решений. Нам нужно, чтобы правил закон именно потому, что мы не можем быть абсолютно уверенными в том, что такое хорошо и что такое плохо. Нам нужны институты, признающие свою

ошибочность и предлагающие механизм корректирования своих ошибок.

Открытое мировое сообщество не может быть создано без поддержания людьми основных принципов. Конечно, я не имею в виду всех людей, поскольку многие люди даже не думают о таких вопросах, и это противоречило бы принципам открытого общества, если бы те, кто о них думает, могли бы прийти к универсальному соглашению по их сути. Но для того чтобы открытое общество стало господствующим, его принципы должны получить безусловную поддержку.

Почему мы должны считать открытое общество идеалом? Ответ — очевиден. Мы не можем больше жить как изолированные личности. Будучи участниками рынка, мы удовлетворяем свою корысть, но если мы будем только участниками рынка, одно это уже не будет удовлетворять даже нашей корысти. Мы должны думать об обществе, в котором живем, а когда дело касается коллективных решений, мы должны руководствоваться интересами общества в целом, а не нашими узкими эгоистическими интересами. Объединение узких эгоистических интересов посредством рыночного механизма приводит к неблагоприятным последствиям. Возможно, самым серьезным фактором в данный момент истории является нестабильность финансовых рынков.

ЧАСТЬ II. НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ В ИСТОРИИ

Система мирового капитализма
Мировой финансовый кризис
Как предотвратить крах
Навстречу открытому обществу
Международный контекст
Перспективы открытого общества

6

6. СИСТЕМА МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Теперь мы подошли к самому трудному вопросу: как могут абстрактные теоретические построения, которые я так подробно развивал, пролить некоторый свет на настоящий момент в истории? Мы живем в условиях мировой экономики, которая характеризуется не только свободной торговлей товарами и услугами, но даже в большей степени свободным движением капитала. Процентные ставки, курсы обмена валют, курсы акций в различных странах связаны самым тесным образом, и мировые финансовые рынки оказывают огромное влияние на экономические условия. Учитывая решающую роль, которую международный финансовый капитал играет в судьбах отдельных стран, мы вполне можем говорить о системе мирового капитализма.

Система эта очень благоприятна для финансового капитала, который свободен идти туда, где выше вознаграждение, что, в свою очередь, привело к быстрому росту мировых финансовых рынков. В результате возникла гигантская система циркуляции, перекачивающая капитал на финансовые рынки и в институты в центре, а потом переносящая его на периферию — либо непосредственно в форме кредитов и инвестиционных портфелей, либо косвенно — через многонациональные корпорации. Пока эта система циркуляции активна, она подавляет многие другие влияния. Капитал приносит много выгоды, и не только увеличение производственных мощностей, но и усовершенствование методов производства, а также другие инновации; не только увеличение благосостояния, но и большую свободу. Поэтому страны стремятся привлечь и удержать капитал, а создание привлекательных для капитала условий становится более важным, чем какие-либо другие социальные цели.

Но у этой системы есть и серьезные недостатки. Пока капитализм остается победителем, стремление к деньгам перекрывает все другие общественные соображения. Экономические и политические устройства находятся в беспорядочном состоянии. Развитие мировой экономики не сопровождалось развитием мирового сообщества. Основной единицей политической и общественной жизни продолжает оставаться национальное государство. Отношения между центром и периферией также слишком неравные. Если и когда мировая экономика все же споткнется, то политическое давление разорвет ее на части.

Я привожу критический обзор системы мирового капитализма под двумя основными лозунгами. Один из них касается недостатков рыночного механизма. Здесь я говорю в основном о нестабильности, присущей международным финансовым рынкам.

Другой касается недостатков того, что я вынужден назвать, за неимением лучшего названия, нерыночным сектором. Здесь в основном я имею в виду несостоятельность политики — как на национальном, так и на международном уровнях.

В следующих трех главах я займусь в основном вопросами недостатков рыночного механизма, хотя я также учитываю отсутствие надлежащих регулирующих и политических устройств. После аналитического обзора основных черт системы мирового капитализма я предлагаю рассуждение, основанное на моем анализе цикла подъем — спад деловой активности. Я даю определение господствующей предвзятой идеологии — рыночному фундаментализму — и доминирующей тенденции — международной конкуренции за капитал. Анализу цикла подъем-спад деловой активности будет посвящена следующая глава. В главе 7 я прихожу к гораздо более определенному, чем в этой главе, заключению о будущем. Я предсказываю неминуемый распад системы мирового капитализма.

Абстрактная империя

Первый вопрос, на который необходимо ответить, заключается в следующем: существует ли такое явление, как система мирового капитализма? Я отвечаю — да, существует, но это не явление. У нас есть врожденная тенденция к овеществлению или персонификации абстрактных концепций, это присуще нашему языку, но может иметь нежелательные последствия. Абстрактные концепции имеют свою собственную жизнь, и легко встать на неверный путь и уйти слишком далеко от реальности; но все же мы не можем избежать мышления абстрактными категориями, поскольку реальность слишком сложна для ее полного постижения. Именно поэтому идеи играют такую важную роль в истории, более важную, чем мы осознаем. И это особенно верно по отношению к настоящему моменту в истории.

Тот факт, что система мирового капитализма является абстрактной концепцией, ни чуть не делает ее менее важной. Она управляет нашими жизнями так же, как и любой политический режим управляет жизнями людей. Систему капитализма можно сравнить с империей, которая является более глобальной, чем какая-либо из существовавших ранее империй. Она управляет всей цивилизацией, и как в случае с другими империями, все, кто находится за ее стенами, — варвары. Это не территориальная империя, поскольку она не имеет суверенитета и всех сопутствующих ему атрибутов. Суверенитет государств, входящих в эту империю, является единственным фактором поддержания ее власти и влияния. Империя почти невидима, поскольку не имеет официальной структуры. Большинство ее граждан даже не знают, что они подчиняются ей, или, более корректно, они признают, что подвержены действию неличных и иногда разрушительных сил, но они не понимают, что представляют собой эти силы.

Аналогия с империей в данном случае оправдана, потому что система мирового капитализма не управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти. Более того, она имеет центр и периферию, как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции. Она отнюдь не ищет равновесия, а одержима экспансией. Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гуна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели. Я не имею в виду географические завоевания, я имею в виду ее влияние на жизнь людей.

В отличие от XIX века, когда империализм нашел непосредственное территориальное выражение в форме колоний, сегодняшняя система мирового капитализма

является почти полностью внутерриториальной, даже экстерриториальной по своей сути. Территориями управляют государства, и государства часто являются препятствиями на пути экспансии системы капитализма. Это верно даже в отношении США, которые в наибольшей мере являются капиталистическим государством, хотя изоляционизм и протекционизм составляют часто повторяющиеся темы в их политической жизни.

Система мирового капитализма по своей природе является чисто функциональной, а функция, которой она служит, является (и это не удивительно) исключительно экономической: производство, потребление, обмен товарами и услугами. Важно отметить, что обмен включает не только товары и услуги, но и факторы производства. Как указали Маркс и Энгельс 150 лет назад, капиталистическая система превращает землю, труд и капитал в товар. По мере того как система расширяется, экономическая функция начинает доминировать над жизнью людей и обществ. Она проникает в сферы, которые раньше не считались экономическими, такие, как культура, политика и профессиональные знания.

Несмотря на ее внутерриториальный характер, система имеет некий центр и периферию. Центр предоставляет капитал; периферия его использует. Правила игры действуют в пользу центра. Можно спорить, находится ли центр в Лондоне или в Нью-Йорке, потому что именно здесь находятся международные финансовые рынки, или в Вашингтоне, Франкфурте или Токио, потому что здесь определяется мировое предложение денег; модно стало утверждать, что центр находится в оффшорной зоне, поскольку здесь сосредоточена наиболее активная и мобильная часть мирового финансового капитала.

Неполный режим

Система мирового капитализма не является ни новой, ни даже неизведанной. Ее предшественников можно распознать в Ганзейском союзе и итальянских городах-государствах, в которых разные политические образования были связаны коммерческими и финансовыми связями. Капитализм стал господствующим строем в XIX веке и оставался таковым до тех пор, пока не был подорван первой мировой войной; Но мировой капиталистический режим, господствующий сегодня, имеет некоторые новые непривычные черты, отличающие его от предыдущих этапов капитализма. Одной из таких черт является скорость коммуникаций, хотя можно и оспорить, насколько эта черта непривычна: изобретение телефона и телеграфа представляло собой по крайней мере такое же ускорение в XIX веке, какое представляет собой развитие компьютерных средств коммуникации в настоящее время. Некоторые другие черты, которые я попытаюсь вычлениить, также более типичны именно для настоящего момента.

Хотя мы и можем описать мировой капитализм как режим, он представляет собой неполный режим: он руководит только экономической функцией, хотя экономическая функция и стала господствовать над другими функциями. Сегодняшний режим также имеет историю, но она не так хорошо определена. Трудно даже определить, когда начал существовать этот новый режим. Произошло ли это в 1989 г. — после распада советской империи? Или около 1980 г. — когда Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган пришли к власти? Или раньше? Возможно, это произошло в 70-е годы, когда начал бурно развиваться оффшорный рынок евродолларов.

Отличительной чертой системы мирового капитализма является свободное движение капитала. Международная торговля товарами и услугами недостаточна для создания мировой экономики; должны стать взаимозаменяемыми факторы производства. Земля и другие естественные ресурсы не перемещаются, — перемещаются люди со своими проблемами, поэтому именно мобильность капитала и информации, а также предпринимательство несут ответственность за экономическую интеграцию.

Поскольку финансовый капитал является еще более мобильным, чем физические инвестиции, он занимает привилегированное положение: он может избегать страны, в которых подвергается высоким налогам и строгому регулированию. Как только завод построен, его трудно передвинуть. Конечно, многонациональные корпорации пользуются гибкостью ценообразования при внутрифирменном движении средств и могут оказать давление в момент, когда они принимают инвестиционные решения, но их гибкость несравнима с той свободой выбора, которой пользуются международные инвесторы, осуществляющие портфельные инвестиции. Диапазон имеющихся возможностей также увеличивается при движении к центру мировой экономики, а не к ее периферии. Все эти факторы привлекают капитал в финансовые центры и распределяют его через финансовые рынки. Именно поэтому финансовый капитал играет сегодня такую важную роль в мире, и поэтому влияние финансовых рынков в рамках системы мирового капитализма постоянно растет.

На самом деле свободное движение капитала является относительно новым явлением. В конце второй мировой войны экономики были по своей сути в основном национальными, международная торговля не была активной, как прямые инвестиции, так и финансовые операции находились почти на мертвой точке. Институты, созданные в Бреттон-Вудсе — Международный валютный фонд (МВФ) и Мировой банк, — были основаны с целью сделать возможной мировую торговлю в мире, лишенном движения капитала в международном масштабе. Мировой банк должен был компенсировать нехватку прямых инвестиций; Международный валютный фонд должен был компенсировать нехватку финансовых кредитов для компенсации дисбаланса в торговле. Международный капитал в менее развитых странах участвовал в основном в эксплуатации природных ресурсов, а страны, в которых это имело место, отнюдь не стремились поощрять международные инвестиции, они могли экспроприировать их; например, компания *Anglo-Iranian Oil* была экспроприирована в 1951 г. Национализация стратегических отраслей промышленности также стояла на повестке дня в Европе. Большинство инвестиций в менее развитые страны имело форму межправительственной помощи; например, печально известный «арахисовый план» Великобритании в Африке.

Первыми набрали скорость прямые инвестиции. Американские фирмы шагнули в Европу, потом стали появляться повсюду в мире. Компании из других стран подхватили эту идею позднее. Во многих отраслях, таких, как автомобилестроение, химическая и компьютерная промышленность, стали преобладать многонациональные корпорации. Международные финансовые рынки развивались медленнее, поскольку некоторые валюты не были полностью конвертируемыми и большинство стран осуществляли контроль над операциями с капиталом. Контроль над капиталом был устранен постепенно. Когда я начал заниматься финансовым бизнесом в Лондоне в 1952 г., как финансовые рынки, так и банки жестко регулировались на общенациональной основе, господствовала система с фиксированными обменными курсами и многочисленными ограничениями движения капитала. Был рынок «курсового стерлинга» и рынок «премиального доллара» — рынок специальных обменных курсов, применявшихся к счетам движения капитала. После моего переезда в 1956 г. в США международная торговля ценными бумагами была постепенно либерализована. С созданием Общего рынка инвесторы из США начали покупать европейские ценные бумаги, но бухгалтерский учет в вовлеченных в этот процесс компаний и процедуры расчетов оставляли желать лучшего, условия в те дни не многим отличались от развивающихся рынков сегодня — с тем лишь исключением, что аналитики и биржевые маклеры были менее квалифицированными. Я был похож на одноглазого короля среди слепых. И только в 1963 г. Президент Кеннеди предложил уравнительный налог на процентные доходы американских инвесторов, покупающих иностранные ценные бумаги, который стал законом в 1964 г. Этот закон фактически вынудил меня выйти из этого бизнеса.

Настоящий рост мировой капиталистической системы начался в 70-х годах.

Страны — производители нефти объединились в Организацию стран — экспортеров нефти (О ПЕК) и подняли цены на нефть сначала в 1973 г. — с 1,90 дол. за баррель до 9,76 дол. за баррель, а потом в 1979 г. в ответ на политические события в Иране и Ираке — с 12,70 дол. до 28,76 дол. за баррель. Экспортеры нефти неожиданно получили большой активный торговый баланс, в то время как страны — импортеры вынуждены были финансировать большие дефициты. Эти средства перерабатывались коммерческими банками с негласного одобрения западных правительств. Были изобретены евродоллары и появились крупные оффшорные рынки. Правительства начали предоставлять налоговые и другие льготы международному финансовому капиталу, чтобы привлечь его обратно — из оффшорных зон. По иронии судьбы эти меры дали оффшорному капиталу еще больше пространства для маневра. Международный кредитный бум закончился спадом в 1982 г., но к этому времени финансовому капиталу уже была предоставлена свобода маневрирования.

Развитие международных финансовых рынков получило большой толчок примерно в 1980 г., когда Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган пришли к власти с программой отказа государства от регулирования экономики, предоставив возможности рыночному механизму делать свою работу. Это означало введение строгой финансовой дисциплины, первоначальным результатом такой системы стал мировой спад и стремительно нараставший международный кризис задолженности 1982 г. Прошло несколько лет, прежде чем мировая экономика смогла оправиться, в Латинской Америке говорят о потерянном десятилетии, но экономика смогла подняться. Начиная с 1983 г. мировая экономика переживает длительный, практически непрерывный, период экспансии. Несмотря на периодические кризисы, развитие мировых рынков капитала ускорилось и достигло такого уровня, когда их можно назвать по-настоящему мировыми или глобальными. Движения обменных курсов, процентных ставок и курсов акций в различных странах стали тесным образом взаимосвязанными. В этом отношении характер финансовых рынков за последние сорок пять лет, на протяжении которых я на них работал, изменился до неузнаваемости.

Капитализм *versus* демократии

Преимущества настолько прочно закрепились за финансовым капиталом, что часто стали говорить о том, что многонациональные корпорации и международные финансовые рынки определенным образом вытеснили или посягнули на суверенитет государства. Но это не так. Государства остаются суверенными. В их руках — законные полномочия, которыми не может обладать ни отдельное лицо, ни корпорация. Дни *East India Company* и *Hudson Bay Company* ушли навсегда.

Хотя государства по-прежнему имеют полномочия вмешиваться в экономику, они сами все больше начинают зависеть от сил международной конкуренции. Если государство вводит условия, неблагоприятные для капитала, капитал начнет уходить из страны. И наоборот, если государство сдерживает рост зарплаты и предоставляет стимулы для развития отдельных отраслей и предприятий, оно может способствовать накоплению капитала. Система мирового капитализма состоит из многих суверенных государств, каждое из которых имеет свою политику, но каждое также вовлечено в мировую конкуренцию не только за торговлю, но и за капитал. Это — одна из черт, делающих эту систему крайне сложной: хотя мы можем говорить о мировом и глобальном режиме в экономических и финансовых вопросах, в политике такого же мирового режима не существует. Каждое государство имеет собственный режим.

Существует широко распространенная вера в то, что капитализм определенным образом ассоциируется с демократией в политике. Историческим фактом является то, что страны, образующие центр системы мирового капитализма, являются демократическими, но этого нельзя утверждать в отношении всех капиталистических стран, находящихся на периферии системы. По существу, многие заявляют, что необходима некоторого рода

диктатура, чтобы привести в движение экономическое развитие. Экономическое развитие требует накопления капитала, а это, в свою очередь, требует низких зарплат и высоких уровней сбережений. Этого положения легче достичь автократическому правительству, способному навязать свою волю людям, чем демократическому, учитывающему пожелания электората.

Возьмем, например, Азию, показывающую немало примеров успешного экономического развития. В «азиатской модели» государство вступает в союз с интересами местного бизнеса и помогает ему аккумулировать капитал. Стратегия «азиатской модели» требует государственного руководства в промышленном планировании, более высокой степени финансовой зависимости и некоторой степени защиты внутренней экономики, а также контроля над зарплатой. Такая стратегия была впервые использована Японией, которая имела демократические институты, введенные в период оккупации США. Корея попыталась рабски подражать Японии, но без демократических институтов. Вместо этого политика осуществлялась военной диктатурой, держащей в руках небольшую группу промышленных конгломератов (*chaebol*). Сдерживающие факторы и противовесы, имевшие место в Японии, отсутствовали. Похожий союз наблюдался и между военными и предпринимательским классом, в основном китайского происхождения, в Индонезии. В Сингапуре само государство стало капиталистом, создав инвестиционные фонды с высококвалифицированным руководством, которые добились значительных успехов. В Малайзии руководящая партия сумела сбалансировать благоприятное отношение к интересам бизнеса и выгоды для этнического меньшинства. В Таиланде политическое устройство является слишком сложным для понимания аутсайдером: военное вмешательство в коммерческую деятельность и финансовое вмешательство в выборы были двумя серьезными слабыми местами системы. В одном только Гонконге не было вмешательства государства в коммерческую деятельность в силу его колониального статуса и строгого соблюдения законов. Тайвань также выделяется успешным завершением перехода от деспотичного к демократическому политическому режиму.

Часто утверждают, что успешные автократические режимы в конечном счете ведут к развитию демократических институтов. У этого утверждения есть некоторые достоинства: зарождающийся средний класс оказывает огромную помощь в создании демократических институтов. Однако это вовсе не означает, что экономическое благосостояние ведет к эволюции демократических свобод. Правители неохотно расстаются с властью, их надо к этому подталкивать. Например, Ли Кван Ю из Сингапура в более резких выражениях обсуждал достоинства «азиатского пути» после десятилетий процветания, чем до этого.

В утверждении, что капитализм ведет к демократии, кроется некая фундаментальная проблема. В системе мирового капитализма отсутствуют силы, которые могли бы толкать отдельные страны в направлении демократии. Международные банки и многонациональные корпорации зачастую чувствуют себя более комфортно с сильным, автократическим режимом. Возможно, самая могущественная сила в борьбе за демократию — это свободный поток информации, что усложняет дезинформацию людей со стороны государства. Но нельзя переоценивать свободу информации. В Малайзии, например, режим имеет достаточный контроль над средствами массовой информации, чтобы позволить премьер-министру Махатиру Мохаммеду безнаказанно влиять на события. Информация еще более ограничена в Китае, где государство держит под контролем даже *Internet*. В любом случае свободный поток информации совсем необязательно побуждает людей к демократии, особенно когда люди, живущие в демократическом обществе, не верят в демократию как универсальный принцип.

Чтобы не погрешить истиной, надо сказать, что связь между капитализмом и демократией в лучшем случае незначительная. Здесь различные ставки: целью капитализма является благосостояние, демократии — политическая власть. Критерии, по которым оцениваются ставки, также различаются: для капитализма единица исчисления — деньги,

для демократии — голоса граждан. Интересы, которые, как предполагается, должны удовлетворять эти системы, разнятся: для капитализма — это частные интересы, для демократии — общественный интерес. В США напряженность между капитализмом и демократией символизируют уже ставшие притчей во языцех конфликты между Уолл-стрит и Мэйн-стрит. В Европе распространение политических привилегий привело к исправлению некоторых наиболее явных крайностей капитализма: страшные предсказания «Манифеста коммунистической партии» были сведены на нет благодаря расширению демократии.

Сегодня способность государства предоставлять средства для социального обеспечения граждан оказалась серьезно подорванной способностью капитала избегать налогообложения и возможностью граждан обходить обременительные условия найма путем переезда в другие страны. Государства, перестроившие систему социального обеспечения и условия найма, — США и Великобритания — процветают, в то время как о других, пытавшихся сохранить их без изменения, например о Франции и Германии, этого сказать нельзя.

Демонтаж государства всеобщего благосостояния — относительно новое явление, и все его последствия еще не ощущаются в полной мере. После окончания второй мировой войны доля государства в валовом национальном продукте (ВНП) в промышленно развитых странах, вместе взятых, почти удвоилась. Только после 1980 г. эта тенденция изменилась. Интересно, что доля государства в валовом национальном продукте сократилась незначительно. Но произошло следующее: налоги на капитал и взносы в фонд страхования по безработице уменьшились, в то время как другие формы налогообложения, особенно налоги на потребление, продолжают увеличиваться. Другими словами, бремя налогообложения было переложено с капитала на граждан. Это не совсем то, что было обещано, но мы даже не можем говорить о незапланированных последствиях, поскольку результаты были именно такими, какими их видели сторонники свободного рынка.

Роль денег

Мировую экономическую систему, соответствие которой нельзя найти в мировой политической системе, анализировать крайне трудно, особенно в свете неоднозначных отношений между капитализмом и демократией. Очевидно, что мне приходится вводить упрощения. Однако моя задача проще, чем можно было бы ожидать, так как в мировой капиталистической системе присутствует некий объединяющий принцип. И это не тот принцип, который вводят ради упрощения; речь идет о действительно доминирующем принципе. Таким принципом являются деньги. Использование рыночных принципов только запутало бы вопрос, поскольку, кроме участия в конкуренции, деньги можно накапливать различными путями. Не может быть сомнения в том, что в конечном счете все сводится к прибыли и богатству, выраженным в деньгах.

Мы можем далеко продвинуться в понимании мировой капиталистической системы, поняв роль, которую играют в ней деньги. Деньги — не простое абстрактное понятие, и мы довольно многое знаем о них. В учебниках говорится о трех основных функциях денег: это — мера стоимости, средство обращения и средство накопления. Названные функции хорошо известны и подробно проанализированы, хотя наличие третьей функции можно оспаривать.

Классическая экономическая теория считает деньги средством достижения цели, а не самоцелью, они представляют собой меновую стоимость, но не обладают собственной стоимостью. Иными словами, стоимость денег зависит от стоимости товаров и услуг, на которые их можно обменять. Но каковы подлинные ценности, которые, предположительно, должны лежать в основе экономической деятельности? Это — сложный вопрос, который так и не получил до сих пор удовлетворительного ответа. В конечном счете экономисты

решили, что им вообще незачем отвечать на этот вопрос; они могут принять ценности экономических агентов как нечто данное. Их предпочтения, какими бы они ни были, можно представить в виде кривых безразличия, а последние — использовать для определения цен.

Но проблема состоит в том, что в реальном мире ценности не заданы. В открытом обществе люди вправе самостоятельно делать выбор; но при этом они не всегда знают, чего на самом деле хотят. В условиях быстрых перемен, когда традиции утратили былую власть, а людей со всех сторон осаждают предложениями, разменные меновые ценности вполне способны заменить подлинные. Сказанное особенно верно в отношении капиталистического строя, где делают упор на конкуренцию, а успех меряют деньгами. Люди хотят иметь деньги и готовы почти на все, чтобы их получить, потому что деньги — это власть, а власть может стать самоцелью. Те, кто преуспел, — могут даже не знать, что делать со своими деньгами, но они по меньшей мере могут быть уверены, что другие завидуют их успеху. Этого может оказаться достаточно, чтобы продолжать делать деньги до бесконечности, несмотря на отсутствие какого-либо иного мотива. Те, кто продолжает стремиться получить много денег, в конце концов приобретают большую власть и влияние в капиталистической системе.

Рассмотрение морального вопроса о том, должны ли деньги стать подлинной ценностью (т.е. получить собственную стоимость), я отложу до главы 9. Сейчас я пока исхожу из того факта, что преобладающей ценностью в мировой капиталистической системе выступает погоня за деньгами. Я считаю правомерным делать такое допущение, так как существуют экономические агенты, единственная цель которых — делать деньги, и они преобладают в современной экономической жизни, как никогда ранее. Я имею в виду открытые акционерные общества. Этими компаниями теперь управляют профессионалы, применяющие принципы менеджмента с единственной целью — максимизировать прибыль. Эти принципы применимы ко всем областям деятельности, и они приводят к тому, что менеджеры компаний покупают и продают предприятия точно так же, как управляющие портфельными инвестициями в брокерских фирмах (*portfolio managers*) покупают и продают акции. Корпорации, в свою очередь, принадлежат профессиональным управляющим портфелей; а единственная цель владения акциями заключается в том, чтобы делать на них деньги.

Согласно теории совершенной конкуренции, фирма создается как раз для максимизации прибыли, но на деле максимизация прибыли не всегда была единственной целью предприятия. Частные владельцы предприятий нередко руководствуются другими целями. Но даже во главе открытых акционерных обществ (корпораций) часто стоят менеджеры, которые чувствуют себя настолько уверенно, что они могут руководствоваться иными мотивами, кроме прибыли. Такими мотивам бывают не только собственные блага и причуды, но и альтруистические или даже - националистические соображения. Управляющие крупных многонациональных компаний в Германии традиционно считают себя ответственными перед работниками и обществом в целом, равно как и перед акционерами. Японская экономика характеризуется «переплетающимся» участием через акции, причем личным отношениям часто отдается предпочтение перед прибылью. Корея довела японскую идею до крайности и обанкротилась, пытаясь добиться доли на рынках ключевых отраслей.

Тем не менее в современной капиталистической системе наблюдается явная тенденция к максимизации прибыли и соответственно — к обострению конкуренции. По мере глобализации рынков положение частных компаний становится менее выгодным с точки зрения обеспечения или сохранения доли на рынке; они нуждаются в капитале акционеров, чтобы воспользоваться возможностями, которые открывает мировой масштаб деятельности. В результате на рынках доминируют открытые акционерные общества, которые все более настойчиво добиваются прибыли.

В США акционеры начинают требовать больше прибыли в расчете на акцию, а фондовый рынок в растущей мере благоприятствует менеджерам, нацеленным на

максимизацию прибыли. Успех оценивается по краткосрочным результатам, менеджеров чаще вознаграждают акциями, чем доплатами к жалованью. В Европе компании склонны преуменьшать значение прибыли как во имя создания положительного имиджа в глазах общественности, так и реально — в публикуемых балансах. Дело в том, что за более высокими прибылями следовали требования работников повысить заработную плату, поэтому считалось нецелесообразным привлекать большое внимание к прибыльности предприятия. Однако под давлением международной конкуренции требования повышения заработной платы пришлось умерить, а основное внимание сместилось в сторону необходимости финансировать рост фирмы. Образование единого рынка с единой валютой вызвало в Европейском союзе обострение борьбы за долю на рынке. Цены акций приобрели немного большее значение как с точки зрения получения капитала, так и для возможностей приобретения предприятий (или же в случае низкой цены - как стимул быть скупленным). Социальные цели, например обеспечение занятости, должны были уйти на второй план. Конкуренция вынуждала консолидироваться, упрощать структуры и переводить производство за рубеж. Таковы важные факторы сохраняющегося высокого уровня безработицы в Европе.

Итак, основным критерием, отличающим современный капитализм от его прежних этапов, служит всепоглощающее стремление к успеху: усиление мотива прибыли и проникновение его в сферы, где ранее преобладали иные соображения. Некогда в жизни людей нематериальные ценности играли более значительную роль: в частности, считалось, что представители культуры и свободных профессий руководствуются культурными и профессиональными ценностями, а не коммерческими соображениями. Чтобы понять отличие современного капитализма от его прежних этапов, необходимо признать растущую роль денег в качестве самодовлеющей ценности. Не будет преувеличением сказать, что деньги правят теперь жизнью людей в большей степени, чем когда-либо раньше.

Кредит как источник нестабильности

Деньги тесно связаны с кредитом, однако роль кредита изучена меньше, чем роль денег. И неудивительно, поскольку кредит — это тоже рефлексивное явление. Кредит предоставляют под залог или иное доказательство платежеспособности, а ценность залога, как и показатели платежеспособности, по своему характеру рефлексивны, так как платежеспособность зависит от оценки кредитора. На ценность залога влияет доступность кредита. Сказанное относится к недвижимости -это наиболее широко принятая форма залога. Банки обычно склонны выдавать ссуды под залог недвижимости без права регресса на заемщика, а основным фактором определения ценности недвижимости выступает сумма, которую банк готов под нее предоставить. Как ни странно, рефлексивная связь не признана пока в теории и ее часто упускают из виду на практике. Для строительства характерно чередование бума и спада, и после каждого спада управляющие банков становятся крайне осторожными и клянутся никогда больше не поддаваться соблазну. Но когда у них опять скапливаются свободные деньги, которые они отчаянно стремятся заставить работать, начинается новый цикл подъема. Аналогичную схему можно наблюдать и в международной кредитной деятельности. Платежеспособность суверенных заемщиков измеряют с помощью ряда коэффициентов: задолженность/В НП; расходы на обслуживание долга/экспорт и т.п. Эти показатели -рефлексивные, т.е. взаимосвязанные, поскольку процветание страны-заемщика зависит от ее способности брать займы, но эту обратную связь часто игнорируют. Именно это и произошло во время великого кредитного бума 70-х годов. После кризиса 1982 г. можно было думать, что фаза чрезмерного кредитования более не повторится; тем не менее она снова проявилось в Мексике в 1994 г. и, как мы видели, в Азиатском кризисе 1997 г.

Большинство экономистов-теоретиков не признают рефлексивности. Они

стремятся определить условия равновесия, а рефлексивность — это источник неравновесия. Джон Мей-нард Кейнс хорошо понимал суть явления рефлексивности — он сравнивал финансовые рынки с конкурсами красоты, где люди вынуждены угадывать, что другие люди угадывают, о том что угадывают другие люди. Но даже он излагал свою теорию в терминах равновесия, чтобы сделать ее приемлемой в научном отношении.

Излюбленный способ избежать рефлексивности, присущей кредиту, состоит в том, чтобы сконцентрировать внимание на денежной массе. Последняя поддается количественному измерению, поэтому предполагается, что количество денег отражает условия кредитования, - и таким способом можно игнорировать явление рефлексивности, объясняющее расширение и сжатие кредита. Однако стабильность денежной массы не означает стабильности экономики, о чем свидетельствует опыт введения золотого стандарта. Экспессы, возможно, поддаются саморегулированию и корректировке, но — какой ценой? XIX век характеризовался кризисами опустошительной паники, за которыми следовали спады в экономике. Сейчас мы близки к тому, чтобы повторить этот опыт.

Кейнс развенчал монетаризм в 30-е годы, но после смерти его идеи были отвергнуты, так как его рецепты лечения дефляции привели к возникновению инфляционных тенденций. (Будь Кейнс жив, он, возможно, изменил бы рецепты.) Вместо этого первоочередной задачей стало обеспечение и сохранение стабильности денежной базы. Это привело к возрождению монетаристской теории Милтоном Фридманом. Теория Фридмана порочна, ибо она игнорирует рефлексивный, т.е. взаимосвязанный аспект расширения и сжатия кредита. На практике монетаризм предлагал вполне приличные рецепты, но в основном — благодаря игнорированию теории. Центральные банки не полагаются исключительно на монетарные показатели, а учитывают большое число различных факторов — включая иррациональную избыточность рынков, — когда они принимают решения о том, как сохранить монетарную стабильность. Центральный банк Германии всячески стремится внушить иллюзорную идею, будто он руководствуется денежными агрегатами. В отличие от этого Федеральная резервная система более прагматично и открыто признает, что кредитно-денежная политика - это вопрос здравого смысла. Именно так практику удается примирить с теорией, которая не признает рефлексивности. Однако в условиях нынешнего мирового финансового кризиса несостоятельными оказались и теория, и практика.

Кредит играет важную роль в экономическом росте. Способность заимствовать существенно повышает прибыльность инвестиций. Ожидаемая норма прибыли обычно выше, чем безрисковые процентные ставки, — иначе инвестиций и не делали бы — поэтому заимствования сулят положительную норму прибыли. Чем выше доля заемных средств в данной инвестиции, тем она привлекательнее, при условии, что стоимость заемных средств остается неизменной. Поэтому стоимость и доступность кредита становятся важными факторами, воздействующими на экономическую активность; более того, возможно, это — самые существенные факторы, определяющие асимметрию цикла подъем — спад. Могут сыграть роль и другие факторы, но именно из-за сжатия кредита спад становится значительно более резким, чем предшествовавший ему бум. Когда дело доходит до вынужденной ликвидации долгов, то залог продается по заниженной цене, а это дает толчок самоускоряющемуся процессу, который значительно короче, чем фаза подъема. Сказанное справедливо, независимо от того, предоставлен ли кредит банками или ссуды получены на финансовых рынках — под залог ценных бумаг или физических активов.

Ситуация на международном рынке кредитов нестабильна, поскольку здесь нет такого жесткого регулирования кредитной политики, как на отечественных рынках кредитных операций, — особенно в экономически развитых странах. С начала зарождения капитализма периодически происходили финансовые кризисы, нередко — с опустошительными последствиями. Чтобы предупредить их повторение, банки и финансовые рынки были подвергнуты регулированию, но меры регулирования обычно ориентировались на последний, а не на будущий кризис, так что каждый новый кризис

формирует новые меры регулирования. Таким образом, центральные банки, органы надзора за банками и финансовыми рынками приобрели свою нынешнюю крайне сложную форму.

Их развитие было не простым. Крах 1929 г. и последующий сбой в банковской системе США обусловили введение весьма жестких мер регулирования применительно как к фондовому рынку, так и к банкам. После окончания второй мировой войны начался процесс послаблений, сначала развитие шло достаточно медленно, но постепенно процесс набирал скорость. Разделение деятельности банков и других финансовых институтов, введенное согласно закону Гласса — Стиголла, еще не было упразднено, однако и банки, и финансовые рынки стали постепенно регулироваться менее жестко.

Дерегулирование и глобализация финансовых рынков шли рука об руку, и процесс этот развивался рефлексивно, т.е. взаимосвязанным образом. Большинство правил регулирования имели национальный характер, так что глобализация рынков означала ослабление регулирования, и наоборот. Но это не была улица с односторонним движением. Даже когда меры регулирования внутри отдельных стран ослабевали, в международном масштабе вводились новые правила. Оба Бреттон-Вудских института — МВФ и Всемирный банк — адаптировались к новым условиям и стали более активно действовать в качестве международных контролеров. Органы кредитно-денежного регулирования ведущих индустриальных стран наладили каналы сотрудничества, были введены некоторые новые подлинно международные меры регулирования. Самой важной из них является требование к минимальным размерам собственного капитала коммерческих банков, установленное под эгидой Банка для международных расчетов (*Bank for International Settlements, BIS*) в Базеле в 1988 г.

Действительно, без вмешательства органов кредитно-денежного регулирования международная финансовая система терпела бы крах по крайней мере четыре раза: в 1982, 1987, 1994 и 1997 гг. Тем не менее масштаб международного контроля все еще совершенно неудовлетворителен по сравнению с политикой регулирования, преобладающей в развитых странах. Кроме того, страны в центре системы более склонны реагировать на кризисы, которые затрагивают их непосредственно, чем на кризисы, основные жертвы которых находятся на периферии. Примечательно, что крах фондового рынка США в 1987 г., который был обусловлен исключительно внутренними факторами, привел к переменам в политике регулирования, а именно введению так называемых «размыкателей или предохранителей», позволяющих предохранить внутренние рынки от неурядиц на международных финансовых рынках. Хотя введение нормативов *BIS* стало запоздалым ответом на кризис 1982 г., остается фактом, что международные правила регулирования не поспевали за процессом глобализации финансовых рынков. Запаздывание введения мер регулирования в международном масштабе отчасти можно объяснить неспособностью понять рефлексивную природу кредита, отчасти — преобладающими настроениями против регулирования, но главным образом — отсутствием соответствующих международных институтов. Национальные финансовые системы контролируются центральными банками и другими финансовыми органами внутри стран. В целом они работают неплохо; финансовые системы основных индустриальных стран не переживали краха вот уже в течение нескольких десятилетий. Но кто отвечает за международную финансовую систему? Международные финансовые институты и национальные органы кредитно-денежного регулирования сотрудничают во времена кризисов, однако международный центральный банк и международные органы регулирования, сравнимые с институтами на национальном уровне, отсутствуют. Трудно также понять, как их можно было бы создать: как деньги, так и кредит тесно связаны с вопросами национального суверенитета и экономического преимущества стран, которые не собираются отказываться от своего суверенитета.

Асимметрия, нестабильность и сплоченность

По определению, центр - это поставщик капитала, а периферия — его получатель. Резкая перемена в готовности центра предоставлять капитал периферии способна вызвать серьезные сбои в странах-получателях. Характер сбоев зависит от формы, в которой предоставлялся капитал. Если он предоставлялся в форме кредитных инструментов или банковских кредитов, это может вызвать банкротства и спровоцировать банковский кризис; если это — акции, то может разразиться кризис на рынке акционерного капитала; если речь идет о прямых инвестициях, то капитал трудно быстро изъять, - так что сбой проявляется лишь в отсутствии новых инвестиций. Обычно все формы капитала движутся в одном и том же направлении.

Что происходит, если страна неспособна погасить долг? Ответ окутан тайной, ибо формального дефолта (*default*) обычно избегают. Существует общее мнение, что терпит непоправимый урон только одна конкретная страна, но в действительности дефолт одной страны означает, что многие страны не сумели выполнить свои обязательства, но тем не менее способы облегчить их положение найдены. После международного долгового кризиса 1982 г. был образован Парижский клуб, имеющий дело с государственным долгом, и Лондонский клуб, занимающийся долгами коммерческих организаций. Кроме того, были выпущены так называемые облигации Брейди (*Brady bonds*) с целью сократить размер основного долга. Некоторые виды долгов африканских стран были списаны полностью, чтобы позволить этим странам как бы начать все сначала. Уступки такого рода делаются исключительно в рамках переговоров; односторонний отказ от обязательства считается недопустимым (такова была по меньшей мере официальная точка зрения до отказа России от своего внутреннего долга в августе 1998 г.), а помощь со стороны международных финансовых институтов определяется упорядоченными процедурами урегулирования обязательств. Хотя считается, что МВФ не должен отдавать предпочтение банкам, его основная задача - сохранить именно международную банковскую систему. Кроме того, у него нет достаточных ресурсов, чтобы выступать в роли кредитора последней инстанции; поэтому он вынужден мобилизовывать средства на финансовых рынках. Коммерческие банки знают, как воспользоваться своим стратегическим положением. В немногих случаях отказа от долгов, например во время русской и мексиканской революций, соответствующие страны подвергались финансовой изоляции на протяжении многих лет. Странам, попавшим на крючок иностранных кредитов, трудно от него освободиться.

Как правило, кредиторы намного легче справляются с международным долговым кризисом, чем должники. Первые могут продлить срок кредита путем его возобновления, продлить сроки погашения или даже снизить процентные ставки, не отказываясь от своих обязательств. Часто они способны даже убедить страны-должники взять на себя обязательства коммерческих банков, которые в противном случае пришлось бы списать (именно это произошло в Чили в 1982 г. и Мексике — в 1994 г. и снова происходит в ограниченном масштабе в 1997 г. в Корею, Индонезии и Таиланде). Разумеется, кредиторам приходится создавать резервы, но в конечном счете они в целом взыскивают значительную часть безнадежных долгов. Хотя страны-должники, возможно, и не сумеют погасить свои обязательства полностью, они вынуждены будут рассчитывать в меру возможностей. Это бремя обычно давит на них на протяжении многих последующих лет. Внутренние долговые кризисы в развитых странах развиваются и происходят иначе, внутри страны процедуры банкротства призваны защищать должников. (Банки США в ходе кризиса сбережений в 1985—1989 гг. потеряли больше, чем в результате международного долгового кризиса 1982 г.) Относительный иммунитет кредиторов к международной системе порождает опасные настроения: риски не настолько велики, чтобы остановить нездоровую практику кредитования. Такая асимметрия — серьезный источник нестабильности. Каждому финансовому кризису предшествует неоправданная кредитная экспансия. Когда кредит становится легко доступен, было бы неразумно ожидать самоограничения от заемщиков.

Когда заемщиком выступает государственный сектор, за долги придется расплачиваться будущим правительствам — накопление долга это чудесная лазейка для

слабых режимов. К примеру, так называемый реформистский коммунистический режим в Венгрии попытался «купить» лояльность народа заемными деньгами, пока кризис 1982 г. не положил этому конец. Однако сдержанности не хватает не только государственному сектору, и когда долги делает частный сектор, финансовые органы могут даже и не знать об этом, пока не становится слишком поздно. Так обстояло дело в нескольких азиатских странах во время кризиса 1997 г.

Но асимметрия — это также источник сплоченности. Страны-должники подвержены давлению различного рода финансовых и политических факторов, которые крайне затрудняют им выход из системы. Эти факторы скрепляют систему даже тогда, когда отдельные страны чувствуют, что пребывание в ней оказывается для них довольно болезненным. Например, первые демократические выборы в Венгрии в 1990 г., казалось, предоставили отличную возможность подвести черту под прошлой задолженностью и обязательствами, которые взял на себя новый демократический режим. Я попытался подготовить такую схему, но будущий премьер-министр Йожеф Ан-талл отказался от нее, так как считал, что страна несет обязательства перед Германией — крупнейшим кредитором Венгрии. Можно привести и другие примеры. На память приходит ситуация в Чили в 1982 г. Под влиянием чикагской экономической школы банковская система в стране была приватизирована, а люди, скупившие банки, рассчитались деньгами, заимствованными у самих банков. В 1982 г., когда банки не сумели рассчитаться по своим международным обязательствам, государство взяло их на себя, поскольку режиму Пиночета — которому тогда не хватало легитимности — нужно было поддержать кредитное положение Чили в глазах зарубежных инвесторов.

Следует отметить еще одно проявление асимметрии. Выпуск денег в обращение — это прерогатива страны, а те страны, чью валюту охотно признают в международных финансовых операциях, находятся в намного лучшем положении, чем страны, которым трудно осуществлять заимствования в собственной валюте. В этом — одно из основных преимуществ центра по сравнению с периферией. Преимущества получения «сеньоража» (проценты, сэкономленные в результате выпуска банкнот вместо казначейских векселей) относительно невелики по сравнению с выгодами от проведения собственной кредитно-денежной политики. Страны периферии вынуждены пользоваться подсказками центра, прежде всего США. А так как кредитно-денежная политика стран центра диктуется внутренними соображениями, страны периферии имеют ограниченный контроль над своими судьбами. В каком-то смысле ситуация напоминает проблему, которая привела к американской революции — налогообложение без представительства.

Колебания обменных курсов трех-четырёх основных валют относительно друг друга способны породить новые осложнения. Изменения обменных курсов и уровень курсов таких валют ударяют по зависимым странам — для них это экзогенные, т.е. внешние потрясения, хотя на деле — это не более чем эндогенные, внутренние явления международной финансовой системы. Международный долговой кризис 1982 г. был ускорен резким повышением процентных ставок в США; Азиатский кризис 1997 г. стал реакцией на повышение курса доллара США. Внутриевропейский валютный кризис 1992 г. был вызван аналогичной асимметрией между германской маркой и валютами остальных стран Европы.

Два указанных фактора — ключевые для проявления асимметрии, но ни в коем случае не единственные источники нестабильности международной финансовой системы. В историческом плане именно зарубежные инвестиции оказывались особенно нестабильными, ибо их производили на стадии подъема рынка «быков» — в период оживления фондовой конъюнктуры, когда цены акций в стране завышены, а инвесторы становятся более предприимчивыми. В результате такого внезапного интереса к зарубежному рынку цены на этом рынке бьют все рекорды, чтобы столь же быстро упасть, когда рынку «быков» наступает конец и инвесторы думают лишь о том, как вернуть обратно свои деньги. Поначалу я специализировался именно в этой области, а потому

пережил несколько таких эпизодов. С тех пор ситуация изменилась. Зарубежные инвестиции это не случайная операция, а повседневная практика международных финансовых рынков. Хотя специфический ритм зарубежного инвестирования, к которому я привык в первые годы своей карьеры, возможно, вышел из моды, было бы глупо полагать, что фондовые рынки более не чувствительны к динамическому неравновесию.

В периоды неопределенности капитал стремится вернуться к месту своего происхождения. Такова одна из причин, почему неурядицы в мировой капиталистической системе имеют непропорционально серьезные последствия для периферии в сравнении с центром. Как гласит поговорка, когда Уолл-стрит заболевает простудой, остальной мир страдает пневмонией. Во время Азиатского кризиса неурядицы начались на периферии, но как только Уолл-стрит начал сопеть, всех охватило непреодолимое желание изъять деньги с периферии.

Несмотря на асимметрию и нестабильность — или скорее благодаря им, — мировая капиталистическая система обнаруживает серьезную сплоченность. Теперь находиться на периферии стало крайне невыгодно, но это все же лучше, чем выйти из системы, поскольку для экономического развития бедные страны нуждаются в привлечении внешнего капитала. Если смотреть в будущее, то материальные достижения мировой капиталистической системы недооценивать не следует. Хотя если оценивать ситуацию с позиций капитала, то страны, сумевшие привлечь капитал, тоже не прогадали. Азия охвачена теперь жестоким кризисом, но он наступил после периода бурного роста. Латинская Америка после потерянного десятилетия 80-х годов и «похмелья» после мексиканского кризиса 1994 г. добилась значительного притока акционерного капитала, особенно в банковский и финансовый сектора, где капитал начал давать результаты — реальный экономический рост. Даже Африка обнаружила некоторые признаки жизни. Так что в дополнение к сплоченности система продемонстрировала высокую жизнестойкость, которой противостоит асимметрия и нестабильность.

Будущее мировой капиталистической системы

Что можно сказать о будущем мировой капиталистической системы? Прошлое может дать несколько подсказок. В каком-то смысле эпоха мировой капиталистической системы XIX века была стабильнее нынешней. В тот период существовала единая валюта - золото; сейчас действуют три главные валюты, они терпят крушение от столкновения друг с другом. Существовали имперские страны, прежде всего Англия, чье центральное положение в мировой капиталистической системе обеспечивало достаточно преимуществ, оправдывающих отправку канонерок в отдаленные края, чтобы сохранить мир или собрать долги; в настоящее время США отказываются брать на себя роль всемирного полицейского. Но еще важнее, что люди тогда были более привержены основополагающим жизненным ценностям, чем в наши дни. Реальность все еще рассматривалась как нечто данное, а мышление — в качестве средства добиться знания. Добро и зло, истина и ложь считались объективными критериями, которым люди могут доверять. Наука предлагала детерминистические объяснения и предсказания. Существовал конфликт между религиозными и научными представлениями, но и те и другие содержали нечто общее: они служили надежными ориентирами в мире. Вместе они сформировали культуру, которая, несмотря на ее внутренние противоречия, господствовала в мире.

Конец мировой капиталистической системы в таком виде наступил в результате первой мировой войны. До войны система пережила несколько финансовых кризисов, причем некоторые из них были довольно острыми и сопровождались несколькими годами экономических неурядиц и спада производства. Однако систему уничтожили не финансовые кризисы, а политические и военные события.

В 20-е годы мировой капитализм явился в новом воплощении, хотя он еще не

достиг мировых масштабов. Его конец наступил в результате краха банков в 1929 г. и последовавшей депрессии. Я сомневаюсь в том, что этот конкретный исторический эпизод повторится. Допустить крах банковской системы было бы политической ошибкой, которую мы едва ли повторим. Однако я предвижу в будущем нестабильность.

Цикл подъем - спад

Я не склонен распространять модель цикла подъем — спад на мировую капиталистическую систему, ибо система еще окончательно не сложилась настолько, чтобы она четко подпадала под такую схему. Почти вопреки собственному желанию — я не хотел бы внушить представление, будто все следует истолковывать в духе цикла подъем — спад, — я замечаю, что складывается именно такая схема: в виде преобладающей тенденции, а именно международной конкуренции за капитал, и преобладающего предубеждения, а именно безудержной веры в рыночный механизм. В период бума тенденция и вера подкрепляют друг друга. В период спада они расходятся. Что же приведет к спаду? Я полагаю, ответ следует искать в противоречии между международными масштабами финансовых рынков и национальными границами политики. Ранее я представил мировую капиталистическую систему как гигантскую систему циркуляции, всасывающую капитал в центре и выталкивающую его на периферию. Суверенные государства выполняют в этой системе функции клапанов. Когда на мировых финансовых рынках наблюдается период экспансии, клапаны открываются, но когда деньги движутся в обратном направлении, клапаны преграждают им путь, вызывая сбой в системе.

Рыночный фундаментализм

Мировая капиталистическая система поддерживается идеологией, которая коренится в теории совершенной конкуренции. Согласно этой теории, рынки стремятся к равновесию, а равновесное положение означает наиболее эффективное распределение ресурсов. Любые ограничения свободы конкуренции снижают эффективность рыночного механизма, поэтому им следует противиться. Выше я охарактеризовал такой подход как идеологию свободного рынка (*laissezfaire*), но рыночный фундаментализм — более удачный термин. Дело в том, что фундаментализм предполагает своего рода веру, которую легко довести до крайностей. Это — вера в совершенство, вера в абсолют, вера в то, что любая проблема должна иметь решение. Фундаментализм предполагает наличие авторитета, обладающего совершенным знанием, даже если это знание недоступно обыкновенным смертным. Таким авторитетом является Бог, а в наше время его приемлемым заменителем стала Наука. Марксизм претендовал на наличие научной основы; точно так же поступает рыночный фундаментализм. Научная основа обеих идеологий сложилась в XIX веке, когда наука все еще сулила обладание окончательной истиной. С тех пор мы многое осознали как в отношении пределов научного метода, так и относительно несовершенства рыночного механизма. Идеологии марксизма и свободы предпринимательства (*laissezfaire*) были полностью дискредитированы. Первой в результате Великой депрессии и появления кейнсианской экономической теории была отвергнута идеология *laissezfaire*. Марксизм сохранял свое влияние, несмотря на эксцессы сталинского правления, но после краха советской системы он пережил почти полный провал.

В мои студенческие годы — в 50-х годах — идеология свободного предпринимательства считалась чем-то еще более неприемлемым, чем вмешательство в экономику в наши дни. Идея о том, что свободное предпринимательство может вернуться,

казалось немислимой. Я полагаю, что возрождение рыночного фундаментализма можно объяснить лишь верой в магическое свойство рынка (его «невидимую руку»), которая еще важнее, чем научная основа рыночного механизма. Не зря же президент Рейган говорил о «магии рынка».

Ключевая особенность фундаментальных воззрений состоит в том, что они покоятся на оценочных суждениях. Например: если какая-либо мысль неверна, то противоположное суждение считается верным. Именно такая логическая путаница и лежит в основе рыночного фундаментализма. Вмешательство государства в экономику неизменно приводило к негативным последствиям. Это справедливо не только в отношении централизованного планирования, но и в отношении идеи государства благосостояния и кейнсианского управления спросом. На основе этой банальной мысли рыночные фундаменталисты приходят к совершенно нелогичному выводу: если вмешательство государства — порочно, то свободный рынок — само совершенство. Следовательно, государству нельзя позволить вмешиваться в экономику. Едва ли стоит упоминать, что порочно здесь — сама аргументация.

Справедливости ради надо заметить, что аргументы в пользу нерегулируемых рынков редко выступают в столь грубой форме. Напротив, исследователи, подобно Милтону Фридману, представили огромный статистический материал, а теоретики рациональных ожиданий прибегали к изощренным математическим выкладкам. Меня уверяли, что некоторые предусмотрели в своих моделях несовершенную и асимметричную информацию, однако конечная цель всех этих ухищрений заключалась, как правило, в том, чтобы определить совершенные условия, а именно условия равновесия. Мне это напоминает богословские дискуссии в Средние века о числе ангелов, которые могут танцевать на булавочной головке.

Рыночный фундаментализм играет решающую роль в мировой капиталистической системе. Он обеспечивает идеологию, которая не только вдохновляет наиболее успешных представителей системы, но и движет политикой. Если бы ее не было, мы не могли бы говорить о капиталистическом строе. Рыночный фундаментализм стал господствующей идеей в экономической политике около 1980 г., когда более или менее одновременно пришли к власти Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер. Преобладающая тенденция — международная конкуренция за капитал — была отмечена раньше; она сложилась в результате двух нефтяных кризисов 70-х годов и создания оффшорного рынка евровалют. С тех пор вера и тенденция подкрепляли друг друга. Это многообразный процесс, имеющий различные проявления, которые трудно отделить друг от друга.

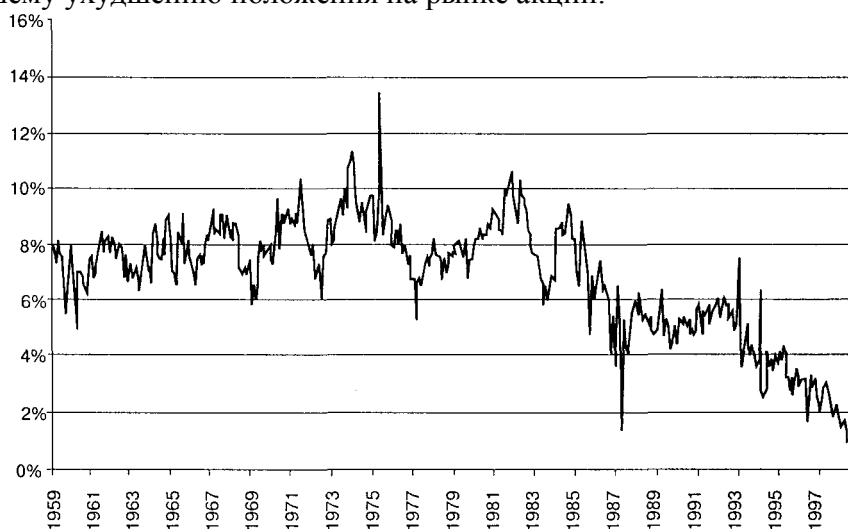
Триумф капитализма

Число и размеры открытых акционерных обществ возрастают, а интересы акционеров приобретают все большее значение. Управляющих рынок их акций волнует не меньше, чем рынок их продукции. Если им приходится делать выбор, то сигналам с финансовых рынков отдается предпочтение перед сигналами с продуктовых рынков. Управляющие охотно избавляются от отделений или продают всю компанию, если это увеличивает чистую стоимость акционерного капитала; они больше стремятся максимизировать прибыль, чем долю рынка. Управляющие компаний вынуждены либо скупать, либо быть купленными в условиях растущей интеграции мирового рынка; в любом случае они должны добиваться высокой цены акций. Их личное вознаграждение также все теснее увязывается с акциями. Перемены особенно заметны в банковском секторе, который переживает период быстрой консолидации. Акции банков продаются по ценам, в несколько раз превышающим их балансовую стоимость, но управляющие, памятуя о своих опционах, продолжают их скупать, уменьшая число акций в обращении и повышая их рыночную стоимость.

По мере консолидации отрасли в мировом масштабе, слияния и приобретения достигают беспрецедентных уровней. Все чаще совершаются сделки с участием ряда стран. Введение в Европе единой валюты дало сильнейший толчок консолидации в масштабе континента. Реорганизация компаний происходит интенсивнее, чем можно было представить. Начинают формироваться мировые монополии и олигополии. В мире осталось только четыре крупных аудиторских фирмы; аналогичная, но менее четко выраженная концентрация происходит в других финансовых учреждениях. *Microsoft* и *Intel* готовы превратиться в мировые монополии.

Одновременно возрастает число акционеров, а сравнительное значение владения акциями в семейном богатстве растет ускоряющимся темпом. Это происходит на фоне устойчивого и быстрого роста цен акций. До августа 1998 г. последний крупный сбой на рынке «быков», который сформировался в начале 80-х годов, произошел в 1987 г., а индекс компании *Standard and Poor(S&P)* с тех пор увеличился более чем на 350%. В Германии с сентября 1992 г. цены акций возросли на 297%. Рост экономической активности был более скромным, но устойчивым. Упор на прибыльность привел к сокращению числа работников и увеличению выпуска продукции в расчете на одного работника, а быстрые успехи технологии способствовали повышению производительности. Глобализация производства и эксплуатация дешевой рабочей силы способствовали снижению издержек; одновременно с начала 80-х годов снижались процентные ставки, что благоприятствовало росту цен акций.

Распространение практики владения акциями через взаимные (паевые) фонды привнесло два потенциальных источника нестабильности, особенно в США. Один из них — это так называемый эффект богатства: 38% богатства семей и 56% средств пенсионных фондов вложены в акции. Владельцы акций получают большие доходы от ценных бумаг, они чувствуют себя богатыми, а их склонность к сбережению снизилась почти до нуля, в чем можно убедиться из рис. 6.1. Он показывает, что доля личных сбережений в располагаемом доходе домашних хозяйств теперь упала до 0,1% по сравнению с максимальным показателем в 13% в 1975 г. В случае устойчивого ухудшения ситуации на фондовом рынке настроения акционеров круто меняются, что будет способствовать спаду и дальнейшему ухудшению положения на рынке акций.



По данным на январь соответствующего года

Рис. 6.1. Сравнение темпа роста личных сбережений с динамикой располагаемого дохода в США

Другим потенциальным источником нестабильности являются взаимные (паевые) фонды. Об успехе управляющих фондами судят на основе результативности их деятельности по сравнению с другим фондами, а не на основе каких-либо абсолютных показателей. Это утверждение может звучать не вполне понятно, но на деле оно имеет далеко идущие последствия, ибо заставляет управляющих фондами следовать сложившейся тенденции. До тех пор пока они идут со всеми вместе, им ничто не угрожает, даже если

инвесторы теряют деньги, но стоит им попытаться отклониться от тенденции, и если положение фонда ухудшится хотя бы временно, они могут лишиться работы. (Именно это произошло с Джеффом Вини-ком, управляющим крупнейшим фондом *Fidelity*. С тех пор он добился значительных успехов, работая самостоятельно и получая вознаграждение на основе абсолютных показателей деятельности.) К осени 1998 г. паевые фонды, привыкшие к постоянному притоку денежных средств, имели самые низкие резервы за всю свою историю. Стоит ситуации измениться, и они вынуждены будут изыскивать эти денежные средства, углубляя понижательную тенденцию.

Но как бы тревожно это ни звучало, главный источник нестабильности все же кроется в международной системе. Мировая капиталистическая система переживает теперь самое суровое испытание за время своего существования: Азиатский кризис и его последствия. Испытание — это третья фаза цикла подъем - спад. Как и в любом цикле подобного рода, трудно с достаточной степенью определенности предсказать, выдержит ли тенденция испытание или же она резко повернет вспять. В такой ситуации разумно предложить возможные сценарии как успешного, так и неудачного испытания.

Если мировая капиталистическая система переживет нынешний период испытаний, то за ним последует период дальнейшего ускорения, которое приведет систему в состояние, далекое от равновесного, если оно уже не наступило. Одной из особенностей этого нового, ближе к финальному этапу мирового капитализма станет отказ от одной, представляющейся разумной альтернативы идеологии свободного рынка, которая возникла относительно недавно, — так называемой «азиатской», или конфуцианской, модели. В результате нынешнего кризиса заморские китайские и корейские капиталисты, чьи богатства серьезно пострадали, вынуждены будут отказаться от системы семейного контроля. Те, кто будет готов пойти на это, выживут, другие — просто исчезнут. Кризис также осложнил положение компаний, имевших большую задолженность во всех азиатских странах. У компаний с иностранной задолженностью соотношение задолженности к собственному капиталу стало еще хуже; при наличии долгов внутри стран компании пострадали в результате одновременного роста процентных ставок и снижения доходности. Единственный выход заключается в превращении долга в капитал (изменении формы собственности) или в получении дополнительного капитала. В рамках семейной фирмы это было невозможно; обычно это невозможно сделать даже в локальном масштабе — масштабе страны. Так что единственная альтернатива — продать компанию иностранцам. В итоге это будет означать конец «азиатской модели» и начало новой эры, когда соответствующие страны окажутся еще более интегрированными в мировую капиталистическую систему. Международные банки и многонациональные компании упрочат свои позиции. В местных компаниях на передний план выступит новое поколение членов семьи или профессиональных менеджеров, получивших образование за рубежом. Будет отдано предпочтение прибыли перед конфуцианской этикой, а националистическая гордыня и рыночный фундаментализм еще больше усилятся. Некоторые страны, подобно Малайзии, могут оказаться на обочине, если они будут упорствовать в ксенофобии и проводить антирыночную политику, но другие — сумеют преодолеть трудности и добьются успеха.

Итак, если мировая капиталистическая система сумеет преодолеть нынешний экономический кризис и выйдет из него победительницей, то в мировой экономике можно предвидеть дальнейшее усиление позиций многонациональных акционерных компаний. Острая конкуренция не позволит им уделять много внимания социальным проблемам. Разумеется, на словах они будут приветствовать такие достойные цели, как защита окружающей среды, особенно когда они имеют дело непосредственно с широкой общественностью, но они окажутся не в состоянии сохранять занятость в ущерб прибыли.

Вполне возможно, однако, что мировая капиталистическая система не выдержит нынешнего испытания. Экономический спад в периферийных странах еще не достиг своей низшей точки, а без огромных усилий тенденцию падения экономики повернуть просто

невозможно. Потребуется реорганизация банков и компаний; еще очень многим людям предстоит потерять работу. Политическая напряженность остается значительной и продолжает усиливаться. Политические перемены, вызванные финансовым кризисом, уже привели к исчезновению в ряде стран прежних коррумпированных и авторитарных режимов. В Корее удалось избрать нового президента Ким Де Джуна, который всю жизнь решительно критиковал неблагоприятные связи между правительством и бизнесом. Нынешний премьер-министр Таиланда пользуется всеобщим уважением за честность, его окружают члены кабинета, получившие образование на Западе и ориентированные на рынок. В ходе революции в Индонезии со своей должности был смещен Сухарто. В Малайзии чувствует себя, как в засаде, премьер-министр Махатир. В Китае сейчас правят реформаторы, но существует реальная опасность, что в случае дальнейшего ухудшения экономического положения реформаторы лишатся власти. Часто говорят, что революции пожирают своих детей. Во всей Азии, включая Японию, ширятся настроения против США, МВФ и иностранцев. Выборы в Индонезии вполне могут привести к формированию националистического исламского правительства, вдохновляемого идеями премьер-министра Малайзии Махатира.

Решающее значение будет иметь ситуация в центре системы. До последнего времени неурядицы на периферии благотворно отражались на центре. Он противодействовал нарождающимся инфляционным давлениям, требовал от финансовых властей не повышать процентные ставки и создал небывалый подъем на фондовых рынках. Однако позитивные следствия Азиатского кризиса начинают исчезать и проявляются негативные последствия. Норма прибыли испытывает все усиливающееся давление. Некоторые компании непосредственно ощущают сокращение спроса, одновременно происходит обострение конкуренции со стороны зарубежных фирм; другие компании — в сфере услуг, — на которых международная конкуренция прямо не влияет, ощущают последствия роста расходов на рабочую силу.

Также стал выдыхаться бум на фондовом рынке. Если и здесь произойдет спад, то эффект богатства приведет к тому, что спад на этом рынке трансформируется в общеэкономический спад. А это в свою очередь вызовет сопротивление импорту, а значит — недовольство на периферии.

С самого начала Азиатского кризиса наблюдается отток капитала с периферии. Когда страны на периферии лишатся надежды на возобновление притока капитала, они могут воспользоваться своим суверенным правом для предотвращения оттока. Это дополнительно ускорит отток, и система рухнет. США все чаще начинают вспоминать о собственных интересах. Отказ Конгресса выделить дополнительные средства для МВФ может сыграть сейчас такую же роль, как тариф Холи— Смута в годы Великой депрессии.

Какой из приведенных двух сценариев будет реализован вероятнее всего? Я склонен поставить на второй, но в качестве участника рынка я должен быть готов ко всему. Однако я без колебаний утверждаю, что мировая капиталистическая система не устоит перед напором своих недостатков, если не на этот раз, то на следующий, — пока мы не осознаем, что она порочна, и своевременно не исправим ее недостатки.

Я уже различаю зарождение финального кризиса. Он будет политическим по своему характеру. Скорее всего в странах возникнут местные политические движения, которые будут стремиться экспроприировать многонациональные компании и вернуть «национальные» богатства. Некоторым из них это, возможно, удастся — на манер боксерского восстания или революции Западной Африки. Этот успех способен будет тогда поколебать уверенность финансовых рынков, инициировав тем самым самоусиливающийся процесс их разрушения. Вопрос — произойдет это сейчас или во время следующего кризиса — остается открытым.

Когда процессу подъем — спад удастся выдержать испытание, он выходит из этой ситуации более уверенным. Чем суровее испытание, тем выше уверенность. После каждого успешного испытания наступает период ускорения процесса развития, а после периода

ускорения наступает момент истины. На каком витке этого цикла мы сейчас находимся, точно определить невозможно, если не считать некоторых соображений ретроспективного характера.

7. МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Азиатский кризис

Финансовый кризис, начавшийся в Таиланде в 1997 г., внушает особое беспокойство из-за своего масштаба и остроты. Как я уже отмечал в предисловии, в руководстве *Soros Fund* видели приближение кризиса, как его могли видеть и другие, но масштабы неурядиц застали всех врасплох. Обнаружился ряд скрытых и, как казалось тогда, не связанных между собой дисбалансов, а их сочетание вызвало к жизни процесс, весьма далекий от равновесия, последствия которого неизмеримо превзошли то, что можно было бы ожидать от составляющих его элементов.

Финансовые рынки сыграли роль, сильно отличающуюся от той, которую им отводит экономическая теория. Предполагается, что финансовые рынки совершают движения, похожие на движения маятника: они могут испытывать беспорядочные колебания под воздействием внешних ударов, но считается, что в конечном счете они приходят в точку равновесия, и это точка — вроде бы — одна, независимо от временных колебаний. Вместо этого, как я объяснял Конгрессу, финансовые рынки скорее повели себя как разрушительный шар — они перекачивались из страны в страну и сметали более слабые рынки.

Трудно избежать вывода, что международная финансовая система сама стала главным фактором кризисного процесса. Она определенно сыграла активную роль в каждой стране, хотя влияния других факторов различались по странам. Такой вывод трудно примирить с широко распространенным мнением, согласно которому финансовые рынки пассивно отражают глубинные экономические процессы. Если же мой вывод обоснован, тогда роль финансовых рынков в мире нуждается в коренном пересмотре. Чтобы проверить мой тезис о финансовых рынках, попробуем оценить другие составляющие кризиса, а затем посмотрим, что же произошло на самом деле.

Самой непосредственной причиной неурядиц стало несоответствие валютных курсов. Страны Юго-Восточной Азии придерживались неформального соглашения о привязке своих валют к доллару США. Видимая стабильность доллара побуждала местные банки и фирмы брать кредиты в долларах и конвертировать доллары в местные валюты без хеджирования; затем банки ссужали деньги или вкладывали их в местные проекты, преимущественно в недвижимость. Это казалось безопасным способом зарабатывать деньги, пока неформальная долларовая база оставалась стабильной. Но система начала испытывать давление, отчасти из-за занижения курса китайской валюты в

1996 г., отчасти из-за повышения курса доллара по отношению к иене. Торговый баланс соответствующих стран ухудшился, хотя дефицит поначалу компенсировался существующим крупным сальдо по счетам движения капиталов. Однако к началу

1997 г. управляющим *Soros Fund* стало ясно, что разрыв между торговым балансом и балансом движения капиталов становится невыносимым. Тогда же мы осуществили «короткую» продажу таиландского бата и малазийского ринггита со сроками погашения от шести месяцев до одного года. Впоследствии премьер-министр Малайзии Махатир обвинил меня в инициировании кризиса. Это обвинение было совершенно необоснованным. Мы не продавали валюту во время кризиса или за несколько месяцев до

него; напротив, мы выступили ее покупателями, когда валюты начали падать, — мы скупали ринггиты, чтобы получить прибыль от прежней сделки (как выяснилось, мы с этим поторопились).

Если в январе 1997 г. нам стало ясно, что ситуация становится тревожной, то это должны были осознать и другие. Однако кризис разразился лишь в июле 1997 г., когда тайландские власти отказались от привязки бата к доллару и установили плавающий валютный курс. Кризис наступил позднее, чем мы ожидали, так как местные органы кредитно-денежного регулирования продолжали поддерживать свои валюты слишком долго, а международные банки по-прежнему предоставляли кредиты, хотя они должны были ясно видеть угрозу. Запаздывание несомненно способствовало обострению кризиса. Из Таиланда он быстро распространился на Малайзию, Индонезию, Филиппины, Южную Корею и другие страны.

Важно, однако, подчеркнуть, что в некоторых других азиатских странах, втянутых в кризис, валюты не были привязаны к доллару. Действительно, курс корейской воны — завышен, но это не относится к японской или китайской валютам. Напротив, факторами, ускорившими кризис, как раз стали преимущества, которые Китай имел в конкурентном отношении, и существенное обесценение японской иены. Что же тогда общего между странами, охваченными кризисом? Некоторые утверждают, что проблема состоит в их зависимости от искаженного или незрелого капитализма, который теперь уничижительно именуют «приятельским капитализмом», хотя раньше его превозносили в качестве конфуцианского капитализма или «азиатской модели» капитализма. В этих утверждениях все же есть доля истины; я кратко поясню это далее. Но связывать кризис со специфически азиатскими особенностями, значит, рисовать заведомо неполную картину, поскольку кризис перекинулся на Латинскую Америку и Восточную Европу, а теперь начинает влиять на финансовые рынки и экономики Западной Европы и США. Поэтому после краткого описания того, что произошло в Азии, я вернусь к основной линии своей аргументации, а именно — мировой кризис капитализма обусловлен свойствами, внутренне присущими самой мировой финансовой системе.

Конец «азиатской модели»

Экономикам азиатских стран были присущи многие структурные недостатки. Большинство фирм находилось в семейном владении, а в соответствии с конфуцианской традицией семьи стремились сохранить над ними контроль. Если они и выпускали акции в открытую продажу, то обычно игнорировали права акционеров, находившихся в меньшинстве. Если им не удавалось финансировать рост фирмы за счет доходов, они полагались на кредит, но не рисковали утратой контроля. В то же время правительственные чиновники использовали банковский кредит в качестве инструмента финансовой политики; они использовали его также с целью вознаградить свои семьи и друзей. Существовала порочная связь между бизнесом и органами управления, и отмеченное выше — лишь одно из ее проявлений. Сочетание таких факторов привело к тому, что соотношение задолженности к собственному капиталу оказалось крайне завышенным, а финансовый сектор лишился прозрачности и здоровой основы. Идея о том, что «банковский кредит» будет дисциплинировать акционеров компании, попросту не сработала.

К примеру, в экономике Южной Кореи доминировали контролируемые семьями конгломераты (*chaebol*). Они характеризовались высоким уровнем заемных средств в капитале (леве-реджа). Среднее отношение задолженности к акционерному капиталу у тридцати крупнейших конгломератов (а на них косвенно приходилось 35% промышленного производства Кореи) в 1996 г. составляло 388%, а у некоторых конгломератов этот показатель доходил до 600—700%. К концу марта 1998 г. средний показатель вырос до 593%. Владельцы использовали свой контроль для «перекрестного» страхования долгов другим

членам групп, нарушив тем самым права сторонних акционеров, не владеющих контрольным пакетом акций. Положение усугублялось тем, что корейские компании имели крайне низкую норму прибыли: по отношению к процентным платежам тридцати крупнейших *chaebol* она была только в 1,3 выше в 1996 г., а в 1997 г. — только 0,94. Это означает, что процентные платежи не обеспечивались текущей прибылью. Корейские банки предоставляли легкий кредит в рамках промышленной политики. Правительство решило стимулировать некоторые отрасли, и конгломераты-*chaebol* подхватили призыв, опасаясь остаться в стороне. Это привело к безудержной экспансии — без оглядки на прибыльность. В этом смысле действия Кореи сознательно повторяли действия Японии в прежние годы, но это оказалось слишком грубой копией более изящной модели. Как я указывал ранее, преимущества Японии заключались в демократических институтах, тогда как в Южной Корее на протяжении почти всей послевоенной истории существовала военная диктатура. Традиции поиска согласия, существовавшие в Японии, а также сдерживающие механизмы и противовесы, характерные для демократии, в Корее отсутствовали.

Когда стали накапливаться неоплачиваемые кредиты, корейские банки попытались выйти из трудного положения, ссужая еще больше денег за рубежом и вкладывая их в высокодоходные, высокорисковые инструменты в таких странах, как Индонезия, Россия, Украина и Бразилия. Это стало важным фактором корейского кризиса.

Не намного удачнее действовали в последнее время и японские банки. Неприятности Японии восходят к краху на Уолл-стрит в 1987 г. Японская финансовая система жестко контролировалась Министерством финансов. Его должностные лица составляли интеллектуальную элиту, сравнимую с *Inspecteurs de Finance* во Франции. Они понимали рефлексивность финансовых рынков лучше любой иной группы специалистов, которую я встречал, и они задумали грандиозный проект, согласно которому индустриальную мощь Японии можно трансформировать в финансовое доминирование путем предоставления миру ликвидных активов. Я припоминаю, как должностное лицо Министерства финансов излагало мне идею этого проекта после краха 1987 г. К сожалению, японцы не учли важного аспекта рефлексивности, а именно — непредусмотренных последствий. Их решение помогло миру преодолеть последствия краха, но оно привело к многочисленным убыткам у японских финансовых институтов за рубежом и финансовому «пузырю» в самой Японии, который окончательно вызрел в 1991 г. Благодаря жесткому контролю над финансовыми учреждениями Министерству финансов удалось «спустить» этот «пузырь» без краха — а это первый подвиг такого рода в истории. Но при этом на балансах финансовых учреждений повисли сомнительные активы. Деньги налогоплательщиков стали использовать для спасения банков тогда, когда уйти от этого было уже невозможно; но и в этом случае японская традиция требовала, чтобы сначала покатались головы руководителей Министерства финансов, что в конечном счете и произошло. Неудивительно, что Министерство финансов сопротивлялось этой идее до конца.

К началу Азиатского кризиса Япония проводила политику сокращения бюджетного дефицита. В тот момент это была неправильная политика, Азиатский кризис разразился как раз в неподходящее для Японии время. Японские банки, имевшие крупные вложения в Таиланде, Индонезии и Южной Корее, приступили к ограничению кредита в условиях оттока ликвидных средств. Потребители, напуганные Азиатским кризисом и рядом банкротств внутри страны, стали отдавать предпочтение сбережениям. Низкие процентные ставки стимулировали вложения капитала за рубежом. Курс иены снизился, а экономика вползла в период спада. В конечном счете правительство решило снизить налоги и использовать государственные средства для пополнения капитала банков, но этого оказалось явно недостаточно, к тому же было уже слишком поздно. Спад в японской экономике — второй по масштабам в мире и стране — важном торговом партнере других азиатских стран — усугубил экономический спад в остальных странах Азии.

«Азиатской модели» экономического развития присущи многочисленные

недостатки: структурные изъяны в банковской системе и формах владения предприятиями; порочная связь между бизнесом и политиками; недостаточная прозрачность и отсутствие политической свободы. Хотя перечисленные недостатки были присущи многим охваченным кризисом странам, но не все они характерны для каждой страны. Гонконг был свободен от большинства из этих недостатков. В Японии и на Тайване существует политическая свобода. Крупные японские компании не являются семейной собственностью. В Сингапуре существует прочная банковская система. Кроме того, «азиатская модель» как таковая оказалась исключительно успешной стратегией экономического развития и пользовалась широкой популярностью в деловых кругах. «Азиатская модель» обеспечила резкое повышение уровня жизни, ежегодный прирост среднедушевого дохода в соответствующих странах на протяжении длительного периода составил в среднем 5,5%, что намного превышает аналогичный показатель практически во всех формирующихся рыночных экономиках. Азиатские лидеры — Ли Кван Ю в Сингапуре, Сухарто в Индонезии и Махатира в Малайзии — с гордостью заявляли о своей уверенности в том, что азиатские ценности выше западных, даже когда кризис уже разразился. Они зашли настолько далеко, что поставили под сомнения Декларацию ООН о правах человека. Ли Кван Ю назвал западные демократии упадническими, Махатир осудил традиции колониализма, а Сухарто превозносил достоинства nepотизма. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) приняла в свои члены в июне 1997 г. Мьянмар, бросив прямой вызов западным демократиям, которые считают репрессивный режим Мьянмары неприемлемым в политическом и гуманитарном плане.

Почему же столь успешная модель экономического развития так быстро «скисла»? Дать удовлетворительное объяснение этому явлению пока невозможно, если не учитывать изъянов мировой капиталистической системы. Тот факт, что Азиатский кризис не ограничился Азией, а охватил также Россию, Южную Африку и Бразилию и, вероятно, затронет все формирующиеся рынки прежде, чем он ослабит хватку, подтверждает вывод, что главная причина нестабильности кроется в самой международной финансовой системе.

Нестабильность международных финансов

Рассматривая систему международных финансов, следует делать различие между прямыми инвесторами, портфельными инвесторами, банками и властными финансовыми институтами, например МВФ и центральными банками. Прямые инвесторы не играли дестабилизирующей роли, разве что в качестве клиентов банков. Говоря о портфельных инвесторах, можно выделить институциональных инвесторов, которые распоряжаются деньгами других людей, хеджевые фонды, инвестирующие заемные средства, и индивидуальных инвесторов.

Как отмечалось в предыдущей главе, институциональные инвесторы сравнивали свои показатели друг с другом, в результате чего они покорно следовали за тенденцией. Они распределяют свои активы между различными национальными рынками; если на каком-либо рынке наблюдается рост, они должны соответственно увеличить его долю, и наоборот. Кроме того, когда взаимные фонды добиваются хороших показателей, они привлекают инвесторов, а когда они терпят убытки, инвесторы уходят. Взаимные фонды не сыграли какой-либо роли в приближении краха, если не считать того, что они злоупотребили гостеприимством страны во время, предшествовавшее буму. Но они играют важную роль в спаде, усугубляя его. Инвесторы изымают средства из формирующихся рыночных фондов, а это вынуждает взаимные фонды продавать ценные бумаги. Хеджевые фонды и другие институты, которые ведут операции с заемными средствами, играют аналогичную роль. Когда наступает полоса удач, они могут повышать ставки, когда дела идут плохо, они вынуждены продавать активы, чтобы уменьшить долги. Схожим качеством самоподкрепления обладают опционы и другие производные финансовые инструменты.

Управляющие хеджевых фондов и другие спекулянты могут торговать валютами непосредственно, минуя покупку или продажу ценных бумаг. Так поступают и банки — как по собственной инициативе, так и по поручению своих клиентов. Банки играют значительно более важную роль на валютных рынках, чем хеджевые фонды, но следует считать, что хеджевые фонды, вроде моего, играли отрицательную роль в азиатских валютных неурядицах. Так как хеджевые фонды, как правило, больше озабочены абсолютными, а не сравнительными результатами, они могут активнее влиять на ускоренное изменение тенденции. Разумеется, это делает их уязвимыми, когда такое изменение нежелательно, но если тенденция обречена, то предпочтительнее изменить ее раньше, чем позже. К примеру, осуществив «короткую» продажу тайландского бата в январе 1997 г., фонды *Quantum* под управлением моей инвестиционной компании подали сигнал: курс бата, возможно, завышен. Если бы власти отреагировали правильно, то адаптация к новым условиям произошла бы раньше и менее болезненно. На деле же власти сопротивлялись корректировке, поэтому падение носило катастрофический характер.

Подлинная проблема заключается в том, желательна ли спекуляция валютой. Если оценивать факты, то страны со свободно конвертируемой валютой пострадали от неурядиц в ходе валютного кризиса в большей мере, чем страны, которые так или иначе контролировали торговлю валютой. Таиланд был более открыт, чем Малайзия, поэтому и падение экономики в Таиланде было более значительным; континентальный Китай был затронут кризисом меньше, чем Гонконг, хотя в последнем — намного более прочная банковская и финансовая система. Однако такой вывод неоднозначен. Корейской валютой нельзя было торговать свободно, но кризис здесь оказался столь же серьезным, как и в Юго-Восточной Азии, по Китаю вердикт еще не вынесен. Проблема тесно связана с ролью банков.

В каждой стране имеются своя банковская система и органы ее регулирования; они взаимодействуют друг с другом сложными путями, образуя международную банковскую систему. Некоторые крупные банки в центре системы настолько активно занимаются международными операциями, что их называют международными банками. Часто они владеют банками других стран или занимаются во многих странах, например, потребительским кредитом. Большинство стран, охваченных нынешним кризисом, имели, однако, относительно закрытые банковские системы, т.е. лишь немногие банки в них принадлежали иностранцам. Исключения составляют Гонконг и Сингапур: крупные банки здесь относятся к разряду международных. Японские, а позже и корейские банки также втянулись в международные операции, но с катастрофическими результатами. Оценки ожидаемых невозвратных ссуд (т.е. ссуд, которые не могут быть погашены) только в одной Азии составили почти 2 трлн. дол. США (см. табл. 7.1).

Таблица 7.1

Оценка объема невозвратных ссуд в странах Азии и Японии

Страна	Ожидаемая доля невозвратных ссуд, %	Стоимость, дол. США
1. Гонконг	12,0	15,9
2. Индия	16,0	13,0
3. Индонезия	85,0	34,1
4. Корея	45,0	167,0
5. Малайзия	40,0	27,5
6. Филиппины	25,0	7,0
7. Сингапур	11,0	8,5
8. Тайвань	4,5	16,3
9. Таиланд	50,4	91,7
10. Юго-Восточная Азия		381,0
11. Япония	30,0	800,0
12. Китай	25-30	600,0

		1781,0
--	--	--------

Источник: Salomon Brothers, Goldman Sachs, Warburg Dillon Read; по оценкам SFM. LCC.

Международные и национальные банки связаны между собой кредитными линиями, определяющими рамки, внутри которых они могут заключать определенные сделки, например с валютой, процентные свопы и т.п. Они могут быть также связаны долгосрочными кредитами. Как кредитные линии, так и ссуды фиксированы в долларах или другой твердой валюте. В странах, где валюта формально или неформально была привязана к доллару, национальные банки и заемщики исходили из того, что эта привязка сохранится. Часто они не прибегали к хеджированию валютного риска. Когда привязка к доллару рухнула, они остались с большим непокрытым валютным риском. Они начали отчаянно изыскивать покрытие, что оказывало огромное давление на национальные валюты. Балансы заемщиков резко ухудшились. Так, *Siam Cement*, крупнейшая и мощнейшая компания в Таиланде, понесла убытки в размере 52,6 млрд. таиландских батов при начальном капитале в 42,3 млрд. таиландских батов, в 1996 г. прибыли компании составили 6,8 млрд. таиландских батов. Слабые компании пострадали еще больше. Многие заемщики использовали ссуды для вложений в недвижимость, а когда привязка к доллару была отменена, цены на недвижимость уже снижались. Таким образом, внезапно наряду с валютным риском возник кредитный риск, что побудило заимодавцев ограничить предоставление кредита. Это обстоятельство, наряду с бегством заграничных инвесторов с падающих рынков, инициировало самоподкрепляющийся процесс, который привел к 42%-ному обесценению таиландской валюты и 59%-ному снижению стоимости таиландских акций, выраженному в национальной валюте, с июня 1997 г. до конца августа 1998 г. В долларовом выражении суммарные потери составили 76%, что сопоставимо с 86%-ными потерями на Уолл-стрит в период с 1929 по 1933 гг.

Паника распространилась на финансовые рынки соседних стран - я сравнил ее со все сокрушающим шаром; другие сравнивали ситуацию с распространением заразы — современным вариантом бубонной чумы. В некоторых пораженных кризисом странах дисбалансы проявились в менее острой форме, но это их не спасло. Малайзийская экономика была перегрета, но кредитно-денежная экспансия носила в основном внутренний характер, а торговый дефицит был довольно умеренным. Основы индонезийской экономики казались довольно прочными; главная проблема заключалась в больших заимствованиях Индонезии у корейских и японских банков, у которых были свои проблемы, так что они были не в состоянии возобновить кредиты. Когда гонконгский доллар стал испытывать сильный нажим, система валютного управления привела к повышению процентных ставок, а это в свою очередь обусловило снижение стоимости недвижимости и акций. Международные банки, имевшие дело с гонконгскими банками, столкнулись с кредитным риском, о котором они даже не подозревали. Когда они заключали компенсационные сделки на процентные свопы, они исходили из того, что суммы одинаковы для обеих сторон; теперь же они осознали, что при изменении процентной ставки гонконгский партнер вдруг должен будет им уплатить большую сумму, чем та, которую они должны уплатить гонконгской стороне. Это побудило международные банки приостановить кредитные линии Гонконгу. Кредитный риск стал еще более серьезной проблемой в Корее, где некоторые банки фактически не сумели выполнить своих обязательств. Вскоре финансовый кризис заставил Таиланд, а затем Корею и Индонезию искать поддержки у МВФ.

Роль Международного валютного фонда

МВФ столкнулся с проблемами, которых он никогда раньше не испытывал. Азиатский кризис имел комплексный характер, он включал валютную и кредитную составляющую. Последний компонент в свою очередь включал международный аспект и

внутренний аспект, и все перечисленные элементы были взаимосвязаны. Азиатский кризис отличался от всего того, с чем МВФ сталкивался ранее: он возник в частном секторе; государственный сектор был в сравнительно хорошей форме.

МВФ применил традиционное лекарство: повышение процентных ставок и сокращение государственных расходов для стабилизации валюты и восстановления доверия со стороны международных инвесторов. Он также признал структурные изъяны в отдельных странах и навязал соответствующие условия, вроде закрытия неблагополучных финансовых учреждений. Однако программы МВФ не сработали, ибо они учитывали лишь некоторые, а не все аспекты кризиса. А так как различные аспекты были взаимосвязаны, их нельзя было лечить изолированно. Говоря конкретнее, валюты невозможно было стабилизировать, пока не решены долговые проблемы, поскольку кредиторы спешили оградить себя от риска понести убытки, когда валюта упала, а слабая валюта вела к усилению риска — так возник порочный круг.

Почему МВФ не осознал этого? Возможно, потому, что его методика была рассчитана на преодоление дисбалансов в государственном секторе, а понимание того, как функционируют финансовые рынки, оставляло желать лучшего. Это проявилось в Индонезии, где МВФ настоял на закрытии ряда банков, не предусмотрев механизма защиты вкладчиков и спровоцировав тем самым классический «набег» на банки. Финансовая паника в свою очередь ослабила решимость президента Сухарто придерживаться условий программы спасения, предложенной МВФ, которую он без того посчитал не приемлемой, поскольку она покушалась на привилегии его семьи и друзей. Перебранка между Сухарто и МВФ привела к свободному падению индонезийской рупии. Фонды *Quantum* также серьезно пострадали, поскольку мы покупали индонезийскую рупию примерно по 4000 за доллар, полагая, что падение закончилось после того, как в июле 1997 г. она стоила 2430 за доллар. Индонезийская рупия продолжала падать в краткосрочных сделках — более чем до 16 000, — а это отрезвляющий опыт. Я хорошо сознавал коррумпированность режима Сухарто и настоял на продаже нашей доли в индонезийской электростанции, где присутствовали финансовые интересы семьи Сухарто, только потому, что не хотел иметь с ними ничего общего. Вот так мы потеряли деньги в Индонезии, как раз когда, казалось, надо было получать прибыль.

МВФ критиковали за то, что он выдвигает слишком много условий и слишком решительно вмешивается во внутренние дела стран, которые обращаются к нему за содействием. При этом задают вопрос: какое дело МВФ до того, что режим коррумпирован, а банки и промышленность наделали слишком много долгов? Важно лишь, чтобы страна могла выполнять свои обязательства. Задача МВФ — предотвратить кризис ликвидности; а решение структурных проблем лучше предоставить соответствующим странам. Я придерживаюсь противоположного мнения. Кризисы ликвидности неразрывно связаны со структурными дисбалансами; их невозможно предотвратить, просто ссужая стране больше денег. Когда и банки, и компании наделали слишком много долгов (т.е. соотношение задолженности к собственному капиталу оказалось слишком высоким), потребовалось вливание ликвидных средств. Но беда в том, что в кризисной ситуации трудно изыскать капитал или дополнительный кредит. Единственный выход — превратить долг в капитал. Программы МВФ в Азии потерпели неудачу, так как он не настаивал на схеме преобразования долга в капитал. Фонд не то чтобы слишком вмешивался — его вмешательство было недостаточным.

В оправдание МВФ следует признать, что, видимо, невозможно было одновременно бороться с кризисом ликвидности и осуществлять преобразование долга в капитал. Международные кредиторы воспротивились бы этому, а без их сотрудничества никакая программа не может быть успешной. В то же время неспособность решить проблему долгов привела к падению валюты и непомерным процентным ставкам, в результате чего заемщики стали неплатежеспособными, а страны погрузились в глубокую депрессию. Очевидно, что речь здесь идет о системной проблеме, а МВФ — это часть

проблемы, а не часть решения.

Теперь МВФ сам переживает кризис. Доверие рынка было важным элементом его успехов в прошлом, теперь он лишился этого доверия. К тому же у МВФ иссякли ресурсы. Нежелание Конгресса США предоставить дополнительные средства серьезно подорвало способность МВФ решать проблемы по мере их возникновения. К этому вопросу я вернусь в следующей главе.

Краткий обзор

В результате бурных событий в Индонезии осенью 1997 г. корейские и японские банки заняли оборонительную позицию, что подорвало доверие международных кредиторов к корейской банковской системе. Из Кореи разрушительный шар докатился до России и Бразилии, по пути задев Восточную Европу и поразив Украину. Корейские банки вкладывали средства в Россию и Бразилию, а бразильцы инвестировали деньги в России. Корейцам и бразильцам пришлось ликвидировать свои активы, а Бразилия и Россия вынуждены были повысить процентные ставки настолько, чтобы защитить свои валюты от падения. Бразилия воспользовалась кризисом, чтобы приступить к давно назревшим структурным реформам, что помогло ей удержать ситуацию под контролем, но лишь на несколько месяцев.

Международный кризис достиг кульминации в конце декабря 1997 г., когда, несмотря на программу МВФ, иностранные банки отказались возобновить свои ссуды корейским банкам. Пришлось вмешаться центральным банкам, чтобы заставить подконтрольные или коммерческие банки возобновить предоставление ссуд. Был предусмотрен и второй пакет мер спасения. Вскоре кризис стал ослабевать. Председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен (*Alan Greenspan*) дал ясно понять, что азиатские неурядицы исключают любую возможность повышения процентных ставок, и рынки облигаций и акций воспрянули духом. Разрушительный шар остановился, не достигнув Латинской Америки, не считая первого удара по Бразилии. Корею и Таиланду повезло — там были избраны новые правительства, приверженные реформам. Положение продолжало ухудшаться лишь в Индонезии, но в конце концов и Сухарто был отстранен от власти. Вернулись охотники за дешевыми покупками; валюты окрепли; и к концу марта азиатские фондовые рынки, включая индонезийский, вернули от трети до половины потерь, выраженных в национальных валютах. Это — неплохой результат после крупного краха на рынке.

Однако это была ложная заря. За экономическим спадом последовал финансовый крах. Внутренний спрос сократился, а с ним сократился и импорт, но экспорт не расширялся, так как значительная его доля была ориентирована на страны, которые также охватил кризис. Кроме того, на экспорт шло ограниченное количество видов товаров, цены на которые из-за избыточного предложения упали. Особенно это затронуло полупроводники, на мировом рынке которых конкурировали Корея, Тайвань и в меньшей степени Япония. Экономический спад быстро перекинулся на страны, которых он поначалу не затронул. Япония вползла в период спада, а экономическая ситуация в Китае продолжает оставаться проблематичной. Снова усилилось давление на Гонконг. Падение товарных цен, особенно цен на нефть, ударило по России и другим странам — производителям сырьевых товаров.

Ситуация в Корею особенно поучительна. Вслед за преодолением кризиса ликвидности в конце 1997 г. положение с внешней задолженностью стало почти немедленно улучшаться. Потребительский спрос сократился, а значит — сократился и импорт, в торговом балансе наметилось положительное сальдо. Внешний долг по отношению к ВВП с самого начала не казался сколь-либо значительным (в 1997 г. называли цифру в 25%, но когда в 1998 г. сообщили подлинные данные, то оказалось, что

он вырос до 50%), а с учетом крупного положительного сальдо торгового баланса — он стал вполне приемлемым. Пять крупных конгломератов (на которые непосредственно приходится 15% промышленного производства, а косвенно — немного больше) предприняли решительные усилия для выполнения своих международных обязательств, и кризис внешней задолженности скоро пошел на убыль. Однако положение внутри страны продолжает ухудшаться. Большинство компаний терпят убытки, и их балансы становятся все хуже. Сказанное относится к крупнейшим пяти компаниям. Рекапитализация банков происходит слишком медленно, и, вопреки снижению процентных ставок, экономика остается вялой. Растут безработица и напряженность в трудовых отношениях.

Проблема в Японии также имеет исключительно внутренний характер. Учитывая огромные валютные резервы, а также значительное и растущее положительное сальдо торгового баланса, японское правительство, казалось бы, вполне в состоянии рекапитализировать банковскую систему и оживить экономику. К сожалению, оно проводит неудачную политику. Банки должны обанкротиться, прежде чем им станут доступны государственные средства. Банкиры же делают все, что им доступно, чтобы отдалить страшный день, когда они вынуждены будут признать свои убытки. В результате возникло «сжатие кредита», которое привело к экономическому спаду, оказывающему огромное давление на другие азиатские страны.

Китай сталкивается с рядом таких же трудностей, как и Южная Корея. Его банковская система руководствовалась скорее политическими, чем коммерческими соображениями, а несостоятельные долги накапливались еще быстрее, чем в Корее. Его ориентированная на экспорт экономика лишилась части былых конкурентных преимуществ, как только конкуренты девальвировали свои валюты. В Китае наблюдался чрезвычайный строительный бум — к началу Азиатского кризиса половина кранов, имевшихся в мире, работала в Шанхае. Приток иностранных инвестиций — причем 70% из них поступали от этнических китайцев из других стран — полностью прекратился.

Важное различие, спасительное для Китая, заключалось в том, что его валюта не была конвертирована; в противном случае ее поразил бы разрушительный шар, несмотря на огромные официальные валютные резервы. Имеются непогашенные ссуды в иностранной валюте, о величине которых, как и в других азиатских странах, надежных данных нет, и зарубежные инвесторы, особенно этнические китайцы, видимо, изъяли бы свои деньги или по меньшей мере хеджировали бы инвестиции на форвардном рынке, если бы у них была такая возможность. Пока же контроль за движением капиталов позволил правительству выиграть время.

Китайское правительство попыталось использовать это время для стимулирования внутреннего спроса. Лишившись «небесного мандата» в результате побоища на площади Тяньань-мэнь, Коммунистическая партия вынуждена добиваться терпения масс, обеспечивая благоденствие на этой земле. Это означает рост экономики темпом, близким к 8%. Однако двигатели роста — экспорт и иностранные инвестиции — теперь выключены. Их место должен занять внутренний спрос. Правительство прибегает к проверенным старым кейнсианским рецептам: осуществление крупных инфраструктурных проектов и стимулирование жилищного строительства. Оно исполнено решимости избежать девальвации валюты по ряду причин. Правительство стремится укрепить свой имидж в мире, наладить более прочные отношения в США и добиться членства во Всемирной торговой организации; оно также опасается ответных протекционистских мер со стороны США в случае девальвации. Девальвация также подорвала бы управление валютой в Гонконге, а нынешнее китайское правительство страстно привержено идее «одной страны, двух экономических систем», поскольку хотело бы, чтобы континентальный Китай больше походил на Гонконг. Последний использовали в целях приватизации принадлежащих государству компаний, так называемых «красных фишек». Однако гонконгский рынок находился под сильным давлением, и вместо выпуска акций новых компаний на бирже Финансовое управление вынуждено было скупать акции для стабилизации рынка.

Китайское правительство надеялось добиться такого же эффекта, как от девальвации, путем введения импортных ограничений и предоставления экспортных субсидий, но происходит оживленная торговля нелегальными импортными товарами, особенно предприятиями, связанными с Народной армией, а это подрывает спрос на отечественную продукцию. Будущее покажет, сработает ли нынешняя политика. Состояние банковской системы и балансов государственных предприятий продолжает ухудшаться. Положительное сальдо торгового баланса — иллюзорно из-за значительной контрабанды. Официальные валютные резервы поддерживаются с трудом из-за скрытого бегства капитала. Шаги по стимулированию частной собственности на жилье имели нежелательные последствия из-за возникшей тяги к сбережениям. Банковская система использует сбережения для сохранения умирающих государственных предприятий, а это повлечет за собой увеличение внутреннего долга государства перед своими гражданами, не создавая реальных стимулов для экономики. Необходимы радикальные структурные реформы, но их приходится сдерживать из-за опасения, что они вызовут социальные беспорядки. В своей предыдущей книге я предсказал, что коммунистический режим в Китае будет уничтожен в результате капиталистического кризиса. Возможно, это уже происходит, хотя кризис начался в соседних странах.

Россия

Россия тоже стала жертвой Азиатского кризиса, но это столь странный случай, что он заслуживает специального рассмотрения. Я был лично вовлечен в российские дела намного глубже, чем в дела других стран. Россия бросилась из одной крайности — жесткого закрытого общества — в другую крайность — общество, не подчиняющееся законам капитализма. Резкость перехода мог бы смягчить свободный мир, если бы он понял, что происходит, и был действительно привержен идеалам свободного общества, но теперь говорить об этом уже поздно. Самая всепроникающая и закрытая социальная система, из когда-либо существовавших в мире, распалась, и никакая другая система не заняла ее место. В конечном счете из хаоса постепенно начал возникать порядок, но, к сожалению, он слабо напоминал открытое общество.

Михаил Горбачев начал процесс революционного изменения режима, и ему удалось добиться успеха — часто вопреки партийно-государственному аппарату, который, как казалось, вот-вот сместит его, но Горбачев не осмелился сделать еще два важных шага: приватизировать землю и распустить Советский Союз. Когда он лишился власти и Советский Союз распался, Борис Ельцин стал президентом России, и он готов был тогда пойти намного дальше. Прежде всего он поддержал Егора Гайдара в качестве заместителя премьер-министра, ведающего экономикой, который попытался применить монетаристскую политику к экономике, которая была глуха к монетаристским сигналам. Когда Гайдар потерпел неудачу, последовал нелегкий уравнивающий шаг — Анатолию Чубайсу разрешили осуществить его приоритетную задачу: передать собственность из государственных рук в частные. Он полагал, что как только государственная собственность получит частных владельцев, они начнут защищать свою собственность и процесс дезинтеграции приостановится.

Благодаря этим усилиям начали появляться зачатки нового экономического строя. Это была разновидность капитализма, но разновидность — весьма странная, и она складывалась в последовательности, отличной от той, которую можно было бы ожидать при нормальных условиях. Первая приватизация относилась к общественной безопасности, и в каком-то смысле она оказалась наиболее успешной: за дело взялись различные частные армии и мафиозные группировки. Государственные предприятия приспособились к изменившимся условиям: их сотрудники создавали частные компании, главным образом на Кипре, которые заключали контракты с их предприятиями. Сами предприятия приносили

убытки, не платили налогов и допускали большую задолженность по выплате заработной платы и расчетам между предприятиями. Наличные средства от операций шли на Кипр. Сложилась зачатки банковской системы — отчасти за счет государственных банков, отчасти усилиями новых сложившихся капиталистических групп, так называемых олигархов. Некоторые банки сколотили состояния, ведя счета различных государственных ведомств, включая государственное казначейство. Затем в рамках «ваучерной» приватизации возник рынок акций еще до того, как должным образом сложились система регистрации акций и клирингового механизма, и задолго до того, как компании, чьи акции начали продаваться на рынке, начали вести себя как настоящие компании. Как правило, компании попали под контроль их сотрудников, а внешним акционерам крайне трудно было реализовать свои права. Действующие руководители были просто обязаны воспользоваться доходами и активами компаний в собственных целях, отчасти для оплаты купленных ими акций, отчасти — чтобы избежать уплаты налогов. Компаниям доходы от «ваучерной» приватизации не достались. Лишь после того, как управляющие упрочили свой контроль и осознали необходимость привлечения дополнительного капитала, они стали добиваться прибыльной работы компаний. Но этой стадии достигли немногие.

Описанные схемы можно вполне охарактеризовать как грабительский капитализм, поскольку наиболее действенный путь накопления частного капитала в исходном моменте, близком к нулю, заключался в присвоении государственных активов. Были, разумеется, некоторые исключения. Само государство имело небольшую ценность, хотя заговорщики, которые попытались свергнуть Горбачева в 1991 г., не понимали этого. Но когда произошло накопление значительной части собственности, государство также приобрело весомость в качестве источника легитимности. В 1996 г. семь крупнейших капиталистов, которые также контролировали средства массовой информации, решили начать сотрудничать с целью обеспечить переизбрание президента Ельцина. Это был замечательный образец политической стратегии. Впоследствии утвердившаяся олигархия продолжала делить между собой оставшиеся активы государства. Весной 1997 г. Ельцин решил ввести в правительство Бориса Немцова, губернатора-реформатора из Нижнего Новгорода, который не запятнал себя в ходе перевыборной кампании. Был предпринят ряд шагов, чтобы проложить путь от грабительского капитализма к главенству закона. Бюджетный дефицит и денежная масса удерживались в определенных рамках, а налоговые недоимки стали сокращаться. Снизились инфляция и процентные ставки. Права акционеров стали уважать больше, а фондовый рынок отличался высокой активностью. Зарубежные инвесторы стали интенсивно вкладывать деньги в акции и долговые инструменты.

Еще в 1987 г. я основал в России фонд с целью содействовать переходу к открытому обществу. В 1988—1989 гг. я сформировал международную рабочую группу для создания «открытого сектора» в рамках командной экономики, но скоро стало ясно, что систему исправить невозможно. Я помог в составлении так называемой программы «500 дней», и в 1990 г. привез Григория Явлинского, который задумал эту программу, и его команду на встречу МВФ — Всемирного банка в Вашингтоне для обеспечения международной поддержки, но это не дало результата. Я основал Международный научный фонд в размере 100 млн. дол. с целью продемонстрировать, что иностранное содействие может быть эффективным. Мы распределили 20 млн. дол. среди 40 тыс. крупнейших ученых: на 500 дол. тогда можно было прожить год. Остальное пошло на обеспечение электронной связью и научной литературой, а также на поддержку исследовательских программ, отобранных зарубежными коллегами. Между тем Фонд, основанный мною в 1987 г., был вовлечен в широкий круг деятельности, из которой наиболее важной были реформа образования, издание новых учебников, свободных от марксистской идеологии, и введение *Internet*.

Я воздерживался от инвестиций в России, отчасти чтобы избежать любых проблем, связанных с конфликтами интересов, но главным образом потому, что мне не нравилось то, что я тогда увидел. Я не препятствовал управляющим моего Фонда, которые

хотели делать инвестиции, и я также одобрил участие россиян в управлении инвестиционным фондом на равных условиях с другими западными инвесторами. Когда же в правительство пришел Немцов, я решил участвовать в аукционе «Связьинвест» — государственной телефонной холдинговой компании. Приватизация «Связьинвест» означала первый подлинный аукцион, на котором не было недостатка в покупателях. К сожалению, это окончилось отчаянной дракой между олигархами, одни из которых стремились к переходу к законному капитализму, а другие противились этому, так как были неспособны работать в рамках закона. Один из олигархов Борис Березовский угрожал разоблачениями, если не получит обещанную ему добычу. Эта злобная свара навредила Чубайсу, который руководил кампанией по переизбранию Ельцина и получал незаконные суммы от олигархов, что стало теперь достоянием гласности. Это произошло как раз в тот момент, когда начали проявляться последствия Азиатского кризиса. Корейские и бразильские банки, которые инвестировали значительные суммы в российский рынок, вынуждены были изъять свои средства. Некоторые ведущие московские банки также оказались в рискованном положении, так как располагали значительными суммами спекулятивных облигаций, а также непокрытыми форвардными контрактами в рублях. Некоторые опасные моменты произошли в декабре 1997 г., но их удалось успешно миновать. Процентные ставки резко возросли, государственные расходы были сокращены, однако Дума отказалась принять законы, необходимые для структурных реформ. Ельцин отправил в отставку премьер-министра Черномырдина и вынудил Думу согласиться на назначение на этот пост Сергея Кириенко, молодого технократа, предложенного Гайдаром и Чубайсом. В течение короткого периода Россия имела правительство реформаторов, лучшее из тех, которые были после распада Советского Союза, и МВФ предоставил кредит в 18,5 млрд. дол., из которых 4,5 млрд. были получены Россией. Но этого оказалось недостаточно.

Сейчас я возвращаюсь к эксперименту в режиме реального времени, который я начал как раз перед окончательным крахом. Я честно воспроизвожу заметки, которые я делал на протяжении двух недель, пока разворачивался кризис.

Эксперимент в режиме реального времени

Воскресенье, 9 августа 1998 г.

Рубль («спот») = 6,29

Рубль (форвардный контракт) = 45%

ГКО = 94,52%

Prins = 21,79%

Standard & Poor = 1089,45

30-летние казначейские облигации США = 5,63%

Я не следил внимательно за событиями в России до последних двух-трех дней, так как был слишком занят работой над этой книгой. Я сознавал, что положение остается отчаянным даже после того, как МВФ согласился на кредиты в сумме 18 млрд. дол. Процентные ставки по российскому государственному долгу оставались на астрономическом уровне — от 70 до 90% по государственным казначейским обязательствам, деноминированным в рублях (ГКО). Российское правительство обратилось к синдикату, который приобрел 25,1% акций «Связьинвест» и где мы были крупнейшим иностранным участником, с предложением предоставить временную «промежуточную» ссуду под продажу очередного транша акций «Связьинвест» в 24,9%. В наших интересах было обеспечить успешную продажу этой порции акций, но мне не понравилась идея бросать хорошие деньги вслед плохим, поэтому я решил присмотреться к ситуации.

Вскоре стало очевидно, что рефинансирование государственного долга — вроде бы, неразрешимая проблема. Программа МВФ исходила из того, что отечественные держатели ценных бумаг при наступлении сроков погашения возобновят их

(реинвестируют); единственный вопрос заключался в том, по какой цене. Если бы правительство умело успешно собирать налоги, то процентные ставки в конечном счете снизились бы до приемлемого уровня, скажем, до 25%, и кризису был бы положен конец. Но в этих рассуждениях специалисты МВФ упускали из виду тот факт, что значительная доля облигаций принадлежала отечественным держателям, которые могли возобновить покупку ГКО, по которым истекали сроки, по любой цене. Компании были вынуждены платить налоги, но они уже не могли реинвестировать в ГКО соответствующие суммы. Однако еще важнее, что банковский сектор, за исключением принадлежащего государству Сбербанка, покупал ГКО на заемные средства. В связи со снижением активности на рынке акций и облигаций большинство банков стали неплатежеспособными, а те, что еще оставались платежеспособными, лишились возможности возобновлять свои кредитные линии. В результате они не только перестали быть покупателями, но вынуждены были ликвидировать некоторые из своих активов, чтобы внести гарантийные депозиты. Значительная часть средств была заимствована у иностранных банков, некоторые из этих банков даже попытались изъять свои средства. Массовый сброс деноминированных в долларах российских долговых обязательств привел к их обесценению до рекордно низкого уровня. Разрастался полномасштабный банковский кризис.

Обычно банковскому кризису противодействует центральный банк путем вмешательства и предоставления наличных средств, а также ссужая деньги под залог и льготные проценты; но в данном случае центральный банк не мог этого делать в соответствии с условиями МВФ. В результате ситуация становилась, вроде бы, неразрешимой.

В пятницу, 7 августа я позвонил Анатолию Чубайсу, который находился в отпуске, и Егору Гайдару, который оставался «на хозяйстве». Я сказал им, что ситуация критическая: правительство не в состоянии будет после сентября, возобновить свой долг, даже если будет получен второй транш кредита МВФ. Ситуация усугублялась тем, что украинское правительство было на грани дефолта в связи с предстоящей в ближайший вторник выплатой по 450-миллионной ссуде *Nomura Securities*. В таких условиях я не мог согласиться участвовать в промежуточном кредите: риск дефолта был слишком велик. Я видел лишь один выход: образовать достаточно большой синдикат, который покрыл бы потребности российского правительства до конца года. Он должен был базироваться на партнерстве государства и частного сектора. Группа «Связьин-вест» могла бы участвовать в нем, скажем, суммой в 500 млн. дол., однако частный сектор один не мог бы предоставить требуемую сумму. Я поинтересовался, сколько потребуется. Гайдар ответил, что нужны 7 млрд. дол. Это предполагало, что Сбербанк, единственный банк, располагавший крупными вкладами населения, сможет предоставить свои активы. В то время население не изымало вклады из банков в крупных масштабах. «Сказанное означает, что синдикат должен будет располагать 10 млрд. дол., — заметил я, — чтобы восстановить доверие населения». Половина средств должна была бы поступить из иностранных правительственных источников, например Фонда валютной стабилизации (который находится под контролем Казначейства США), а другая половина — из частного сектора. Синдикат начнет действовать, когда в сентябре будет получен второй транш кредита МВФ. Он будет гарантировать годовые ГКО, начиная, скажем, с 35% годовых, постепенно снижая доходность до, например, 25%. (В тот момент доходность составляла 90%.) Программу следовало бы объявить заранее; это побудило бы инвесторов покупать ГКО: имело бы смысл инвестировать деньги под 35%, если в рамках надежной программы предполагается к концу года снизить их доходность до 25%. В случае успеха реально была бы израсходована лишь небольшая часть из 10 млрд. дол. Объединить государственный и частный компоненты плана было бы нелегко, но я был готов попытаться сделать это. Гайдар, понятно, проявил энтузиазм.

Я позвонил Дэвиду Липтону, заместителю министра финансов США, ведающему международными делами. Он был полностью в курсе проблемы, но они даже не

помышляли об использовании Фонда валютной стабилизации. Конгресс был решительно настроен против оказания спасительной финансовой помощи. Я сказал, что мне это известно, но я не вижу альтернативы. Наблюдается паника, и в наших национальных интересах поддержать правительство России, ориентированное на реформы. Если будет привлечен частный сектор, это должно сделать план спасения более приемлемым в политическом отношении. Тем не менее России следовало провести активную работу на Капитолийском холме. Будет также крайне трудно вовлечь частные институты, поскольку они включают инвестиционные банки и спекулятивных инвесторов, подобных нам, и государству оказывается значительно сложнее мобилизовать их средства, чем ресурсы крупных коммерческих банков.

С целью изучить все альтернативы я еще раз позвонил Гайдару и спросил его, можно ли будет ввести штраф для тех держателей ГКО, которые захотят при погашении обязательств получить наличными. Гайдар ответил, что это подорвет репутацию ГКО. И он, конечно, был прав.

Я полагаю, что без реализации моего плана правительство ожидает дефолт с катастрофическими последствиями; даже в случае осуществления этого плана большинство российских банков прекратят существование, но было бы ошибкой даже пытаться спасти их.

Вторник, 11 августа (вечер)

Рубль («слот») = 6,30

Рубль (форвардные контракты) = 91%

ГКО = 147%

Prins = 23,92%

Standard & Poor = 1068,98

30-летние казначейские облигации США = 5,60%

В понедельник я провел краткие переговоры с Липтоном. Правительство США еще не приняло решения. Он обещал позвонить еще раз. Во вторник на российском финансовом рынке произошел обвал. Торги на фондовой бирже были временно приостановлены. Государственные облигации упали еще ниже. Это затронуло даже международные рынки. Предложенный мною план больше не годился. Стабилизировать рынок мог бы пакет помощи на сумму минимум в 15 млрд. дол., но рассчитывать на то, что какой-либо частный инвестор предоставит свои деньги, было уже невозможно. Липтон направился в Москву, не позвонив. По слухам, он был раздражен тем, что ему нечего предложить Москве. Я решил направить в газету *Financial Times* следующее письмо:

«Сэр, неурядицы на российских финансовых рынках достигли критической стадии. Банкиры и брокеры, которые заимствовали средства под ценные бумаги, неспособны вносить гарантийные депозиты, а вынужденный сброс ценных бумаг охватил как рынок акций, так и рынок облигаций. Фондовый рынок вынуждены были временно закрыть, так как расчеты по сделкам уже не совершались; цены государственных облигаций и казначейских обязательств резко упали. Хотя продажи были временно прекращены, существует опасность того, что население снова начнет изымать деньги со сберегательных счетов. Надо действовать немедленно.

Беда в том, что действия, необходимые в связи с банковским кризисом, диаметрально противоположны действиям, согласованным с МВФ в связи с бюджетным кризисом. Программа МВФ предусматривает жесткую монетарную и фискальную политику; банковский кризис предполагает вливание наличных средств. Оба эти требования трудно примирить без дальнейшей международной помощи. При составлении

программы МВФ исходили из того, что правительственные облигации будут покупать при следующих условиях: государство станет собирать налоги и сократит расходы, процентные ставки снизятся и кризис пойдет на убыль. Это допущение оказалось ошибочным, поскольку большая часть неоплаченного долга состояла из маржи, а кредитные линии невозможно было возобновить. Существует нехватка финансовых ресурсов у государства, и ее необходимо покрыть. Нехватка станет еще острее, если население начнет изымать депозиты.

Наилучшим решением было бы введение валютного управления после умеренной девальвации в 15—20%. Девальвация необходима, чтобы компенсировать снижение цен на нефть и уменьшить сумму резервов, требуемых при валютном управлении. Это также поставило бы в невыгодное положение держателей государственных долговых обязательств, деноминированных в рублях, и отвело бы упреки в адрес правительства.

Потребуется резервы примерно в 50 млрд. дол.:

23 млрд. для покрытия М1 (денежных средств в обращении) и 27 млрд. дол. для покрытия недостачи в рефинансировании внутреннего долга в следующем году. У России имеются резервы в 18 млрд. дол., МВФ обещал 17 млрд. дол. «Большая семерка» (G 7) должна предоставить 15 млрд. дол., что позволит ввести валютное управление. Спасать банковскую систему уже не потребуется. За исключением немногих институтов, держателей государственных депозитов, банки сами сумеют защитить себя. Цены государственных облигаций немедленно возрастут, и тогда выживут наиболее здоровые финансовые учреждения. Примерно 40 млрд. дол. в иностранной валюте находятся у россиян на руках. При введении валютного управления у них может возникнуть соблазн купить деноминированные в рублях государственные облигации, которые сулят привлекательный доход. В этом случае резервный кредит G 7, возможно, даже не придется использовать. Снижение процентных ставок поможет правительству добиться своих фискальных целей.

Если бы страны G 7 были готовы предоставить 16 млрд. дол. немедленно, ситуацию удалось бы стабилизировать даже без валютного управления, хотя для этого потребуется больше времени, а ущерб будет серьезнее. Без введения валютного управления будет также трудно осуществить ограниченную валютную корректировку, так как будет невозможно сопротивляться давлению в сторону дальнейшей девальвации, — такая ситуация имела место в Мексике в 1994 г.

Если действия будут откладываться, стоимость операции по спасению возрастет. Неделю назад она обошлась бы в 7 млрд. дол. К сожалению, международные финансовые организации не осознали остроты ситуации. Альтернативами будут дефолт или гиперинфляция. Любая из них будет иметь катастрофические финансовые и политические последствия».

Четверг, 13 августа

Рубль («слот») = 6,35

Рубль (форвардные контракты) = 162%

ГКО = 149%

Prins = 23,76%

Standard & Poor = 1074,91%

30-летние казначейские облигации США = 5,65%

После того как я написал письмо в *Financial Times*, заместитель председателя Центрального банка России ввел некоторые ограничения на конвертируемость рубля. Это оказало опустошительное воздействие на российский рынок: при открытии торгов цены акций снизились на 15%, а потом уже существенно не возросли. Моему письму уделили значительное внимание, но упор был сделан на защиту девальвации, а не на предложение ввести валютное управление. Это стало одним из факторов того, что впоследствии назвали «черным четвергом». Это вовсе не входило в мои намерения. Я счел себя обязанным выступить с новым заявлением следующего содержания:

«Неурядицы на российских финансовых рынках вызваны не тем, что я сказал или сделал. У нас нет «коротких» позиций в рублях и намерения обесценивать валюту. Более того, наш портфель от девальвации только пострадает».

Цель моего письма в *Financial Times* заключалась в том, чтобы предупредить правительства G 7. Хотя российское правительство делает все, что в его силах, чтобы справиться с ситуацией, оно не сумеет добиться успеха без дополнительной помощи из-за рубежа.

Пятница, 14 августа

Рубль («спот») = 6,35
Рубль (форвардные контракты) = 162,7%
ГКО = 172%
Prins = 23,01%
Standard & Poor = 1062,75
30-летние казначейские облигации США = 5,54%

Я имел переговоры с министром финансов США Рубиным и подчеркнул остроту вопроса. Он полностью сознавал это, но остальные правительства G 7 не разделяли его озабоченность; к тому же до них трудно было добраться из-за нерабочих дней. Мне позвонил сенатор Митч МакКоннелл, и я настоятельно советовал ему связаться с министром финансов Рубиным и заверить его в поддержке республиканцами предстоящей весьма рискованной операции. Поздно вечером мне позвонили от Кириенко. Он все еще рассчитывал на промежуточный кредит в 500 млн. дол., но это было уже нереально. Я предложил прибыть в Москву для обсуждения более широкого круга вопросов, если это принесет пользу.

Воскресенье, 16 августа, вечер

Рубль («спот») = 6,35
Рубль (форвардные контракты) = 162,7%
ГКО = 172%
Prins = 23,01%
Standard & Poor = 1062,75
30-летние казначейские облигации США = 5,54%

Большую часть выходных дней я провел в России. Я дал интервью на радиостанции «Эхо Москвы» с объяснением своей позиции, и мое заявление было зачитано по Российскому телевидению. Я надеюсь, что сумел исправить ложное впечатление, будто я настаивал на девальвации и как-то мог выиграть от нее. Несколько раз я разговаривал с Гайдаром. Подготовил статью с обоснованием решения о введении валютного управления и направил ему для одобрения. Только что (6 ч. 30 мин. утра, московское время) он сказал мне, что разговаривал с Ларри Саммерсом (заместителем министра финансов США) и никакой помощи ждать не приходится; им надо будет действовать в одностороннем порядке. Я сказал, что моя статья теряет смысл, но он настаивал на ее опубликовании. Я отказался.

Вторник, 18 августа

Рубль («слот»)	= 6,80
Рубль (форвардные контракты)	= 305%
ГКО	-
Prins	= 29,41%
Standard & Poor	= 1101,20
30-летние казначейские облигации США	= 5,56%

В понедельник начался сущий ад. Россия ввела мораторий и расширила валютный коридор, фактически девальвируя рубль на 35%. Российским банкам запретили выполнять свои обязательства перед иностранными кредиторами, и это было хуже всего. Это создало панику среди иностранных контрагентов, которые сбрасывали российские ценные бумаги по любой цене. Дэвид Липтон попросил у меня технических пояснений и предложил мне написать для них памятную записку.

Перечитав ее, я счел ее несколько односторонней. Я пытался внушить мысль, что еще не поздно искать конструктивного выхода из кризиса в России. Правительства стран G 7 могли бы предоставить твердую валюту, необходимую для введения валютного управления, при условии принятия Думой законов, необходимых, чтобы выполнить требования МВФ. Имелись две возможности: Дума соглашается на это или отказывается от предложения. В первом случае курс рубля восстанавливается, рублевый долг удается реструктурировать упорядоченным образом и появляется возможность проводить структурные реформы (объявлять банкротство компаний, которые не платят налоги, и т.д.). Большинство российских банков потерпят крах, а международные банки и фонды, заключившие с ними контракты, понесут убытки; однако обязательства российского правительства приобретут определенную ценность, лучшие банки выживут, а кризис будет приостановлен. Во втором случае кризис продолжится, но ответственность за него ляжет на Думу. Ельцин мог бы распустить Думу, назначить выборы и проводить реформы. В случае успеха реформ электорат поддержал бы их. Но даже если бы Ельцин оказался не на высоте или реформы не достигли успеха, мы сделали бы все возможное, чтобы сохранить дух реформ в России. Это была весьма рискованная стратегия, но ничего не делать — значит подвергаться еще большему риску.

Суббота, 22 августа

Рубль («спот»)	= 7,15
Рубль (форвардные контракты)	= 443%
ГКО	-
Prins	= 36,05%
Standard & Poor	= 1081,18
30-летние казначейские облигации США	= 5,43%

Международные рынки серьезно пострадали от российского кризиса в последние два дня. Например, на немецком фондовом рынке цены в пятницу упали на 6%. Меня удивило, что потребовалось столько времени для снижения цен дешевых акций. Мой партнер уверяет меня, что цены на фондовом рынке в пятницу достигли удачного временного «дна», а мы покупали акции и продавали опционы «пут». Кстати говоря, мы не совершали сделок с российскими ценными бумагами в течение всего периода эксперимента в режиме реального времени.

Я пытался довести свою идею до любого, кто готов был слушать, но это было бесполезно. Это помогло бы улучшить политическую ситуацию в России. Сейчас Дума уже не примет законы, а МВФ не предоставит второго транша кредита. Лишившись перспективы получить деньги из-за рубежа в обозримом будущем, Ельцин вынужден будет

отправить в отставку нынешнее правительство и искать другую поддержку внутри страны. Но где? — Олигархи роковым образом ослаблены. Остаются «Газпром» и некоторые нефтяные компании. Значит, опять Черномырдин? Он, конечно, рассчитывает на это. Однако никакой режим не добьется успеха, если отсутствует политическая воля исправить структурные изъяны. Пределы дальнейшего ухудшения ситуации неясны.

Воскресенье, 23 августа

Рубль («спот») = 7,15

Рубль (форвардные контракты) = 444%

ГКО

Prins = 36,05%

Standard & Poor = 1081,18

30-летние казначейские облигации США = 5,43%

Ельцин отправил в отставку правительство и назначил Черномырдина. За дальнейшие предсказания я не берусь.

Среда, 26 августа

Рубль («спот») = 10,00

Рубль (форвардные контракты) = 458%

ГКО

Prins = 42,83%

Standard & Poor = 1084,19

30-летние казначейские облигации США = 5,42%

Предела глубине кризиса — нет. Распад российской банковской системы происходит беспорядочным образом. Банки приостановили платежи, и население охватила паника. Условия обмена ГКО были объявлены и поначалу встретили довольно неплохой прием, однако рубль перешел в состояние свободного падения, так что предлагаемые условия практически стали бессмысленными. Международная финансовая система переживает неурядицы. Имеются, похоже, невыполненные валютные контракты на сумму в 75—100 млрд. дол., и неизвестно, когда они будут выполнены. Кредитное агентство снизило рейтинг крупнейшего коммерческого банка Германии. В международные межбанковские сделки по свопам был внесен некоторый элемент кредитного риска. Вероятно, он будет иметь кратковременный характер, но это может вскрыть другие слабые места из-за массированного использования заемных средств. Фондовые рынки Европы и США содрогнулись, но к ним скорее всего вернется спокойствие. Кризис в России носит весьма серьезный характер и будет иметь неисчислимы политические и социальные последствия.

На этом месте я прекращаю свой эксперимент в режиме реального времени, поскольку я более не являюсь активным участником событий. Эти события представляют собой наглядную и довольно страшную иллюстрацию многих положений, которые я пытаюсь изложить в настоящей книге в более абстрактной форме. Меня особенно страшит то, что в Министерстве финансов США действовала отличная команда, а в России было наилучшее правительство во всей ее постсоветской истории; тем не менее кризис нельзя было предотвратить. Я также недоволен собственной ролью.

Я полностью сознавал, что система грабительского капитализма несостоятельна и неустойчива, и я довольно часто говорил об этом; тем не менее я позволил втянуть себя в сделку по «Связьинвест». Для этого были основательные причины, но факты — упрямая вещь — сделка не удалась. Это была самая неудачная инвестиция в моей профессиональной карьере. Когда я ездил по России в октябре 1997 г., я был поражен безответственностью иностранных инвесторов, ссужающих большие суммы денег российским муниципалитетам,

которые неудачно использовали средства. Однако я не стал спасаться бегством. Мое письмо в *Financial Times* также имело непредвиденные негативные последствия. Я не жалею о том, что пытался помочь России двигаться в направлении открытого общества. Мои усилия не увенчались успехом, но я по крайней мере пытался. Я весьма сожалею о своей инвестиционной деятельности. Это показывает, насколько трудно совмещать две роли.

Предвидя будущее

Теперь я возвращаюсь к анализу более общего, глобального процесса спад — подъем. Я остановлю часы и буду рассматривать предстоящие события просто как будущее, хотя эти события будут разворачиваться по мере подготовки книги. В каком-то смысле я приступаю к еще одному эксперименту в режиме реального времени. Я попытаюсь использовать свою концепцию истории, чтобы предсказать, что нас ждет впереди; события, по мере их развертывания, будут служить проверкой обоснованности моих предсказаний. Это не будет научная проверка, так как я буду корректировать свою схему спад — подъем с учетом складывающейся и постоянно меняющейся ситуации. Как я указывал ранее, попытки предсказать будущее — это скорее алхимия, чем наука.

До последнего времени я полагал, что мы находимся в фазе 3 модели спад — подъем, а именно на этапе сурового испытания. Если мировая капиталистическая система выдержит это испытание, то она вступит в период ускорения, которое приведет ее в режим, далекий от равновесного. Если же система не выдержит испытаний, то для нее наступит момент истины. Еще 16 августа 1998 г. я считал, что кризис в России как раз и означал такой момент истины. Однако мое понимание ситуации не соответствует нынешнему положению дел. На самом деле предстоит период заката, за которым последуют переходный момент и катастрофическое скольжение вниз. Но похоже, что мы продвинулись по этому пути значительно дальше, чем я полагал ранее. Я считаю теперь, что кризис в России представляет собой переходный момент, когда тенденция, которая уже изменила направление, подкрепляется инерционностью системы, грозя катастрофическим коллапсом. Время, прошедшее с начала тайландского кризиса, можно считать периодом заката, когда люди продолжали вести дела, как обычно, смутно ощущая, что все идет не так, как надо. Но когда же наступил момент истины? Кроме того, новая интерпретация означала бы надвигающийся коллапс финансовых рынков в центре, а это могло бы оказаться неверным.

1 сентября на фондовых рынках произошел временный обвал цен при большом предложении, а в конце недели ситуация повторилась, но при меньшем объеме сделок. Я считаю, что это было ложное «дно»; мы являемся свидетелями рынка «медведей», и цены акций в конечном счете снизятся еще больше. Однако спад может оказаться более продолжительным, чем это следует из модели спад — подъем, которую я предложил. Я понимаю, что нужна какая-то иная схема и предпочитаю сказать об этом открыто, а не просто переписать то, что я написал раньше. (Более того, я доволен, что события не соответствуют в точности разработанной мною модели спад — подъем, так как опасался, что втискиваю историю в изобретенную мною схему.) Вместо того чтобы подправить прежнюю модель, я разработаю новую — специально для этого случая. Это намерение согласуется с оговорками, которые я сделал, приступив к применению анализа спад — подъем к мировой капиталистической системе. У системы имеются центр и периферия. Это помогает объяснить, почему процесс дезинтеграции продлится значительно дольше и произойдет в разное время в различных частях системы. Моя новая гипотеза относительно динамической структуры нынешнего кризиса заключается в следующем.

Мировая капиталистическая система подверглась серьезному испытанию — произошел мексиканский кризис 1994—1995 гг., но она пережила так называемый эффект «текилы» и вышла из кризиса еще сильнее, чем когда-либо. Именно тогда наступил период ускорения, а бум становился все более нездоровым. Тот факт, что держатели мексиканских

казначейских обязательств вышли из кризиса невредимыми, оказался дурным примером для спекулянтов российскими казначейскими обязательствами. Поворотный пункт наступил вместе с тайландским кризисом в июле 1997 г. Он обратил вспять поток денежных средств. Я понимал, что музыка отзвучала, особенно применительно к России, и так и сказал тогда об этом, но я серьезно недооценил остроту проблемы. Я предвидел испытание с неопределенным исходом, подобное мексиканскому кризису 1994—1995 гг., но не окончательное изменение тенденции.

Поначалу этот поворот казался благотворным для финансовых рынков центра по причинам, которые я уже объяснил, а оживление в центре внушало надежду периферии. На азиатских фондовых рынках была возмещена почти половина потерь в местных валютах до того, как начался новый спад. Это можно было бы истолковать как период заката. В конечном счете спад затронул и финансовые рынки центра системы. Сперва он был постепенным, а поток средств во взаимных фондах оставался положительным, однако кризис в России ускорил сброс ценных бумаг, что можно было бы по некоторым признакам, но не по всем, принять за рыночное «дно». Я считаю, что это было ложное «дно», точно так же, как нижняя точка на азиатских фондовых рынках в 1997 г. оказалась ложным «дном». Я ожидаю, что активность на рынке восстановится до 50%-ного уровня, но не исключаю возможность дальнейшего спада, прежде чем начнется подъем. В конечном счете ситуация намного ухудшится и приведет к мировому спаду. Дезинтеграция мировой капиталистической системы будет препятствовать подъему, так что спад реально превратится в депрессию.

Имеются три причины, почему я считаю, что самая низкая точка кризиса еще не достигнута. Одна из них состоит в том, что российские неурядицы выявили ранее игнорировавшиеся изъяны в мировой банковской системе. Банки занимаются свопами, форвардными сделками и вторичными операциями между собой и со своими клиентами. Эти транзакции не фигурируют в балансах банков.

Когда произошел дефолт российских банков по своим обязательствам, западные банки ощутили это применительно к собственным средствам и средствам своих клиентов. Хедже-вые и другие финансовые фонды также понесли крупные убытки. Теперь банки лихорадочно пытаются уменьшить риск и ограничить использование заемных средств. Их собственные акции резко упали в цене, и вырисовывается глобальное «сжатие» кредита.

Вторая причина состоит в серьезном обострении трудностей на периферии системы: отдельные страны стремятся теперь выйти из мировой капиталистической системы или попросту уходят в сторону. Сперва в Индонезии, а затем в России произошел почти полный экономический крах. То, что случилось в Малайзии и в меньшей степени в Гонконге, имеет еще более зловещий смысл. Крах в Индонезии и России был непреднамеренным, но Малайзия сознательно отгородилась от мировых рынков капитала. Это принесло экономике Малайзии временное облегчение и позволило ее правительствам удержаться у власти, но ускорило общее бегство капитала с периферии, оно оказало дополнительное давление на тех соседей, которые стремились сохранить свои рынки открытыми. Если бегство капитала принесет Малайзии выгоды по сравнению с ее соседями, такая политика вполне может найти подражателей.

Третий важный фактор, действующий в направлении дезинтеграции мировой капиталистической системы, это явная неспособность международных монетарных властей укрепить ее единство. Программы МВФ, похоже, не срабатывают, и Фонд лишился средств. Реакция правительств стран *G 7* на российский кризис была прискорбно неадекватной, а утрата контроля внушает настоящий страх. Между тем финансовые рынки ведут себя довольно своеобразно: они не терпят какого-либо вмешательства со стороны государства, но сохраняют глубокую веру в то, что, если условия действительно резко ухудшатся, власти вмешаются. Теперь эта вера поколеблена.

Рефлексивное взаимодействие трех названных факторов подводит меня к выводу, что мы прошли переходный момент и поворот тенденции подкрепляется поворотом в

преобладающих ожиданиях. То, как будут развиваться события, во многом зависит от реакции банковской системы, инвесторов и властей в центре системы. Размах возможных исходов колеблется между обвалом фондовых рынков и более затяжным процессом ухудшения их состояния.

Я считаю последний вариант более вероятным. Шоковое состояние международной финансовой системы скоро уляжется; вынужденная ликвидация активов прекратится. Один из основных источников трений — сильный доллар и слабая иена — уже преодолен. Еще один источник беспокойства — Гонконг, похоже, нашел способ вернуть себе контроль над собственной судьбой. Россия списана со счетов. Предвидится понижение процентных ставок. Цены акций упали настолько, что многие из них представляются привлекательными. Публика поняла, что имеет смысл приобщиться к вечному рынку «быков», но пройдет время, прежде чем она осознает, что рынок «быков» не может продолжаться вечно. Поэтому потребуется некоторое время для того, чтобы проявилось действие трех негативных факторов.

А за ложной зарей последует продолжительный рынок «медведей», как это случилось в 30-е годы и происходит в Азии в настоящее время. Публика начнет сбрасывать акции в пользу инструментов денежного рынка или казначейских обязательств. Эффект богатства возьмет верх, и потребительский спрос будет сокращаться. Снизится также спрос на инвестиции: прибыли испытывают давление, импорт растет, а экспорт сокращается; к тому же уменьшилось предложение капитала для менее устойчивых предприятий и операций с недвижимостью. Снижение процентных ставок несколько затормозит спад на рынке, и экономика в конечном счете оправится при условии, что сохранится мировая капиталистическая система. Однако вероятность ее распада существенно возросла. Если когда-нибудь и произойдет замедление роста экономики США, то уменьшится готовность терпеть значительный дефицит во внешней торговле, а это может поставить под угрозу режим свободной торговли.

Ранее я думал, что Азиатский кризис приведет к окончательному триумфу капитализма: китайские семьи, живущие за рубежом, уступят место многонациональным компаниям, а «азиатская модель» будет поглощена мировой капиталистической моделью. Такой ход событий все еще возможен, но сейчас более вероятно, что страны периферии будут все чаще выходить из системы — это будет происходить по мере того, как будут уменьшаться их шансы привлечь капитал из центра. Банки и портфельные инвесторы понесли серьезные убытки, и многие потери еще предстоят. России, очевидно, грозит дефолт по долларовым обязательствам. Придется также признать убытки в Индонезии. Акционеры банков не простят потерь на периферии: они не захотят увеличивать свои потери. Вливание денег в периферию возможно лишь на основе международных действий правительств, однако признаки международного сотрудничества пока отсутствуют.

Такая последовательность событий отличается от первоначальной модели спад — подъем главным образом продолжительностью и сложностью периода спада. Период бума характеризовался обычным самоподкрепляющимся взаимодействием пристрастных оценок и тенденций. Бум прошел успешное испытание в ходе мексиканского кризиса 1994—1995 гг., за которым последовал период ускорения. Необычным является именно период спада, поскольку он состоит из двух стадий. На первой стадии на фондовых рынках бум продолжался благодаря отсутствию монетарных ограничений и обратному притоку средств. На второй стадии спад охватывает и центр, и периферию, и оба процесса подкрепляют друг друга в направлении свертывания активности. Спады обычно бывают довольно короткими; на этот же раз он продлился и происходит в разное время в различных частях системы. Когда он произошел на периферии, то был довольно компактным; но мы все еще не знаем, как долго он будет продолжаться в центре. Продолжительность спада свидетельствует о сложности мировой капиталистической системы.

Было очевидно, что дисбаланс между центром и периферией на первой стадии спада сохранить нельзя. Либо в центре произойдет спад до подъема на периферии, либо —

наоборот. Первый вариант был более вероятным, но его нельзя было предсказать с абсолютной достоверностью. Кризис в России внес определенность в этот вопрос. Как и в случае с Таиландом, влияние событий в России оказалось более значительным, чем многие ожидали, включая меня самого. Я довольно мрачно оценивал события в России, но я не осознал последствий для свопов, операций с производными бумагами и межбанковского рынка, пока они реально не наступили.

Следует напомнить, что моя первоначальная модель спад — подъем имеет восемь фаз. Фаза 4 — это момент истины, а фаза 5 — период заката. Неясно, как эти фазы вписываются в специальную модель, построенную мной для мировой капиталистической системы. Кто-то может сказать, что время между тайландским кризисом в июле 1997 г. и российским крахом в августе 1998 г. — период заката. Но где же тогда момент истины? Возможно, лучше пока не задавать вопросов. Модели не следует воспринимать слишком буквально. В исторических событиях нет ничего детерминированного. Каждая последовательность событий — уникальна. В советской системе момент истины уже наступил, когда Хрущев произнес свою речь на XX съезде Коммунистической партии; возможно, у капиталистической системы такого момента не будет. Быть может, нас ожидает иной ход событий: ложная заря усыпит чувство опасности и позволит следующему так называемому внешнему шоку собрать свою печальную дань.

Крах мировой капиталистической системы можно предотвратить в любое время путем вмешательства международных финансовых властей. Но перспективы туманны, поскольку правительства стран G 7 только что не сумели вмешаться в события в России; тем не менее последствия этой неудачи могут послужить сигналом к пробуждению. Возможно, крах в России все-таки окажется моментом истины. Существует настоятельная необходимость переосмыслить и реформировать мировую капиталистическую систему. Как показали события в России, если проблемам позволить накапливаться дальше, они становятся все более труднопреодолимыми.

8. КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ КРАХ

При каждом финансовом кризисе происходит переоценка ценностей. Однако в настоящее время круг обсуждаемых проблем сузился. Дискуссия крутится вокруг необходимости улучшить контроль за банками и обеспечить получение достаточных и достоверных данных по каждой стране. Ключевыми словами стали «прозрачность» и «информация». Горячо обсуждается вопрос, следует ли МВФ обнародовать его точку зрения на состояние дел в отдельных странах.

Иногда обсуждается также вопрос, следует ли регулировать деятельность хеджевых фондов и ограничить краткосрочное движение капиталов. Преобладающее представление о механизме функционирования финансовых рынков не претерпело изменений. Предполагается, что при наличии совершенной информации рынки сами позаботятся о себе; следовательно, основная задача — сделать доступной необходимую информацию и избежать вмешательства в рыночный механизм. Цель по-прежнему заключается в том, чтобы навязать рынку дисциплину.

Однако необходимо расширить рамки дискуссии. Пора признать, что нестабильность внутренне присуща финансовым рынкам. Навязывать рынкам дисциплину — значит навязывать им нестабильность, а какую степень нестабильности общество еще может выдержать? Дисциплину рынка следует дополнить еще одним видом дисциплины: поддержание стабильности на финансовых рынках должно быть открыто сформулировано в качестве цели государственной политики.

Попросту говоря, выбор, стоящий перед нами, сводится к следующему: станем ли мы регулировать мировые финансовые рынки в международном масштабе или предоставим каждой стране право защищать собственные интересы такими средствами — как это ей удастся. Второй путь, несомненно, приведет к краху гигантской циркулярной системы, которая известна под названием «мировой капитализм». Суверенные государства могут действовать как клапаны внутри этой системы. Они не могут противостоять притоку капитала, но они определенно противодействуют его оттоку, как только сочтут его присутствие постоянным.

Чрезвычайные меры

Наиболее настоятельная потребность — приостановить отток капитала. Это обеспечило бы сохранение лояльности периферии по отношению к мировой капиталистической системе, что в свою очередь успокоило бы финансовые рынки в центре и ослабило бы последующий спад. Целесообразно снизить процентные ставки в США, но уже недостаточно просто приостановить отток капитала с периферии. Следует непосредственно адресовать периферии ликвидные средства. И сделать это необходимо весьма срочно, поскольку Бразилия все еще страдает от бегства как иностранного, так и отечественного капитала и уже не может жить с заоблачными процентными ставками. Процентные ставки в Корее и Таиланде снизились, но рискованная премия по внешнему долгу во всех периферийных странах остается непомерно высокой.

В статье, опубликованной в *Financial Times* 31 декабря 1997 г., я предложил создать Международную корпорацию страхования кредита. Предложение было

преждевременным, так как обратное движение капитала еще не стало прочно утвердившейся тенденцией. Следует напомнить, что за корейским кризисом ликвидности в конце 1997 г. последовала ложная надежда, которая дожила до апреля 1998 г. Мое предложение тогда не возымело действия, но теперь наступил его черед.

Президент Клинтон и министр финансов Роберт Рубин высказались за необходимость создать фонд, который позволил бы странам периферии, проводящим разумную экономическую политику, вновь получить доступ к международным рынкам капитала. Они упомянули цифру в 150 млрд. дол., и, хотя они об этом не сказали, я полагаю, что они имели в виду финансировать этот фонд за счет нового выпуска специальных прав заимствования (*SDR*). Хотя их предложение не получило большой поддержки на ежегодном собрании МВФ в октябре 1998 г., я считаю, что это как раз то, что нужно. Гарантии ссуд можно было бы предоставить таким странам, как Корея, Таиланд и Бразилия, что немедленно успокоило бы международные финансовые рынки. Впрыскивание ликвидных средств в периферию, в соответствии с предложением США, позволило бы избежать снижения процентных ставок в центре, что обеспечило бы более удачный баланс в мировой экономике.

Как мы видели, программы МВФ в Таиланде и Корее не принесли ожидаемых результатов, поскольку они не предусматривали процедуры преобразования долга в капитал. Внешний баланс этих стран был восстановлен ценой резкого сокращения внутреннего спроса, однако финансовое положение банков и компаний продолжает ухудшаться. Судя по нынешнему состоянию дел, эти страны обречены на депрессию в течение продолжительного времени. Процедура преобразования долга в капитал помогла бы расчистить путь для подъема экономики страны, но одновременно заставила бы международных кредиторов согласиться на списание убытков. Они не захотят и не сумеют предоставить кредит, что сделает невозможным проведение этой процедуры — ведь для нее необходимо найти альтернативный источник международных кредитов. Вот здесь-то и пригодилась бы система международных гарантий кредита. Она существенно снизила бы стоимость заимствований и помогла бы соответствующим странам обеспечить более высокий уровень финансирования внутреннего спроса, чем в настоящее время. Это помогло бы не только соответствующим странам, но и мировой экономике в целом и стало бы настоящей наградой за принадлежность к мировой капиталистической системе, отбив охоту выходить из нее на малазийский манер.

Бразильский случай — более сложный. После того как Конгресс США неохотно одобрил предоставление дополнительного капитала, МВФ будет в состоянии предложить пакет спасительных мер для Бразилии. Чтобы они могли успокоить рынки, суммы должны быть достаточно весомыми: в качестве исходной цифры в официальных источниках называют 30 млрд. дол., которые должны быть дополнены обязательствами коммерческих банков сохранять их кредитные линии. Едва ли нужно добавлять, что Бразилии потребуется предпринять решительные меры для снижения бюджетного дефицита. Но и при этом существует реальная опасность того, что программа потерпит неудачу. Хотя в пакете мер может быть учтена потребность рефинансировать внешний долг Бразилии, эти меры тем не менее не способны обеспечить существенное снижение внутренних процентных ставок без того, чтобы остановить бегство капитала. При нынешнем уровне процентных ставок в 40% рефинансирование внутреннего долга увеличило бы бюджетный дефицит еще на 6%, а это перевесило бы любое возможное «затягивание поясов». Столь сложной ситуацию делает система гарантирования кредита — она не предназначена для рефинансирования внутреннего долга.

Тем не менее тот факт, что она позволит делать международные заимствования, окажет косвенное воздействие на процентные ставки внутри страны, а это, возможно, предопределит успех плана.

В настоящее время европейские центральные банки решительно противятся выпуску специальных прав заимствования (*SDR*), опасаясь инфляционных последствий.

Сегодня *SDR* ограничены целями гарантирования займов, поэтому они не создадут дополнительных денег; если дело и дойдет до этого, то лишь для того, чтобы заполнить «дыру», образовавшуюся в результате дефолта. Если говорить откровенно, то сопротивление *SDR* основано на доктринерских соображениях. После выборов в Германии левоцентристские правительства находятся теперь у власти почти по всей Европе, а они, возможно, охотнее согласятся на систему гарантирования займов, особенно если от этого будет зависеть улучшение ситуации на важных экспортных рынках. Япония, вероятно, поддержит план, пока он касается Азии, а также Латинской Америки. Таким образом МВФ накопит опыт гарантирования займов, и впоследствии этот метод может получить институциональное оформление. Я полагаю, что это могло бы послужить краеугольным камнем для «новой архитектуры», о которой все говорят.

Долговременные реформы

Неудовлетворительный характер нынешней архитектуры стал совершенно очевиден в ходе мирового финансового кризиса, который возник в Таиланде. Один из ее недостатков — отсутствие адекватного международного органа надзора и регулирования. Банк для международных расчетов установил коэффициенты достаточности собственного капитала для международных коммерческих банков, но право надзора было оставлено за центральными банками соответствующих стран. Однако их деятельность оставляет желать много лучшего. Ограничимся одним примером: центральный банк Кореи потребовал регистрации всех ссуд со сроком более одного года. В результате большинство заимствований предоставляли на срок менее года, а центральный банк не имел никакого представления о сумме выданных кредитов. Согласно стандартам БМР, международные банки, ведущие дела с Кореей, освобождены от создания специальных резервов, поскольку Корея — член Международной организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Это позволяло банкам ссужать деньги Корее. Тот факт, что срок погашения большинства ссуд составлял менее года, затруднил борьбу с кризисом, когда он разразился.

Поведение центрального банка Индонезии представляется еще более сомнительным. В балансе банка имелась, например, статья, показывающая значительный «аванс частному сектору», который сводил на нет значительную часть помощи, полученной от Сингапура. Можно было догадаться, что аванс достался членам семьи Сухарто, которые вывезли доллары из Индонезии. Когда же возник кризис, в здании, где хранились документы, таинственным образом вспыхнул пожар.

МВФ не вправе глубоко вмешиваться во внутренние дела стран-членов, за исключением кризисных периодов, когда страна-член обращается к МВФ за содействием. Он вправе направлять специалистов и проводить консультации, но у него нет ни мандата, ни инструментов для вмешательства в обычное время. Его задача — управление кризисом, а не предупреждение кризиса, поэтому на этот раз ему похвастаться нечем. Я проанализировал недостатки в рецептах МВФ в предыдущих главах, сейчас же следует рассмотреть роль, которую МВФ сыграл в нездоровом расширении международного кредита. Это подводит нас ко второму крупному дефекту нынешней архитектуры финансовой системы — так называемой концепции «морального риска».

Программы МВФ позволили выручать кредиторов и тем самым провоцировали их безответственное поведение; это — серьезный фактор нестабильности международной финансовой системы. Как я пояснил выше, существует асимметрия в отношениях МВФ с кредиторами и должниками. МВФ навязывает условия должникам, но не кредиторам; условия займов позволяли странам-должникам справляться со своими обязательствами лучше, чем они могли бы это делать в противном случае. Такая практика косвенным образом помогала международным банкам и другим кредиторам.

Асимметрия сложилась в ходе международного долгового кризиса 80-х годов, и

она проявилась достаточно отчетливо во время мексиканского кризиса 1994—1995 гг. В результате кризиса иностранные держатели *tesobonos* (мексиканские казначейские векселя, деноминированные в долларах) не пострадали, хотя доход на эти бумаги в момент их покупки сопровождался высокой степенью риска. Когда Мексика уже не могла платить, Министерство финансов США и МВФ вмешались и сняли инвесторов «с крючка». Аналогичная ситуация недавно возникла в России, но Министерство финансов США не посмело провести эффективную операцию по спасению из боязни, что его обвинят в спасении спекулянтов. Как я утверждал в эксперименте в режиме реального времени, США допустили ошибку, отказавшись действовать после того, как спекулянты были наказаны. Я рад отметить, что МВФ — способный ученик. В рамках своей 2,2-миллиардной программы для Украины он поставил новое условие: 80% украинских казначейских векселей следует «добровольно» переоформить в долгосрочные инструменты с длительными сроками выплаты дохода прежде, чем программа начнет действовать. Это приведет к серьезным убыткам для спекулянтов и неосмотрительных банков-кредиторов, так что речь идет о совершенно ином подходе, чем во время спасения Мексики в 1995 г.

Существует несколько причин, почему сложилась асимметрия в отношениях между МВФ, с одной стороны, и должниками и кредиторами, с другой. Основная задача МВФ - сохранить международную финансовую систему. Наказывать кредиторов во время кризиса значило бы нанести большой ущерб западным банкам и рисковать, поскольку возможен крах всей системы. Далее, МВФ нуждается в сотрудничестве со стороны коммерческих кредиторов, чтобы обеспечить успех своим программам, а банки знают, как воспользоваться этим обстоятельством. Международные монетарные власти не имеют достаточных ресурсов, чтобы выступать в качестве кредиторов последней инстанции. Когда разразился кризис, МВФ мог с ним справиться после восстановления доверия со стороны рынка. В ходе Азиатского кризиса некоторые первые программы потерпели неудачу только потому, что не удалось убедить рынки. Наконец, МВФ контролируется странами в центре капиталистической системы, и если бы МВФ наказал кредиторов, это противоречило бы национальным интересам акционеров, владеющих контрольным пакетом акций. Но чтобы система стала более стабильной, требуется именно такая акция: МВФ должен поставить свое вмешательство в зависимость от того, готовы ли кредиторы взять на себя долю убытков. МВФ навязывает условия стране, испытывающей трудности: ему следует также налагать обязательства на кредиторов, особенно если трудности вызваны частным сектором (что имело место в азиатских странах). На практике это означало бы, что МВФ не только соглашается с добровольной реорганизацией компаний, но и содействует ей. Процедуры банкротства будут приводиться в большее соответствие с практикой в передовых странах, что заставит банки брать на себя убытки.

Асимметрию в нынешних действиях МВФ, по моему мнению, исправить нельзя, если не ввести систему гарантирования займов или какой-нибудь другой метод стимулирования международного кредитования и инвестирования. Асимметрия (т.е. моральный риск) вызвала к жизни нездоровый международный инвестиционный бум; при отсутствии асимметрии будет крайне трудно обеспечить достаточные объемы международных инвестиций. Быстрое восстановление формирующихся рынков после мексиканского кризиса 1994 г. носит крайне обманчивый характер. Как мы видели, спасение иностранных держателей мексиканских *tesobonos* послужило окончательным подтверждением асимметрии; неудивительно, что поток капитала усилился, а кредиторы стали еще более неразборчивыми, чем когда-либо раньше. При новом порядке иностранные держатели мексиканских *tesobonos* стали бы свидетелями того, что их ценные бумаги превращаются в долгосрочные государственные облигации, и более осторожно делали бы инвестиции в России и на Украине.

В идеальном случае МВФ следовало бы подождать, пока уляжется мировой финансовый кризис прежде, чем вводить какие-либо изменения в свой порядок работы. Но события помешали осуществлению этого варианта плана. Инвесторы и кредиторы понесли

большие потери и толпами покидают периферию, создавая чрезвычайную ситуацию. Поэтому изменение действующей программы МВФ ничем сейчас не грозит, но позволяет многое выиграть.

Будет ли преобразован долг в капитал или нет? — Маловероятно, чтобы поток средств в страны периферии можно было восстановить без того, чтобы дать кредиторам, страдающим от уже понесенных и ожидаемых убытков, хоть какой-то стимул. Поэтому страховая система гарантирования кредитов должна превратиться в постоянный элемент деятельности МВФ. Это помогло бы значительно усовершенствовать архитектуру мировой финансовой системы. Политика кнута и пряника позволила бы избежать как пиршеств, так и голода в международных потоках капитала. Новый институт, который предположительно останется частью МВФ, будет четко гарантировать международные займы и кредиты в пределах некоторого лимита. Страны-заемщики должны будут предоставлять данные о всех заимствованиях, частных или государственных, застрахованных или не застрахованных. Это позволит властям установить потолок для сумм, которые они готовы страховать. В пределах этих сумм соответствующие страны получили бы доступ к международным рынкам капитала для получения кредитов прайм-рейт плюс скромная комиссия. Сверх этого лимита кредиты будут сопряжены с риском.

Предлагается устанавливать потолок с учетом макроэкономической и структурной политики соответствующей страны, а также общей экономической ситуации в мире. Новый институт будет в сущности функционировать как своего рода международный центральный банк. Он будет стремиться избегать любых эксцессов и получит в свое распоряжение мощный инструмент.

Самая сложная проблема заключается в том, как кредитные гарантии, предоставленные той или иной стране, будут распределяться среди заемщиков этой страны. Разрешить государству делать это — значит создать почву для злоупотреблений. Гарантии следует направлять через уполномоченные банки, которые будут конкурировать между собой. Банки должны подвергаться тщательному надзору, им следует запретить заниматься другими видами деятельности, которые могли бы привести к выдаче необоснованных ссуд и столкновению интересов. Банки должны располагать достаточными резервами в качестве страховки на случай непогашения конкретных ссуд. Короче, потребуются регулировать банки так же тщательно, как это сделали в США после краха банковской системы в период банковской паники 1933 г. На реорганизацию банковской системы и введение соответствующих правил регулирования потребуется время, однако даже простое сообщение о вводимой системе подействует успокаивающе на финансовые рынки, что даст время обдумать ситуацию более тщательно.

Некоторые специалисты усомнятся в том, можно ли вообще решить такую сложную задачу. И без того у МВФ масса противников среди рыночных фундаменталистов, которые выступают против любого вмешательства в функционирование рынка, особенно со стороны какой-либо международной организации. Если банки и участники финансового рынка, которые теперь извлекают пользу из асимметрии, перестанут поддерживать МВФ, маловероятно, чтобы Фонд мог выжить - даже в нынешнем неудовлетворительном виде. Потребуется изменить умонастроение — надо, чтобы правительства, парламенты и участники рынка осознали, что они зависят от выживания системы в целом. Вопрос в том — произойдет ли такой сдвиг в умонастроениях до или после краха системы.

Валютные режимы

Какой бы валютный режим ни был установлен, ему будут неизбежно присущи недостатки. Свободно колеблющимся валютным курсам внутренне присуща нестабильность в результате спекуляций с учетом тенденций на рынке; более того, нестабильность накапливается, так как со временем значение спекуляций на основе

тенденции усиливается. Так же опасны режимы твердых обменных курсов, поскольку их обвал может иметь катастрофические последствия. Примером служит Азиатский кризис. Я часто сравниваю валютные соглашения с брачными договорами. Какой бы режим ни существовал, его противоположность выглядит более привлекательной.

Так что же теперь делать? Предпочтительнее было бы сохранить гибкие обменные курсы, но такая система затруднила бы привлечение капитала в страны периферии. В сочетании со страхованием ссуд это была бы разумная система. Альтернативой служит построение системы твердых обменных курсов, которая не может рухнуть.

В настоящее время в Европе проводится важнейший эксперимент: создание единой валюты. Он основан на убеждении, которое я разделяю, - в долгосрочном плане невозможно иметь единый рынок без общей валюты. Я считаю, однако, что конструкции евро присущи недостатки, поскольку в долгосрочном плане нельзя иметь общую валюту без единой фискальной политики, включая централизованный сбор или перераспределение налогов. Введение единой валюты стало результатом политического решения, поэтому его недостатки также можно будет устранить на основе политических решений.

Другой путь создания режима твердых обменных курсов, который почти не подвержен краху, состоит в введении валютного управления. Это — автоматический механизм, который позволяет выпускать в обращение и изымать из обращения местную валюту, если в валютное управление поступает или из него изымают равноценное количество резервной валюты. В качестве резервной валюты в Гонконге и Аргентине служит доллар США, в бывших французских колониях в Африке — французский франк, в Эстонии и Болгарии — немецкая марка. Идея валютного управления пользуется все большей поддержкой, поскольку этот режим срабатывал лучше, чем менее формальная привязка местной валюты. Но я отношусь к нему скептически, хотя и рекомендовал его для России в качестве последнего средства. При валютном управлении могут стать невыносимыми социальные издержки, поскольку в ходе кризиса нет предела росту процентных ставок. Недавний опыт показал, что даже самое прочное валютное управление не свободно от ошибок. Гонконг готов был заплатить цену, и он пользуется поддержкой китайского правительства, но Гонконг — особый случай; это — прежде всего финансовый центр, который в принципе мог бы существовать бесконечно долго и при завышенном курсе своей валюты. (Это произошло в Швейцарии.) Режим валютного управления сработал и в Аргентине во время кризиса «текиль» в 1995 г., но он небезопасен. Курс аргентинской валюты может оказаться перманентно завышенным в случае девальвации валюты у ее главного торгового партнера — Бразилии, и тогда валютное управление не сможет гарантировать выхода из положения. Аналогичная ситуация может сложиться в Гонконге, если в Китае произойдет девальвация.

С введением евро возникают три главных валютных блока. Япония сталкивается с особыми проблемами, а иена находится в состоянии динамического неравновесия, так что ее на время можно оставить в стороне. Остаются два валютных блока, фунт стерлингов продолжает неуверенно колебаться между евро и долларом, если только Великобритания не решит присоединиться к евро. В прошлом основные валютные блоки сталкивались между собой, вызывая крупные неурядицы на рынках акций и облигаций. Так, непосредственной причиной Азиатского кризиса было повышение курса доллара. Если начать анализ с более ранней даты, то валютные неурядицы восходят к краху на Уолл-стрит в 1987 г. Стремительный рост курса иены в 1995 г. также внес свою лепту, хотя и не вызвал настоящего краха. Потребность в координации политики теперь стала хорошо понятна и получила организационное оформление, однако вера в эффективность скоординированного вмешательства была поколеблена после радужного события - «Соглашения Плаза», когда страны «Большой пятерки» (G 5) согласились сотрудничать в регулировании валютных курсов.

Пора снова вернуться к этому вопросу. Появление двух основных валютных

банков создаст новую ситуацию. Соперничество между ними может оказаться губительным, однако наладить сотрудничество между двумя партнерами, очевидно, легче, чем между многими. Возможно, две главные валюты удастся даже привязать друг к другу формальным образом. Привязка устранила бы один из основных источников нестабильности в мировой капиталистической системе, но породила бы новые проблемы в координации политики.

Может ли такая координация быть эффективной? Поскольку я скептически отношусь к евро, то должен быть настроен еще более скептически по отношению к мировой валюте. Однако возможны варианты, не предусматривающие полной интеграции. К примеру, возможны почти неограниченные соглашения о свопах, когда каждая сторона гарантировала бы другую сторону от изменения обменного курса. Меня особенно привлекает идея использовать «твердое экю» в качестве альтернативы единой европейской валюты — идея, выдвинутая сэром Мишелем Батлером (*Michael Butler*), бывшим сотрудником Министерства финансов Великобритании. Он предложил установить валютную корзину, которая была бы прочнее любой из ее составляющих. Если бы какая-нибудь страна девальвировала свою валюту, ей следовало бы восполнить недостающее, образовавшееся из-за «дыры» в корзине. Возможно, две главные валюты можно было бы увязать примерно таким образом. Проблема присоединения Великобритании к евро возникла потому, что фунт стерлингов пляшет под другую мелодию, — не под ту, под которую пляшут континентальные валюты, он колеблется в большей мере в соответствии с долларом; поэтому было бы предпочтительнее предусмотреть трехстороннюю увязку.

Производные инструменты, свопы и спреды

Производные инструменты получают на основе теории эффективных рынков. Тот факт, что их используют настолько широко, казалось бы, означает, что теория эффективных рынков обоснована. Я с этим не согласен, но обязан проявлять осторожность при формулировании своего несогласия, поскольку, как упоминалось выше, я подробно не изучал теории эффективных рынков и не задумывался над тем, как строятся соответствующие показатели. Для меня бета, гамма, дельта это — просто буквы греческого алфавита.

Как я это понимаю, изменчивость можно измерить и от нее можно застраховаться путем уплаты премии на опцион. Те, кто берет на себя риск, продавая опционы, способны нейтрализовать риск или перестраховаться с помощью так называемого дельта-хеджирования. Это — сложная стратегия, но она сводится к довольно грубому методу ограничения риска. При этом продавец опциона выкупает обратно определенную часть соответствующей ценной бумаги, как только цена меняется в нежелательном для него направлении. К дельта-хеджированию прибегают обычно профессиональные участники рынка, которые получают прибыль за счет спреда между ценами продавца и покупателя и ограничивают свой риск с помощью именно этого метода.

При правильном применении такая стратегия должна была бы приносить прибыль в течение длительного времени, однако дельта-хеджирование означает автоматическое следование тенденции. Когда рынок развивается в определенном направлении, тот, кто хеджирует по правилам дельты, автоматически действует в этом же направлении, скупая при росте цены и продавая при ее понижении. Таким способом участники рынка перекладывают свой риск на рынок. Общее правило гласит, что рынок способен поглотить риск, так как различные участники действуют в разных направлениях. Крайне редко случается, что риски накапливаются на одной стороне рынка, и тогда дельта-хеджирование способно привести к разрыву в движении цен. В таких случаях теория эффективного рынка оказывается бессильной. Случается это настолько редко, что такие эксцессы не отбивают охоту от в общем-то прибыльного бизнеса, но если уж они

наступают, то оказывают катастрофическое влияние на рынок.

Методика управления риском, принятая в торговых отделах коммерческих и инвестиционных банков, — такая же, как дельта-хеджирование. Установив лимит риска, трейдер тем самым вынужден уменьшить соответствующие позиции, когда цены складываются неблагоприятным образом. Это по сути добровольно взятый на себя приказ продавать после снижения цены до определенного уровня во избежание убытков; таким образом тенденция, которая первоначально вызвала снижение цены, только дополнительно усиливается. Последствия стали очевидны, когда фонд Long-Term Capital Management начал испытывать трудности.

Поведение, основанное на следовании тенденции вообще и практике дельта-хеджирования в частности, ведет к усилению неустойчивости рынка, однако участники рынка выигрывают, поскольку они могут взимать более высокую премию на опционы, а покупатели опционов — не вправе жаловаться, если более высокая премия оправдана большей неустойчивостью рынка. Возможно, это сопряжено со скрытыми издержками для общества, но эти издержки скрыты очень надежно. Как заявил бывший председатель Федеральной резервной системы Пол Фолкер (Paul Volcker), все жалуются на неустойчивость валютных рынков, но никто ничего не делает, так как общественность не может жаловаться, а участники рынка операций с производными ценными бумагами делают на них прибыль — создавая неустойчивость и продавая риск против нее.

Производные инструменты постоянно усложняются, а некоторые из них связаны с более значительным риском вызвать «перерыв» в движении цен. В 1987 г. крах на фондовом рынке был более глубоким из-за широкого использования метода дельта-хеджирования, выступавшего тогда под названием страхования портфеля. Те, кто прибегал к страхованию, оказывались больше вовлечены в дела рынка, чем в ситуации, когда они к нему не прибегали. Когда спад на рынке привел в действие механизмы страхования, внезапный подъем продаж создал эффект «прерывания» плавного снижения цен. Чтобы предупредить повторение такой ситуации, регулирующие органы предусмотрели так называемые «предохранители» — временную приостановку операций на рынке — что подрывает уверенность в плавном движении цен, на котором как раз и основан метод дельта-хеджирования.

Аналогичного рода производные инструменты широко используются на валютном рынке, однако ничего не было сделано, чтобы положить конец такой практике. Например, опционы «нокаут» аннулируются в случае, когда цены достигли некоего предела, в результате покупатель опциона остается без страхования. Опционы «нокаут» пользовались большой популярностью среди японских экспортеров, поскольку они намного выгоднее обычных опционов. Когда в 1995 г. все они были аннулированы, началась паника, в результате которой курс иены в течение нескольких недель изменился со 100 до ниже 80 за доллар. Несбалансированные опционные позиции временами приводили и к другим серьезным и на вид неоправданным колебаниям валютных курсов. Ситуация настоятельно требует регулирования или по меньшей мере надзора, но, как заметил Фолкер, общественность настойчиво его не требовала.

Вообще говоря, никаких ограничений по марже для операций с производными бумагами, свопами и форвардными сделками не предусмотрено, за исключением случаев, когда их осуществляют на зарегистрированных биржах. Банки и инвестиционные фонды в качестве участников рынка могут показывать эти статьи за балансом. Такого рода инструменты получили развитие в период, когда люди верили в эффективные рынки, разумные ожидания и способность финансовых рынков к саморегулированию. В отличие от этого требования к марже при покупках ценных бумаг восходят к прошлым временам. Если мое утверждение справедливо и некоторые из недавно изобретенных финансовых инструментов и методов торговли основаны на принципиально несостоятельной теории финансовых рынков, то отсутствие требований к марже может означать серьезный системный риск.

Нам следует принципиально пересмотреть наше отношение к финансовым нововведениям. Новшества считаются одним из основных преимуществ свободных рынков, но поскольку финансовым рынкам внутренне присуща нестабильность, финансовые нововведения способны усилить ее. К финансовым нововведениям следует подходить иначе, чем к усовершенствованным мышеловкам и другим изобретениям. Это потребует серьезных изменений, поскольку финансовые рынки привлекают к себе лучшие умы, а сочетание возможностей компьютера и эффективной теории рынка стимулирует рост новых финансовых инструментов и новых видов арбитража. Связанные с ними опасности для финансовой системы были проигнорированы, так как считалось, что рынкам присуще свойство саморегулирования, но это — иллюзия. Новаторские инструменты и методы должным образом не были продуманы и поняты регулируемыми органами и практиками, поэтому они представляют угрозу для стабильности.

Возможно, производные и другие искусственные финансовые инструменты следовало бы лицензировать, как и новые выпуски ценных бумаг, которые регистрируют в Комиссии по ценным бумагам и биржам. Идея о том, что творческая энергия новаторов требует ограничений, навязываемых настырными бюрократами, многим придется не по вкусу, но именно это я и предлагаю. Нововведения сулят интеллектуальное удовлетворение и прибыль новаторам, но предпочтение следует отдать поддержке стабильности или, точнее, предупреждению эксцессов.

Кризис в России вскрыл некоторые из системных рисков, Крах *Long-Term Capital Management* — хеджевого фонда, который первым использовал метод управления рисками на основе теории эффективных рынков, продемонстрировал несостоятельность этой теории. Тот факт, что операцию спасения должна была возглавить Федеральная резервная система, свидетельствует о существовании системного кризиса. Сумма баланса *Long-Term Capital Management* составляла свыше 100 млрд. дол. при собственном капитале менее 5 млрд. дол. Кроме того, у него на забалансовых счетах числились обязательства на сумму свыше 1 трлн. дол. Потрясения на российском рынке привели к сокращению собственного капитала к моменту начала спасательной операции до 600 млн. дол. Если бы фонду позволили обанкротиться, его контрагенты понесли бы миллиардные убытки, особенно если учесть, что на их счетах фигурировали аналогичные позиции. Под нажимом Федеральной резервной системы контрагенты объединились и внесли в терпящую бедствие компанию дополнительный капитал, чтобы обеспечить более плавное скольжение вниз. ФРС сделала то, что от нее ждали: предупредила крах системы. Когда минует чрезвычайная ситуация, систему необходимо будет реформировать. Реформа может быть поверхностной, как это произошло после обвала на фондовом рынке в 1987 г., когда ввели так называемые «предохранители», или быть более глубокой. Едва ли нужно повторять, что я предпочитаю более глубокое переосмысление ситуации, так как считаю, что наши нынешние оценки финансовых рынков базируются на ложной теории.

Хеджевые фонды

После операции по спасению *Long-Term Capital Management* ведется много разговоров о регулировании хеджевых фондов. Я полагаю, что дискуссия идет принципиально в неверном направлении. Ведь не только хеджевые фонды прибегают к заемным средствам (левереджу); основными игроками на поле производных финансовых инструментов и свопов выступают торговые отделы коммерческих и инвестиционных банков. Большинство хеджевых фондов не работают на этих рынках. К примеру, *Soros Fund Management* вообще не занимается соответствующими операциями. Мы очень аккуратно используем производные инструменты и работаем со значительно более низким уровнем левереджа. *Long-Term Capital Management* был в каком-то смысле исключением: это по

сути был торговый отдел инвестиционного банка *Salomon Brothers*, преобразованный в самостоятельную единицу. Когда он добился успеха, стали появляться подражатели. Но и в этом случае хеджевые фонды в целом не могут сравниться по масштабам с торговыми отделами банков и брокеров, а ведь именно угроза, которую *Long-Term Capital Management* представлял для этих институтов, побудила Федеральный резервный банк Нью-Йорка вмешаться. Правильным решением было бы установление требований к марже и так называемых «стрижек» применительно к сделкам с производными инструментами и свопами, а также к другим забалансовым статьям. Такие же правила можно было бы распространить в равной мере на банки и их клиентов, а также на хеджевые фонды.

Я не защищаю хеджевые фонды. Я считаю, что они требуют регулирования, как и прочие инвестиционные фонды. Их трудно регулировать, поскольку многие из них являются оффшорными, но при условии сотрудничества между регулирующими инстанциями эти трудности нельзя считать непреодолимыми. Важно, чтобы правила в равной степени распространялись на все учреждения.

Контроль за движением капитала

Уже стало символом веры утверждение, что контроль за движением капитала следует упразднить, а финансовые рынки стран, включая банковское дело, должны быть открыты для международной конкуренции. МВФ предложил даже изменить свой устав, чтобы названные цели получили более четкое признание. Однако Азиатский кризис заставляет нас призадуматься. Страны с закрытыми финансовыми рынками лучше справились со штормом по сравнению со странами с открытыми рынками. Индия пострадала меньше других стран Юго-Восточной Азии, Китай оказался более защищенным, чем Корея.

Иметь открытые рынки весьма желательно не только по экономическим, но и по политическим причинам. Контроль над капиталом служит питательной почвой для уклонений, коррупции и злоупотребления властью. Закрытая экономика — это угроза свободе. Махатир вслед за закрытием рынков капитала в Малайзии приступил к политическим репрессиям.

К сожалению, международные финансовые рынки нестабильны. Когда финансовые рынки страны полностью открыты и подвержены капризам международных финансовых рынков, это способно вызвать такую нестабильность, которую страна, зависящая от иностранного капитала, выдержать не в состоянии. Поэтому какая-то форма контроля над капиталом, возможно, предпочтительнее нестабильности, даже если она не будет лучшей политикой в идеально устроенном мире.

Задача заключается в том, чтобы сделать международные финансовые рынки стабильными настолько, чтобы контроль над капиталом стал ненужным. Система страхования кредита могла бы помочь решить указанную задачу.

Допуск иностранных банков на отечественные рынки — это совсем другое дело. Скорее всего, они снимут сливки с оптового рынка, где обладают конкурентными преимуществами, а менее прибыльный розничный бизнес будет обслуживаться плохо. Они, вероятно, окажутся также менее постоянными, чем отечественные банки. Сказанное относится и к центру, и к периферии. После российского кризиса первыми закрыли свои кредитные линии в США европейские банки. Появление испанских рынков после 1995 г. было весьма благотворным для Латинской Америки, но пока неясно, какие вложения смогут сделать эти банки в Латинской Америке после того, как акционеры накажут их за такие рискованные действия. Заслуживает всяческого внимания образование внутреннего источника капитала такого типа, как в Чили, где созданы частные пенсионные фонды.

Сами по себе краткосрочные переливы капитала, похоже, приносят больше вреда, чем пользы. Как показал Азиатский кризис, для принимающей страны крайне рискованно разрешать использовать краткосрочные поступления капитала для долгосрочных целей.

Разумная политика при этом заключается в стерилизации притока капитала. Обычно это делают путем накопления резервов, это — дорогостоящая затея, но она способна привлечь дополнительные потоки. В Чили изобрели более удачный способ: здесь предусмотрели резервные требования в отношении краткосрочных поступлений капитала. Ирония заключается в том, что сейчас здесь происходит демонтаж этой системы как раз с целью привлечения капитала.

Сохранение открытых рынков можно оправдать прежде всего в том случае, если оно способствует свободному притоку капитала в долгосрочные инструменты — вроде акций и облигаций. Когда направление потока меняется, политика сохранения открытых рынков лишается этого оправдания. Суверенные государства могут выступать в качестве клапанов: допуская приток, но препятствуя оттоку капитала. Крайне важно убедить страны периферии не поворачиваться спиной к мировой системе, как это сделала Малайзия. Для этого МВФ и другим институтам, возможно, придется признать необходимость определенного регулирования потоков капитала. Существуют тонкие способы помешать спекуляции валютой, которые нельзя расценивать как контроль за движением капитала. От банков можно потребовать сообщать об их валютных позициях как для собственных, так и для клиентских нужд и, при необходимости, устанавливать лимиты по таким позициям. Такого рода методы могут оказаться довольно эффективными. К примеру, во время валютных неурядиц в Европе в 1992 г. в *Soros Fund Management* сочли практически невозможным осуществить «короткую» продажу ирландского фунта, хотя были убеждены, что он будет девальвирован. Национальные центральные банки ограничены тем, что они вправе осуществлять контроль только над банками своей страны, но если законность определенного контроля получит признание, станет возможным значительно более тесное сотрудничество между национальными центральными банками. На мировых рынках появилась бы возможность ограничить спекуляцию и не создавать негативных последствий контроля за движением капитала.

Это — почти предел, до которого я готов идти, предлагая свои решения. Возможно, я уже зашел слишком далеко. Единственное, к чему я стремился, это вызвать дискуссию, которая могла бы привести к надлежащим реформам. Постоянных и всеобъемлющих решений просто нет; следует постоянно ожидать возникновения новых проблем. Однако определено лишь одно: финансовым рынкам внутренне присуща нестабильность; они нуждаются в надзоре и регулировании. Вопрос стоит так: достаточно ли у нас мудрости, чтобы укрепить международные финансовые власти или мы предоставим странам самим позаботиться о себе? В последнем случае не следует удивляться распространению контроля над капиталом.

Но кто это «мы»? Где это мировое сообщество, которое соответствует мировой экономике? Эти вопросы я рассматриваю в следующей главе.

9. НАВСТРЕЧУ ОТКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ

В предшествующих главах я рассмотрел недостатки рыночного механизма и несколько предложений по их исправлению. Теперь я перехожу к более трудной задаче: обсуждению изъянов нерыночного сектора общества. Они более серьезны, чем свои рынка, о которых я говорил. Эти изъяны состоят в недостаточном внимании к социальным ценностям, в подмене подлинных ценностей деньгами, в недостатках представительной демократии в некоторых регионах мира и ее отсутствии в других частях, а также в отсутствии настоящего международного сотрудничества. Этот список недостатков нельзя считать полным, но и он представляет собой мощный вызов обществу.

Отличие рыночных ценностей от социальных

Я испытывал большие трудности на протяжении всей книги при обсуждении взаимосвязи между рыночными и социальными ценностями. Проблема не в том, чтобы установить факт различия между ними; трудность состоит в обсуждении содержания и характера социальных ценностей. Рыночные фундаменталисты склонны пренебрегать социальными ценностями, утверждая, что каковы бы они ни были, они проявляются в поведении на рынке. К примеру, если люди хотят заботиться о других людях или защитить окружающую среду, они способны выразить свои чувства, потратив деньги на соответствующие цели, а их альтруизм станет частью ВВП — точно так же, как потребление предметов роскоши. Чтобы доказать, насколько эта аргументация ошибочна, мне не нужно прибегать к абстрактным рассуждениям, которых уже было достаточно; я могу опереться на собственный опыт.

В качестве анонимного участника финансовых рынков мне никогда не приходилось оценивать социальных последствий своих действий. Я сознавал, что при определенных обстоятельствах эти последствия могут оказаться пагубными, но я оправдывал себя тем, что играю по правилам конкурентной игры, и если бы я налагал на себя дополнительные ограничения, то проигрывал бы. Более того, я понимал, что мои угрызания совести ничего не изменят в реальном мире, учитывая преобладание на финансовых рынках эффективной или почти совершенной конкуренции; если бы я перестал действовать, кто-то занял бы мое место. Решая вопрос, какие акции или валюты купить или продать, я руководствовался лишь одним соображением: максимизировать свою прибыль, сопоставив риски и вознаграждение. Мои решения относились к событиям, имевшим социальные последствия: покупая акции *Lockheed* и *Northrop* после того, как их руководителей обвинили во взяточничестве, я помогал поддерживать цены их акций. Когда я продавал «короткие» позиции фунта стерлингов в 1992 г., моим контрагентом выступал Банк Англии, и я опустошал карманы британских налогоплательщиков. Но если бы я попытался учитывать еще и социальные последствия своих действий, то это опрокинуло бы все мои расчеты в части соотношения риска и вознаграждения и мои шансы добиться успеха снизились бы. К счастью, мне не надо волноваться из-за социальных последствий — они все равно бы произошли: на финансовых рынках имеется достаточное количество игроков, так что один участник игры неспособен оказать заметное влияние на результат. Участие моей социальной совести в процессе принятия решений ничего не изменило бы в реальном

мире. Великобритания все равно девальвировала бы свою валюту. Если бы я тогда не проявлял целеустремленности в получении прибыли, это отразилось бы только на моих результатах.

Я сознаю, что приведенная аргументация применима исключительно к финансовым рынкам. Если бы мне пришлось иметь дело с людьми, а не с рынками, я бы не смог избежать морального выбора и не смог бы также успешно делать деньги. Я благословляю судьбу за то, что она привела меня на финансовые рынки и позволила не замарать руки. Анонимные участники рынка в основном освобождены от морального выбора, пока они играют по правилам. В этом смысле финансовые рынки не аморальны, этот аспект социальной жизни им вообще чужд.

Указанная особенность рынков делает еще более настоятельной необходимость формирования регулирующих их правил. Анонимный игрок может игнорировать моральные, политические и социальные соображения, но если смотреть на финансовые рынки с позиций общества, то такими соображениями пренебрегать нельзя. Как мы видели, финансовые рынки могут вести себя как катящийся шар, который опрокидывает на своем пути целые экономики. Хотя игра по правилам и оправдывает наши действия, мы не вправе быть безразличными к правилам, по которым мы играем. Правила разрабатываются властями, но в демократическом обществе власти избираются игроками. Коллективные действия могут оказать более непосредственное влияние. Например, бойкот южноафриканских инвестиций оказался успешным и содействовал смене режима в Южной Африке. Но Южная Африка была исключением, поскольку в отношении нее была предпринята коллективная акция. Обычно социальные ценности не находят отражения в поведении на рынке индивидуальных участников, а потому они нуждаются в какой-то иной форме проявления.

Действие на рынке и формулирование правил — это две разные функции. Было бы ошибкой ставить знак равенства между рыночными ценностями, которыми руководствуются индивидуальные участники рынка, и социальными ценностями, которыми следует руководствоваться при формулировании правил. К сожалению, это различие отчетливо видно далеко не всегда. Коллективное принятие решений в современных демократических обществах — это во многом соревнование между конкурирующими интересами. Люди стремятся приспособить правила к своим интересам. Иногда они прибегают к лоббированию, и тогда может случиться забвение моральных соображений — что явно недопустимо.

Социальные ценности имеют значение не только при формулировании правил для участников рынка (например, правил, запрещающих «инсайдерам» вести торговлю, т.е. тем, кто обладает «внутренней» информацией), но и при обслуживании общественных потребностей — безопасности населения, образования или защиты окружающей среды. Многие из таких услуг могут предоставляться на коммерческой основе. Существуют платные дороги, частные образовательные учреждения и тюрьмы, управляемые коммерческими фирмами; можно продавать права на выбросы вредных веществ. Где провести линию между государственным и частным, а проведя эту линию, как регулировать предоставление такого рода услуг частными фирмами, — следует решать коллективным способом.

Все это выглядит достаточно просто; настоящие же трудности начинаются, как только осознается различие между рыночными и социальными ценностями. Как они соотносятся между собой? Рыночные ценности определенно отражают интересы конкретного участника рынка, тогда как социальные ценности имеют отношение к интересам общества в целом, — как их представляют себе его члены. Рыночные ценности можно измерить в денежном выражении, но относительно социальных ценностей возникает проблема. Их трудно определить и еще труднее измерить. Чтобы оценить прибыль, достаточно взглянуть на нижнюю строку баланса. Но как измерить социальные последствия того или иного действия? Действия имеют непредвиденные последствия, которые находят

отражение во всех статьях баланса. Их невозможно свести к общему знаменателю, поскольку они по-разному отражаются на разных людях. Будучи филантропом, я превосходно знаю, какие возможны «непредвиденные» последствия, и пытаюсь взвесить их. Но я располагаю неоспоримым преимуществом — я сам себе хозяин. В политике решения приходится принимать коллективным образом, поэтому оценить результаты намного сложнее. Когда разные люди предлагают различные способы действий, связь между намерениями и последствиями становится крайне неопределенной. Неудивительно, что политический процесс функционирует менее эффективно, чем рыночный механизм.

Недостатки политического процесса приобрели еще большую остроту, когда экономика стала превращаться в мировое хозяйство — становится поистине глобальной, а рыночный механизм стал проникать в такие сферы общества, которые ранее находились вне рыночных отношений. Нетрудно понять, почему так происходит. Как я уже говорил, социальные ценности отражают заботу о других людях. Они подразумевают некую общину, к которой мы принадлежим. Будь я действительно независимым и не связанным с другими людьми, у меня не было бы серьезной причины думать о них, если не считать собственных пристрастий; внешние влияния, исходящие от общины, к которой мы принадлежим, тогда бы отсутствовали. Однако рыночная экономика не функционирует как некая община, еще меньше это относится к мировой экономике. В результате давление извне во многом ослаблено. Желание принадлежать к общине может сохраняться — можно даже утверждать, что оно внутренне присуще человеческой природе. Однако на рынке, основанном на сделках, в отличие от рынка, основанного на отношениях, — мораль может стать обузой. В условиях высококонкурентной среды люди, озабоченные проблемами отношений с другими людьми, преуспевают меньше тех, кто не отягощен моральными соображениями. Таким образом социальные ценности претерпевают то, что можно было бы назвать процессом нежелательного естественного отбора. Беспринципные люди оказываются в выигрыше. Таков один из наиболее тревожных аспектов мировой капиталистической системы.

Однако такая аргументация начинает наталкиваться на логические неувязки. Если люди решают пренебречь своими социальными обязательствами, то кто может сказать, что они ими пренебрегли? На каком основании преобладающие социальные ценности могут считаться ущербными, если они действительно преобладают в обществе? Где критерий, по которому можно судить о социальных ценностях? В этой сфере не существует объективного критерия, который имеется в естественных науках.

Я постараюсь преодолеть указанную трудность, сравнив политический процесс с рыночным механизмом. Мне удалось показать недостатки финансовых рынков, поскольку у меня был некий стандарт, с которым их можно было сравнивать, а именно — равновесное состояние. Я пытаюсь сделать то же применительно к политическому процессу, сопоставив его с рыночным механизмом.

Я пытаюсь подчеркнуть два взаимосвязанных момента. Один состоит в следующем: в связи с распространением меркантильных ценностей и их влиянием на политику, политический процесс менее эффективно обслуживает общественные интересы, чем в то время, когда люди были более чувствительными к социальным ценностям или «гражданским добродетелям». Второй момент заключается в том, что политический процесс менее эффективно корректирует собственные эксцессы, по сравнению с рыночным механизмом. Оба эти соображения подкрепляют друг друга рефлексивным образом: рыночный фундаментализм подрывает демократический политический процесс, а эффективность политического процесса не служит мощным аргументом в пользу рыночного фундаментализма. Институтам представительной демократии, которые успешно функционировали в США, в значительной части Европы и многих других странах, теперь угрожает опасность, а гражданские добродетели, утраченные однажды, возродить трудно.

Представительная демократия

Предполагается, что демократия обеспечивает механизм для выработки коллективных решений, которые наиболее полно отвечают интересам общества. Считается, что при принятии коллективных решений она позволяет добиться той же цели, которая достигается с помощью рыночного механизма при принятии индивидуальных решений. Граждане избирают представителей, которые сообща принимают коллективные решения путем голосования. Таков принцип представительной демократии. Она предполагает определенный вид отношений между гражданами и их представителями. Кандидаты встают и рассказывают гражданам, на каких идеях будет строиться их политика, а граждане затем выбирают человека, чьи идеи ближе всего к их собственным. Таким представителем в доброе старое время был Джефферсон с той разницей, что во время кампании он оставался дома. Демократический процесс предполагает честность точно так же, как понятие совершенной конкуренции предполагает совершенное знание. Такое допущение, конечно же, нереалистично. Кандидаты уже давно поняли, что у них больше шансов быть избранными, если они будут говорить избирателям то, что их избиратели хотели бы услышать, а не то, что кандидаты думают на самом деле. Это — не фатальный изъян, поскольку система предусмотрела и его. Если кандидаты не выполняют своих обещаний, то их можно снять с должности. В этом случае сохраняются близкие к равновесным условия. Избиратели не всегда получают именно тех представителей, которые им нужны, но они в состоянии исправить свои ошибки в ходе следующего раунда выборов.

Однако в результате рефлексивного процесса условия могут существенно отклониться от равновесного состояния. Кандидаты находят способы заполнить разрыв между обещаниями и действиями. Они проводят опросы общественного мнения и групповые собрания с целью выяснить, что хотели бы услышать избиратели, и строят свои заявления таким образом, чтобы они соответствовали желаниям электората. В итоге обеспечивается соответствие между заявлениями кандидатов и пожеланиями избирателей, однако происходит это неверным путем: обещания кандидата соответствуют ожиданиям электората, вместо того чтобы выбор пал на кандидата, чьи идеи отвечали бы идеям избирателей. Избиратели так и не получают представителей, которых они хотели бы иметь; их постигает разочарование, и они теряют веру в процесс.

Избиратели, конечно, тоже не безупречны. Предполагается, что они избирают представителей, которые будут руководствоваться подлинными интересами общины, но они ставят свои узко эгоистические интересы выше интересов общины. Кандидаты в свою очередь апеллируют к тем же узко эгоистическим интересам индивидов. А так как кандидаты неспособны учесть всех интересов, особенно если последние конфликтуют друг с другом, они практически вынуждены отдать предпочтение некоторым. Процесс деградирует еще больше, когда избиратели перестают реагировать на обман и ложь кандидатов, пока они представляют личные интересы избирателей. Деградацию можно считать завершённой, когда в дело вступают деньги. Конечно же, в США рассчитывать на избрание могут только те кандидаты, которые отдали предпочтение определенным интересам. Когда же электорат уже не ждет от кандидатов честности, а судит о них лишь по их способности быть избранными, наступают условия, весьма далекие от равновесных. Динамическое неравновесие усиливается в результате той роли, которую играет в ходе выборов телевизионная реклама. Коммерческие объявления заменяют честные заявления об убеждениях и придают еще больший вес деньгам, поскольку рекламу надо оплачивать. Таковы преобладающие ныне социальные условия.

Сопоставьте эти условия с бумом конгломератов, который я охарактеризовал выше. Руководство конгломератов воспользовалось ошибками в оценках доходов инвесторами. Оно обнаружило, что способно повысить доход в расчете на акцию, пообещав увеличить доходы с помощью приобретения других предприятий. Этот процесс аналогичен тому, когда избирателям говорят именно то, что они хотят услышать. То и другое — примеры динамического неравновесия. Но между этими процессами имеется существенная

разница!

Бум конгломератов был скорректирован последующим спадом. Это был также более или менее случайный эпизод, хотя аналогичные эпизоды по-прежнему случаются. Рынки, конечно, способны корректировать свои эксцессы: за рынком «быков» следует рынок «медведей». Представительной демократии это, похоже, удастся менее успешно. Верно, что правительства и законодательные органы регулярно меняются по воле электората; так задумана система. Но демократия, как представляется, неспособна исправить собственные эксцессы; напротив, похоже, что она все более отходит от равновесного состояния. Подтверждением правильности приведенного анализа служит растущая неудовлетворенность избирателей.

Такая неудовлетворенность наблюдалась и раньше. В период между двумя мировыми войнами она привела к краху демократии и возникновению фашизма в нескольких европейских странах. В настоящее время неудовлетворенность проявляется иным образом. Демократии ничто серьезно не угрожает ни в одной из стран центра мировой капиталистической системы, и она — фактически на подъеме в странах периферии. Однако политический процесс продолжает подвергаться дискредитации. Вместо этого люди связывают все больше надежд с рыночным механизмом, что способствует распространению рыночного фундаментализма. Неудачи политики становятся самым веским аргументом в пользу предоставления рынку большей свободы. Рыночный фундаментализм, в свою очередь, способствовал становлению мировой капиталистической системы, а последняя сузила возможности государства гарантировать социальное обеспечение своим гражданам, что послужило еще одним подтверждением неудач политики, по меньшей мере применительно к гражданам, которые нуждаются в социальном обеспечении. В рефлексивном процессе трудно отделить причину от следствия. Сравнение с бумом конгломератов помогает показать, насколько политика уклонилась от равновесия. В этом контексте равновесие означало бы, что политический процесс соответствует ожиданиям электората.

Приведенная аргументация нуждается в одной оговорке. Я подчеркиваю способность рынков корректировать свои эксцессы как раз в тот момент, когда финансовые рынки, возможно, утратили эту способность. Инвесторы потеряли веру в основополагающие рыночные принципы. Они понимают, что речь идет о том, чтобы делать деньги, а не заботиться о каких-то ценностях. Многие бывшие принципы утрачены, а те, кто их по-прежнему придерживается, понесли убытки — в отличие от тех, кто считает, что наступает новая эра. Вывод о том, что мы далеко отклонились от равновесного состояния, только становится более убедительным, если согласиться, что рынки также лишились бывшего якоря.

То, что справедливо в отношении политики, в равной мере относится к социальным ценностям. Социальные ценности во многих отношениях уступают рыночным ценностям. Их нельзя выразить количественно, их даже нельзя четко определить словесно. Их невозможно свести к общему знаменателю — деньгам. Тем не менее сложившаяся община имеет четко сформировавшиеся ценности; ее члены могут придерживаться или нарушать их, ценности могут поддерживать членов общины или подавлять их, но эти ценности по меньшей мере известны членам. Но мы не живем в такого рода общине. Нам уже стало трудно решить, что есть добро и зло.

Отсутствие морали у рынков подорвало мораль даже в тех сферах, где общество не может без нее обойтись. Согласие в отношении моральных ценностей отсутствует. Монетарные ценности куда менее двусмысленны. Их не только можно измерить, но и можно быть уверенным, что люди вокруг нас дорожат ими. Они убеждают в том, что социальные ценности отсутствуют.

Социальные ценности, возможно, менее определены, чем рыночные, но без них общество существовать не может. Рыночным ценностям придали статус социальных ценностей, но они неспособны выполнять эту функцию. Они предназначены для принятия

индивидуальных решений в условиях конкурентной среды, но они плохо подходят для принятия коллективных решений в ситуации, предполагающей сотрудничество наряду с конкуренцией.

Было допущено смешение функций, что подорвало процесс коллективного принятия решений. Рыночные ценности не могут заменить общественное сознание или, используя старомодное выражение, гражданские добродетели. Во всех случаях, когда пересекаются политика и деловые интересы, существует опасность, что политическое влияние будет использовано в деловых целях. Согласно прочно утвердившейся традиции, выборные лица должны заботиться об интересах своих избирателей. Но где провести водораздел между законным и незаконным? Предпочтение, отдаваемое интересам бизнеса, а также эгоистический интерес политиков отодвинули разделительную линию за грань, которую многие избиратели считают допустимой; отсюда — разочарование и неудовлетворенность. Они заметны как во внутренней, так и в международной политике. В сфере международных отношений ситуация усугубляется тем, что в условиях демократии внешняя политика во многом диктуется внутренними политическими соображениями. Эта тенденция особенно заметна в США, где четко видны различия между этническими избирательными блоками; у французского правительства еще более заметна традиция проталкивать интересы бизнеса с помощью политических средств. Знакомый мне президент одной восточноевропейской страны был шокирован тем, что во время встречи с Жаком Шираком французский президент потратил большую часть времени на то, чтобы убедить собеседника в пользу французского покупателя в рамках одного приватизационного проекта. Я уже не говорю о продаже оружия.

Коррупция существовала всегда, но в прошлом люди ее стыдились и как-то пытались ее скрыть. Но теперь, когда мотив прибыли возведен в ранг морального принципа, политики в ряде стран стыдятся, если не воспользуются преимуществами своего положения. Я мог лично наблюдать это в странах, где у меня имеются фонды. Особенно широким размахом коррупции отличается Украина. Я изучал положение в африканских странах и пришел к выводу, что народы в странах с богатыми ресурсами и в странах, лишенных ресурсов, одинаково бедны; единственное различие состоит в том, что правительства в богатых ресурсами странах значительно более коррумпированны.

Тем не менее отвергать коллективное принятие решений только потому, что оно неэффективно и сопряжено с коррупцией, это все равно, что отказываться от рыночного механизма только потому, что он нестабилен и несправедлив. В том и другом случае побуждение продиктовано неспособностью мириться с тем, что все созданные людьми конструкции несовершенны и требуют улучшения.

Господствующие ныне теории рыночного механизма и представительной демократии сформировались под влиянием эпохи Просвещения, и, даже не сознавая этого, они трактуют реальность так, как будто она не зависит от мышления участников. Предполагается, что финансовые рынки исключают будущее, которое было бы независимым от сегодняшних оценок. Предполагается, что выборные лица придерживаются определенных ценностей, независимых от их желания быть избранными. Так уж устроен мир. Ни рыночный механизм, ни представительная демократия не оправдывают связываемых с ними ожиданий. Но это не причина отказываться от них. Надо лишь признать, что совершенство недостижимо и надо работать над исправлением недостатков существующих структур.

Рыночные фундаменталисты не приемлют коллективного принятия решений ни в какой форме, так как оно лишено автоматического механизма исправления ошибок, присущего рынку и предположительно ведущего к равновесию. Они утверждают, что общественный интерес лучше всего обеспечивается косвенным путем, когда людям позволяют добиваться собственных интересов. Они возлагают надежду на «невидимую руку» рыночного механизма. Но такая надежда неосновательна по двум причинам. Во-первых, коллективный интерес не находит проявления в поведении на рынке.

Корпорации не ставят цели создавать рабочие места; они нанимают людей (как можно меньше и по более низкой цене), чтобы получать прибыль. Компании в сфере здравоохранения созданы не для спасения жизней; они оказывают медицинские услуги, чтобы получать прибыль. Нефтяные компании не стремятся защитить окружающую среду, а лишь соблюсти соответствующие правила и защитить свой имидж в глазах общественности. Полная занятость, доступная медицина и здоровая жизненная среда могут, при определенных обстоятельствах, оказаться побочными продуктами рыночных процессов, но такие желательные социальные последствия нельзя считать гарантированными исключительно на основе одного принципа прибыльности. «Невидимая рука» не способна судить об интересах, которые не входят в ее компетенцию.

Во-вторых, финансовые рынки нестабильны. Я вполне сознаю достоинства финансовых рынков в качестве механизма обратной связи, который не только позволяет, но и вынуждает участников корректировать ошибки; однако я добавил бы, что финансовые рынки иногда сами терпят крах. Рыночный механизм также требует улучшения на основе метода проб и ошибок. Особенно подходят для этой работы центральные банки, поскольку они взаимодействуют с финансовыми рынками и получают информацию в рамках обратной связи, позволяющую им исправлять собственные ошибки.

Я разделяю преобладающую антипатию к политике. Я — дитя рынков, и мне нравятся связанные с ними свобода и возможности. Как участник рынка я могу самостоятельно принимать решения и учиться на своих ошибках. Мне незачем убеждать других что-то делать, и результаты моих действий не искажаются процессом коллективного принятия решений. Пусть это прозвучит странно, но участие в финансовых рынках удовлетворяет мое стремление к истине. Я питаю личную неприязнь к политике и к коллективному принятию решений. Тем не менее я сознаю, что без них нам не обойтись.

Возврат к подлинным ценностям

До сих пор я говорил только о социальных ценностях, но что-то неладное происходит и с индивидуальными ценностями. Как отмечено в главе 6, денежные ценности узурпировали роль подлинных ценностей, а рынки стали господствовать в таких сферах общественной жизни, где им не должно быть места. Я имею в виду такие профессии, как юрист и врач, политик, педагог, ученый, работник искусства, а также специалистов в области так называемых «общественных отношений». Достижения или качества, которые следовало бы оценивать как таковые, получают денежное выражение; о них судят по тому, сколько денег они приносят, а не по их подлинным достоинствам.

Деньгам присущи некоторые свойства, которых нет у подлинных ценностей: у них есть общий знаменатель, они поддаются количественному выражению и их ценят практически все люди. Благодаря таким свойствам деньги способны служить средством обращения, но не обязательно — его конечной целью. Большинство достоинств, приписываемых деньгам, проистекают из результатов их расходования; в этом смысле деньги служат средством для достижения цели. Конечной целью деньги выступают лишь в одном случае: когда цель — накопление богатства.

Я далек от мысли приуменьшать пользу богатства; но сделать накопление богатства конечной целью — значило бы игнорировать многие другие аспекты существования, которые также заслуживают внимания, особенно со стороны тех, кто удовлетворил свои материальные потребности, связанные с выживанием. Я не собираюсь уточнять, в чем заключаются эти другие аспекты существования; суть подлинных ценностей как раз заключается в том, что их невозможно свести к общему знаменателю, и разные люди оценивают их по-разному. Мыслящие люди вправе решить этот вопрос самостоятельно: это привилегия, которой они могут воспользоваться, как только удовлетворят насущные потребности.

Однако, вместо того чтобы воспользоваться такой привилегией, мы всячески стараемся лишиться ее, отдавая предпочтение накоплению богатства. Когда все стремятся иметь как можно больше денег, конкуренция обостряется настолько, что даже те, кто добился наибольших успехов, низводятся до положения, когда им приходится бороться за выживание. Люди упрекают Билла Гейтса (*Bill Gates*), председателя корпорации *Microsoft*, за то, что он не отдает более значительную часть своего богатства; они не понимают, что сфера его деятельности развивается столь стремительно и в условиях настолько ожесточенной конкуренции, что он не может даже думать о филантропии. Независимость и свобода распоряжаться деньгами, присущие в прошлом привилегированным слоям, теперь утрачены. Я считаю, что мы стали из-за этого беднее. Жизнь не должна сводиться к простому выживанию.

Однако выживание самых сильных превратилось в цель нашей организации.

Подразумевает ли концепция открытого общества иной набор ценностей? — Я полагаю, что да, однако доказывать это утверждение следует осмотрительно. Открытое общество определенно требует исправления ошибок и эксцессов, но оно также признает отсутствие объективного критерия, который позволил бы судить о них. Я могу утверждать, что возведение прибыли в ранг этического принципа — это большое заблуждение, но я не вправе считать себя судьей в конечной инстанции, который выносит приговор от имени всего открытого общества. С полной уверенностью я могу говорить только одно: подменять меркантильными ценностями все прочие ценности — значит толкать общество в направлении опасного дисбаланса и подавлять человеческие чаяния, которые заслуживают такого же серьезного внимания, как рост ВВП.

Позвольте мне изложить свои доводы. Поведение, направленное на максимизацию прибыли, диктуется соображениями выгоды и пренебрегает требованиями морали. Финансовые рынки не являются ни моральными, ни аморальными; соображения морали им просто чужды. В отличие от этого невозможно принимать правильные коллективные решения, если отсутствует четкое понимание различия между добром и злом. Мы не знаем, что считать правильным. Если бы нам это было известно, мы бы не нуждались в демократическом правительстве; мы могли бы счастливо жить при правителе-философе, как предлагал Платон, но нам необходимо понимать, что правильно, а что — неправильно, иметь некий внутренний ориентир поведения в качестве граждан и политиков. Без этого представительная демократия не способна функционировать. Мотив прибыли смещает этот внутренний ориентир. Принципу выгоды отдается предпочтение перед моральными принципами. На высококонкурентном рынке, где ежеминутно совершается бесконечное число сделок, забота об интересах других людей может обернуться помехой. Отцы-основатели США считали минимум гражданских добродетелей чем-то само собой разумеющимся, и они не могли предвидеть возникновения высококонкурентных рынков. Преобладание мотива прибыли над гражданскими добродетелями подрывает политический процесс. Это не имело бы значения, если бы мы могли полагаться на рыночный механизм в такой степени, какую считают возможной рыночные фундаменталисты. Но, как я показал выше, дело обстоит иначе.

Следует рассмотреть еще один довод. Будут ли люди довольны открытым обществом, — во многом зависит от результатов функционирования этого общества. Самый веский аргумент в пользу открытого общества заключается в том, что оно обеспечивает неограниченные возможности для совершенствования. Будучи рефлексивным, открытое общество становится сильнее благодаря достигнутому внутри него результатам. В свою очередь эти результаты зависят от того, что считается удовлетворительным. Прогресс — это субъективное явление; понимание того, что составляет прогресс, зависит от разделяемых людьми ценностей в такой же степени, как и от материальных условий жизни. Мы привыкли измерять прогресс динамикой ВВП, но это равносильно тому, чтобы признать деньги в качестве подлинной ценности. ВВП — это мера обменов, опосредованных деньгами; чем больше социальное взаимодействие

принимает форму денежных обменов, тем выше ВВП. К примеру, распространение СПИДа, при прочих равных условиях, приведет к увеличению ВВП из-за повышения стоимости медицинского обслуживания. Это — неправильно и ненормально. Подлинные ценности невозможно измерить деньгами. Необходим некий иной критерий качества, даже если его невозможно представить в количественной форме. На мой взгляд, лучшим критерием была бы степень самостоятельности, которой пользуются люди, поскольку жизнь не должна сводиться к простому выживанию. При таком критерии не вполне понятно, происходит ли в мире прогресс или регресс.

Мировая капиталистическая система основана на конкуренции. Расслабиться в борьбе за выживание и проявлять заботу о более тонких материях может оказаться крайне опасным. Некоторые люди и общества пытаются так поступать и вынуждены платить за это высокую цену. Например, жители Великобритании настолько привязаны к дому, что это ставит их в невыгодное положение на рынке труда. На Европейском континенте высоко ценят социальное обеспечение; за это европейским странам приходится расплачиваться высоким уровнем безработицы.

Тем не менее я считаю, что перемены возможны. Их следует начать сверху, как это и происходит в большинстве случаев революционной смены режима. Лишь те, кто добился успеха в конкуренции, в состоянии внести изменения в условия конкуренции. Ис, кто добился меньших успехов, могут выйти из игры, но их уход не изменит ее правил. Граждане, живущие в демократических странах, все же имеют определенную возможность улучшить качество своей политической жизни. Предположим, люди осознали, что мировая конкуренция приняла слишком ожесточенный характер и возникла настоятельная потребность в сотрудничестве; предположим далее, что они научились проводить различие между индивидуальным принятием решений и коллективным принятием решений. Тогда избранные ими представители защищали бы другую политику и придерживались бы иных норм поведения. Они получили бы какую-то возможность осуществить перемены в собственной стране. Без сотрудничества с другими странами они не смогли бы изменить характер функционирования мировой капиталистической системы, но по меньшей мере они могли бы проявить большую готовность к сотрудничеству. Перемены следовало бы начать с изменений в установках, которые постепенно трансформировались бы в изменения в политике.

Это, разумеется, — окольный путь осуществления перемен, он не представляется по-настоящему реалистичным, если учесть господствующую тенденцию. Силы мировой конкуренции были развязаны совсем недавно — для целей настоящей работы я бы отнес эту дату примерно к 1980 г., — и их последствия еще полностью не проявились. Каждая страна испытывает нажим, требующий повышения конкурентоспособности, к тому же стало трудно сохранять многие системы социального обеспечения, созданные при различных обстоятельствах. Процесс их демонтажа еще не завершен. Великобритания и США — страны, возглавившие этот процесс, — сегодня пожинают плоды, тогда как страны, которые сопротивлялись этому процессу, переживают тяжелую безработицу. Условия для изменения направления движения еще не созрели. Но события развиваются очень быстро.

Я надеюсь, что доводы, изложенные в книге, будут способствовать изменению сложившейся тенденции, хотя должен допустить, что в каком-то смысле, возможно, не могут служить удачной ролевой моделью. Я пользуюсь большим уважением и признанием не только благодаря моей филантропической деятельности или моим философским взглядам, а из-за способности делать деньги на финансовых рынках. Я сомневаюсь, стали ли бы вы читать эту книгу, не будь у меня репутации финансового мага и волшебника.

Первоначально финансовые рынки меня заинтересовали как способ заработать на жизнь, но в последнее десятилетие я сознательно использовал свою финансовую репутацию в качестве трамплина для продвижения своих идей. Главная идея, которую я хотел бы довести до читателя, состоит в следующем: нам необходимо осознать различие между индивидуальным принятием решений, которое находит проявление в поведении на рынке,

и коллективным принятием решений, которое проявляется в социальном поведении вообще и в политике в частности. В том и другом случае нами движет эгоистический интерес; однако при принятии коллективных решений общие интересы должны быть выше индивидуальных эгоистических интересов. Я допускаю, что это различие осознано еще далеко не всеми. Многие люди, возможно, большинство людей, руководствуются узкими эгоистическими интересами даже при принятии коллективных решений. Существует соблазн протянуть руки и присоединиться к толпе, но это было бы ошибкой, так как нанесло бы ущерб общим интересам. Ибо если мы действительно верим в общие интересы, то должны исходить из них, даже если другие так не поступают. Подлинные ценности тем и отличаются, что они являются таковыми, независимо от того, преобладают ли они в обществе или нет. Между подлинными ценностями и рыночными ценностями существует пропасть. На рынках господствует конкуренция, а цель состоит в том, чтобы выиграть. Подлинные ценности достойны уважения как таковые. Я никогда не забываю слов Сергея Ковалева, российского диссидента и активиста в области прав человека, который гордо заявил мне, что он всю свою жизнь вел почти наверняка проигрышные битвы. Я не дорос до его критериев, но я поступаю в соответствии со своими убеждениями. В качестве участника рынка я стремлюсь к выигрышу, а в качестве человека — члена человеческого сообщества — я стремлюсь служить общим интересам. Иногда эти две роли трудно разделить, как видно из моего участия в российских делах, но сам принцип ясен.

Всегда будут люди, которые ставят личные интересы выше общих интересов. Это явление называется проблемой «безбилетного пассажира», которая путает все коллективные усилия. Но различие состоит как раз в том, считаем ли мы это проблемой или принимаем его как должное. В первом случае мы осуждаем «безбилетных пассажиров», хотя и не можем от них избавиться; во втором случае мы не только терпим их, но даже можем к ним присоединиться. Всеобщее осуждение способно отбить охоту к «безбилетной езде». В бизнесе люди весьма озабочены тем, что о них думают другие. В деловой практике они могут быть целеустремленными, но если ценятся другие гражданские добродетели, они по меньшей мере сделают вид, что им не чужды общественные интересы. И уже это было бы шагом вперед по сравнению с нынешним состоянием дел.

Конечно же, межличностная критика в политике и общественной жизни никогда не сработает так, как в естественных науках, поэтому не следует питать нереалистических ожиданий, которые привели бы к разочарованию. В науке существует объективный внешний критерий, который позволяет торжествовать истине, даже если она противоречит здравому смыслу. В общественной жизни такого критерия нет. Как мы видели, когда люди руководствуются исключительно результатами своих действий, они способны отклониться от общественных интересов очень далеко. Существует только внутренний критерий: подлинные ценности, которыми руководствуются граждане. Эти ценности не являются надежной основой для межличностных критических оценок, поскольку от них легко отмахнуться. Как мы видели, общественные науки менее эффективны, чем естественные науки, так как в обсуждение вторгается проблема мотивов. Например, марксисты обычно отвергали любую критику своей догмы, обвиняя оппонентов в защите враждебных классовых интересов. Так что критика становится менее действенной, когда речь идет о мотивах, а не о фактах. Тем не менее политика становится более эффективной, когда граждане руководствуются пониманием добра и зла, а не исключительно соображениями практической целесообразности.

Я видел, как это произошло на моей родине — Венгрии, но для этого потребовалась революция. Я покинул страну с горьким чувством: население страны мало сделало, чтобы помочь своим согражданам-евреям, когда тех уничтожали в годы нацистской оккупации. Когда я приехал в страну двадцать лет спустя, я обнаружил другую атмосферу. Это было наследие революции 1956 г. Люди остро осознали политический гнет. Некоторые из них стали диссидентами; большинство нашли способ приспособиться, но они понимали, что идут на компромисс и восхищались теми, кто от компромисса отказывался.

Интересно отметить, что четкое осознание того, что есть добро, а что — зло, преобладавшее в момент основания мною Фонда, исчезло после распада коммунистического режима. Можно ли было сохранить это понимание или возродить его в условиях демократии? Я считаю, что можно, но импульс должен был исходить от индивидов, которые руководствуются собственными ценностями, независимо от того, как поступают другие. Тем не менее некоторые люди должны быть готовы защищать свои принципы, а другие — уважать их за это. Этого было бы достаточно, чтобы улучшить социальный и политический климат.

10. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

До сих пор я рассматривал недостатки представительной демократии. Но, как мы видели, взаимосвязь между демократией и рыночной экономикой довольно условна. Мировая капиталистическая система охватывает различные политические режимы. Мировой экономике не соответствуют ни мировое сообщество, ни, уж конечно, демократия во всем мире. Международные отношения основаны на принципе национального суверенитета. Суверенные страны руководствуются своими национальными интересами. Интересы государств не обязательно совпадают с интересами граждан, и государства, похоже, еще меньше волнуют граждан других стран. В современные структуры практически не встроены никакие гарантии защиты интересов людей. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, однако какого-либо механизма проведения ее в жизнь до сих пор нет. Имеются ряд международных договоров и определенные международные институты, но их влияние ограничено узкими рамками, отведенными им суверенными странами. То, что происходит внутри границ отдельных государств, в основном выпадает из сферы международного надзора. Все это не представляло бы угрозы для мировой капиталистической системы, если бы государства были демократическими, а рынки — саморегулирующимися. Но все далеко не так. Серьезность угрозы требует более пристального рассмотрения. Сначала мы проанализируем преобладающие взгляды на международные отношения, а затем — фактическое положение дел.

Геополитический реализм

Международные отношения пока еще не поняты должным образом. Они лишены научной основы, на которую может опереться, например, экономика, хотя существует доктрина, именуемая геополитическим реализмом, и эта доктрина претендует на научный статус. Подобно теории совершенной конкуренции, геополитика уходит своими корнями в XIX век, когда ожидали, что наука предложит детерминистические объяснения и предсказания. Согласно этой доктрине геополитики, поведение государств во многом определяется их географическим, политическим и экономическим положением. Генри Киссинджер, современный апостол геополитики, утверждает даже, что корни геополитического реализма следует искать уже во взглядах кардинала Ришелье, который провозгласил, что у государств нет принципов, а есть только интересы. Эта доктрина отчасти схожа с доктриной *laissez-faire* в том отношении, что обе трактуют эгоистический интерес как единственную реальность, на основе которой можно объяснить или предсказать поведение субъекта. Для *laissez-faire* таким субъектом является индивидуальный участник рынка; для геополитики — это государство. Обе доктрины близко роднит вульгарный вариант дарвинизма, согласно которому выживание самого сильного — это закон природы. Общий знаменатель трех доктрин сводится к принципу эгоизма: применительно к геополитике он означает национальные интересы, которые не обязательно совпадают с интересами народа данной страны. Идея о том, что государство должно представлять интересы своих граждан, находится вне рамок этой доктрины. Геополитический реализм можно рассматривать как перенесение доктрины *laissez-faire* на международные отношения с той разницей, что участниками этих отношений выступают государства, а не индивиды

или хозяйственные единицы.

Такой подход способен принести довольно неожиданные результаты. Геополитический реализм не сумел, например, справиться с широким сопротивлением войне во Вьетнаме. В более позднее время он не остановил распада государств — Советского Союза и Югославии. Государство — это государство. Нас приучили думать, что это — пешки на шахматной доске. То, что происходит внутри этих пешек, геополитику не интересует.

Любопытно отметить, что экономической теории присущ аналогичный недостаток. Геополитика основана на государстве, экономическая теория — на отдельном индивиде — *homo economicus*. Ни одно из этих оснований не способно выдержать вес построенной на нем теории. Предполагается, что экономические существа обладают как совершенным знанием своих потребностей, так и открывшихся перед ними возможностей и на основе этой информации способны сделать рациональный вывод. Мы убедились, что такие допущения являются нереалистичными; мы также видели, как экономическая теория уходит от трудностей, считая предпочтения и возможности чем-то данным. Тем не менее нам пытаются внушить, что в качестве изолированных индивидов люди руководствуются эгоистическими интересами. На деле же люди — социальные существа, поэтому выживание сильных неизбежно предполагает сотрудничество наряду с конкуренцией. Рыночному фундаментализму, геополитическому реализму и вульгарному социальному дарвинизму присущ общий недостаток: забвение альтруизма и сотрудничества.

Отсутствие мирового порядка

Переходя от идеологии к реальности, посмотрим, как на деле складываются международные отношения. Отличительная особенность нынешнего положения дел состоит в том, что его нельзя назвать порядком. Мировая политическая система, которая соответствовала бы мировой капиталистической системе, отсутствует; более того, нет также единогласия в вопросе о том, возможна ли мировая политическая система и насколько она желательна. Это сравнительно новое положение дел. До краха советской империи можно было говорить о некоем порядке в международных делах. Этот порядок именовался холодной войной и отличался замечательной стабильностью: две сверхдержавы, представляющие различные формы организации общества, были вовлечены в непримиримый конфликт. Каждая хотела уничтожить другую, и обе готовились к этому средствами гонки вооружений. В результате каждая из них стала настолько сильной, что в случае нападения могла опустошить другую сторону. Это предотвращало возникновение настоящей войны, хотя и не исключало столкновений на стыках систем и блефование в игре.

Равновесие сил, которое существовало во время холодной войны, считается одним из способов сохранить мир и стабильность во всем мире; другой способ — это гегемония имперской державы; третьим могла бы стать международная организация, способная к эффективному миротворчеству. В настоящее время какой-либо из названных вариантов отсутствует.

США остались единственной сверхдержавой, но они пока не имеют четкого представления о своей роли в мире. В период холодной войны США были также лидером свободного мира, и обе роли подкрепляли одна другую. В результате распада советской империи это удобное сочетание — сверхдержавы и лидера свободного мира — также распалось. США могли бы остаться лидером свободного мира, но для этого им следовало бы сотрудничать с другими демократически ориентированными странами, во-первых, чтобы заложить основы демократии в бывших коммунистических странах, и, во-вторых, с целью укрепить международные институты, необходимые для поддержания того, что я именую глобальным открытым обществом. В двух предыдущих случаях, когда США выступили в качестве лидера свободного мира — в конце первой и второй мировых войн,

— они так и поступили, содействуя сначала Лиге Наций, а затем — ООН. В первом случае Конгресс США отказался ратифицировать договор о Лиге Наций; во втором случае в результате холодной войны ООН во многом стала эффективной.

Я надеялся, что США возглавят международное сотрудничество, когда начался распад советской империи. Я основал сеть фондов «Открытого общества» в бывших коммунистических странах, чтобы проложить путь, по которому, как я надеялся, последуют открытые общества Запада. Весной 1989 г. я выступил на конференции «Восток — Запад» в Потсдаме, тогда еще ГДР, в пользу нового варианта «Плана Маршалла», но мое предложение было встречено неприкрытым смехом. Во имя исторической правды следует отметить, что смех исходил от Уильяма Уолдгрейва (*William Waldegrave*) — заместителя министра иностранных дел в кабинете Маргарет Тэтчер. Впоследствии я пытался предложить Маргарет Тэтчер «План Тэтчер», а также аналогичную идею Президенту Бушу до его встречи с Горбачевым на Мальте в сентябре 1989 г., но безрезультатно. Раздосадованный, я немедленно написал книгу, где содержались многие из тех идей, которые я сейчас излагаю.

Возможность активизировать деятельность ООН определенно имелась. Когда Горбачев приступил к проведению политики гласности и перестройки, одним из его первых шагов была уплата задолженности ООН. Затем он выступил перед Генеральной Ассамблеей со страстным призывом к международному сотрудничеству. Запад заподозрил хитрость и захотел проверить его искренность. Когда он выдержал проверку, последовали новые проверки. К тому времени, когда он сделал все уступки, которых от него ждали, положение в Советском Союзе ухудшилось настолько, что западные лидеры пришли к выводу, что помощь, на которую рассчитывал Горбачев, уже не имеет смысла. Тем не менее ни Горбачев, ни Ельцин сколько-нибудь серьезно не затрудняли нормальное функционирование Совета Безопасности на протяжении пяти-шести лет. Возможность сделать работу Совета Безопасности такой, как это было первоначально задумано, исчезла сначала из-за неудачного инцидента в Сомали, а затем в результате конфликта в Боснии. История в Сомали определила принцип, согласно которому солдаты США не будут служить под командованием ООН, — хотя они не находились под командованием ООН, когда произошел инцидент. Кроме того, он убедил правительство США в том, что общественность крайне плохо переносит вид гробов. Тем не менее боснийский кризис можно было бы легко предупредить, если бы постоянные члены Совета Безопасности из числа западных стран договорились между собой. Задачу можно было поручить НАТО, как это и было сделано в конечном счете, и трагедию удалось бы предотвратить. В 1992 г. Россия не выдвигала бы никаких возражений. Однако, напуганные сомалийским опытом, США, как и Европа, не проявили лидерских качеств, и война продолжалась, пока США не заняли более твердую линию. Дейтонское соглашение дало США основание упрекать Европу за неспособность занять единую позицию в вопросах безопасности. Отношение США к ООН ухудшилось до такой степени, что они отказывались платить членские взносы. После конфуза в Руанде не будет преувеличением утверждать, что ООН сейчас менее эффективна, чем в годы холодной войны.

Период со времени окончания холодной войны был далеко не мирным. Слухи о конце истории оказались сильно преувеличенными. США участвовали лишь в одной войне — в Персидском заливе, но имели место многочисленные локальные конфликты, а из-за отсутствия миротворческих усилий некоторые из них оказались довольно опустошительными. Если взглянуть лишь на один континент — Африку, — конфликтов было так много, что я даже не рискну их перечислить. Я согласен, что эти конфликты не представляли угрозы для мировой капиталистической системы, но этого нельзя сказать в отношении гонки ядерных вооружений между Индией и Пакистаном или о напряженности на Ближнем Востоке. Как представляется, локальные конфликты удастся теперь сдерживать скорее с большим, чем с меньшим трудом. Они должны перерасти в полномасштабный кризис, прежде чем удостоиться внимания, но даже тогда бывает трудно мобилизовать

политическую волю, чтобы справиться с ним.

Предупреждение кризисов

Я уже стал свидетелем достаточного числа политических и финансовых кризисов, чтобы понять: никогда не рано заняться предупреждением кризиса. На ранних стадиях вмешательство происходит сравнительно безболезненно и с меньшими затратами; впоследствии ущерб и затраты растут по экспоненте. Сумма в размере 15 млрд. дол., предназначенная для выплаты пенсий и пособий по безработице в России в 1992 г., изменила бы ход истории; впоследствии международные финансовые институты израсходовали намного больше и с намного меньшим эффектом. Возьмем пример Югославии: если бы западные демократии возражали против отмены Слободаном Милошевичем автономии Косово в 1989 г., можно было бы избежать боснийской войны и нынешних боев в Косово. В то время, чтобы предупредить укрепление власти Милошевича, можно было ограничиться дипломатическим и финансовым нажимом; впоследствии же потребовалось военное вмешательство.

Я горжусь тем, что, создав сеть фондов «Открытого общества», я, по сути дела, занимаюсь предупреждением кризисов. Фонды заняты осуществлением широкого круга с виду не связанных между собой мероприятий. Их цель — поддержать гражданское общество и содействовать верховенству закона и созданию демократического государства с независимым сектором бизнеса. Каждым фондом управляет совет из местных граждан, которые определяют локальные приоритеты. Предупреждение кризисов можно считать успешным, если кризисы не возникают. Деньги, которые мы расходует, намного меньше тех сумм, которые были бы необходимы после того, как кризис разразился. Я предоставил 50 млн. дол. в распоряжение Верховного комиссара ООН по делам беженцев в декабре 1992 г. для оказания гуманитарной помощи жителям Сараева, и эти деньги были потрачены исключительно удачно. Под руководством весьма способного организатора помощи Фреда Кьюни (*Fred Cuny*), который впоследствии погиб в Чечне, была построена альтернативная система водоснабжения, установлен электрогенератор в больнице, люди были обеспечены семенами для выращивания овощей на небольших участках и балконах и т.д. Тем не менее я расценил свой дар как поражение: было бы намного лучше, если бы кризис удалось предотвратить, а деньги были потрачены в странах, которые не подверглись опустошению.

Оценить успехи в предупреждении кризисов трудно, поскольку учитываются лишь неудачи. Но я не сомневаюсь в том, что фонды внесли весомый вклад в основание того, что я именую открытым обществом. Интересно отметить, что эффективность фондов, как правило, выше там, где условия их деятельности оказываются менее благоприятными. К примеру, в Югославии фонд устоял перед попыткой правительства закрыть его, и он является практически единственной опорой для людей, которые не утратили веру в демократию. У фонда есть отделение в Косово, так что голос открытого общества может быть услышан даже в разгар боев; несомненно, он сыграет конструктивную роль, как только бои прекратятся. Это уже случилось в Боснии: в то время как в военных действиях сербы, мусульмане и хорваты противостояли друг другу, фонд никогда не отказывался от идеи открытого общества, где со всеми гражданами обращаются одинаково. Теперь он функционирует в Республике Сербской, а также в боснийской и хорватской частях страны, а управляет им совет из представителей всех национальностей. В Беларуси президент-диктатор вынудил закрыть фонд. Он теперь действует из-за рубежа и еще более эффективно, чем прежде.

Я не рассчитываю, что другие люди посвятят себя этому делу в такой же степени, как я, — и я обязан отметить, что поступил так лишь после того, как начал успешно зарабатывать деньги. Тем не менее я не могу не задаться вопросом, возможно ли

заниматься предупреждением конфликтов таким способом, как это делали мои фонды, но в более крупном масштабе и в рамках государственной политики? Я знаю, что мир стал бы в результате менее опасным местом. Я неохотно поднимаю этот вопрос в публичной дискуссии, так как рискую получить обвинения в наивном идеализме. Возможно, я идеалист, но я не наивен. Я сознаю, что мысль помочь другим людям во имя абстрактной идеи совершенно не соответствует преобладающим сегодня представлениям. Но я также понимаю, что в этих представлениях что-то неладно, и на протяжении почти всей книги я пытался установить, в чем состоит этот недостаток.

В историческом плане США неизменно разрывались между геополитическим реализмом и всеобщими принципами, провозглашенными в Декларации независимости. В этом отношении США — совершенно исключительная страна. (Американскую исключительность признает даже Генри Киссинджер.) Европейские государства с долгой колониальной историей страдания других народов волнуют меньше (стоит, однако, вспомнить инвективы Гладстона в адрес участников балканских побоищ, которые созвучны реакции общественности на кровавые картины, передаваемые по Си Эн Эн). Но к тому времени, когда общественность начинает выражать свое возмущение, становится уже слишком поздно. Поэтому вполне закономерен вопрос, возможна ли более ранняя реакция? На этом пути имеется несколько препятствий. Разрешение кризисов, которые еще не разразились, не приносит лавров, а решать проблемы сложнее, чем выявлять их. Однако самое серьезное препятствие состоит в отсутствии согласия по основным принципам, которые должны лежать в основе совместных действий, особенно на международной арене.

Я полагаю, что этой задаче соответствовали бы принципы открытого общества. Я могу судить об этом на основе собственного опыта, поскольку я руководствовался этими принципами, и они меня не обманули. Я допустил много ошибок, но и они помогли мне выявить и скорректировать эти принципы. К сожалению, эти принципы даже не поняли, не говоря уже о согласии с ними. Поэтому я вынужден перефразировать поставленный мною вопрос: способны ли принципы общества служить в качестве общих ценностей, которые скрепили бы мировое сообщество прочнее, чем это имеет место сейчас?

Открытое общество как общая ценность

Как политика, так и международные отношения исходят из суверенитета государств. Международные отношения, в принципе, регулируют отношения между государствами. Внутри стран суверенная власть принадлежит государству, за исключением полномочий, от которых оно отказалось или делегировало в соответствии с международными договорами. Правила, регулирующие отношения между государствами, далеко не удовлетворительны, но условия, существующие внутри стран, страдают намного более серьезными недостатками. Любое международное вмешательство в эти условия расценивается как покушение извне на государственный суверенитет. А так как предупреждение кризисов предполагает известное вмешательство извне, существующие в международных отношениях правила препятствуют эффективному предупреждению кризисов. В то же время международный капитал перемещается свободно, и государства практически отданы на милость его движения. В результате возникает дисбаланс между политической и экономической сферами, а международный капитал во многом уходит от политического или общественного контроля. Вот почему я расцениваю мировую капиталистическую систему как искаженную форму открытого общества.

Открытое общество предполагает определенную взаимосвязь между государством и обществом, имеющую важные последствия и для международных отношений. основополагающий принцип состоит в том, что государство и общество не идентичны; государство должно служить обществу, но не править им. У людей есть потребности, которые они самостоятельно удовлетворить не могут; их удовлетворять призвано го-

сударство. Государство не должно брать на себя все коллективные решения: некоторые потребности лучше удовлетворять в рамках добровольных ассоциаций, другие — с помощью муниципальных властей, а третьи — путем международных договоренностей. Гражданское общество, государство, местные органы власти — все они имеют собственные сферы влияния; то, что можно, должны решать люди, а не государство. То, как принимаются решения, должна определять конституция. Конституция определяет, как законы принимаются, корректируются, регулируются и проводятся в жизнь. Государство не должно быть вне досягаемости закона.

Перечисленным условиям удовлетворяют не все государства. По своей природе государству больше подходит править, а не оказывать услуги. Первоначально государствами правила суверены, хотя их власть не всегда была абсолютной. Государство — это архаический инструмент, приспособленный к требованиям открытого общества. Иногда его эволюция шла в другом направлении: в Советском Союзе партийно-государственный аппарат стремился осуществлять более всеобъемлющий контроль над обществом, чем любой абсолютный правитель. Именно в этом в то время состояло различие между открытым и закрытым обществом.

Мы пришли к выводу, что в отношениях с собственными гражданами государство более склонно злоупотреблять своей властью, чем во взаимоотношениях с другими государствами, поскольку во втором случае его сдерживает больше ограничений. Народы, живущие в условиях деспотического режима, нуждаются в поддержке извне. Часто — это их единственная надежда. Но насколько люди вне таких стран заинтересованы в оказании содействия угнетенным народам? Именно отсюда возникает настоятельная необходимость в пересмотре наших социальных ценностей. Люди, живущие в условиях представительной демократии, в целом поддерживают принципы открытого общества внутри своих стран; они защищают свою свободу, когда она оказывается в опасности. Но поддерживать идеи открытого общества в качестве универсального принципа явно недостаточно. Многие люди, активно защищающие собственную свободу, усматривают противоречие в принципах, когда им предлагают вмешаться в дела далекой страны. И, что еще хуже, они имеют на это основание. Действия имеют непредвиденные последствия, а вмешательство с наилучшими намерениями во имя некой абстрактной идеи способно принести больше вреда, чем пользы. К такому выводу пришли телезрители, когда они увидели, как по улицам Могадишо волокли труп американского летчика.

Как я отмечал выше, главная задача сейчас - принять универсально применимый кодекс поведения для нашего мирового сообщества. Концепция открытого общества способна высветить проблему, но не разрешить ее реально. В открытом обществе окончательные решения отсутствуют. Из-за нашей подверженности ошибкам кодекс поведения невозможно вывести даже из самых лучших принципов. Но кодекс поведения все равно необходим, особенно в сфере международных отношений. Эти отношения нельзя сводить только к межгосударственным, поскольку мы видели, что интересы государства не совпадают с интересами народа. Вот почему необходимы некие универсально применимые правила отношений между государством и обществом, которые защищали бы права индивида. Зачатки таких правил существуют в виде благочестивых деклараций, но они имеют далеко не всеобщий характер и лишены механизма для безоговорочного проведения в жизнь. Кроме того, опасно оставлять претворение правил в жизнь на усмотрение государств, поскольку, как отмечалось выше, государства руководствуются не принципами, а исключительно интересами. Общество следует мобилизовать на внедрение принципов в поведение государств, и эти принципы должны быть принципами открытого общества.

Демократические государства устроены в соответствии с принципами открытого общества — по меньшей мере в принципе. Кодекс поведения существует в форме законов, которые можно корректировать и улучшать с учетом обстоятельств. Государство находится под контролем общества, а не над законом. Не хватает лишь верховенства международного права. Как его обеспечить? — Только путем сотрудничества демократических государств,

контролируемых обществом внутри страны. Им придется отказаться от части своего суверенитета, чтобы добиться верховенства международного права, и изыскать пути заставить другие государства сделать то же самое. В принципе, это звучит хорошо, но следует считаться с непредвиденными последствиями. Вмешательство во внутренние дела другого государства всегда чревато опасностью, но отказ от вмешательства способен причинить еще больше вреда.

11

11. ПЕРСПЕКТИВЫ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

Куда же мы идем теперь? Набросать эскиз глобального управления — значило бы вступить в противоречие с принципами открытого общества; это было бы также напрасное занятие. Следует начать с того, что уже есть, и решить, что надо изменить. Необходимо также добиться нужной поддержки. Карл Поппер назвал это постепенной социальной инженерией. Мне не очень нравится этот термин, так как существуют моменты, когда постепенных изменений оказывается недостаточно. Таким моментом стал крах советской системы. Предложения постепенной реформы не годились. Это было время «крупных скачков», подобно валютной реформе в Польше или массовой приватизации в Чехословакии и России. Тот факт, что радикальные формы часто также радикально искажаются, не отменяет необходимость в них.

Мы переживаем сейчас такой же исторический момент. Мировую капиталистическую систему потряс ряд финансовых кризисов, и она буквально распадается. Когда я приступил к написанию книги, я не думал, что это произойдет так быстро. Хотя я, возможно, нахожусь в меньшинстве, я полагаю, что требуются существенные перемены. Но даже при этом я против революционных изменений из-за связанных с ними непредвиденных последствий. Надо начать с того, что мы имеем, и попытаться улучшить это. Проблемы международной финансовой системы я рассмотрел в главе 8; здесь же я намерен обратиться к международной политической системе или, точнее — к ее отсутствию.

Европейский союз

Мы являемся свидетелями гигантского эксперимента в социальной инженерии: создание Европейского союза. Он заслуживает более пристального внимания. Этот процесс имеет непосредственное отношение к вопросу, который мы определили в качестве важнейшей проблемы нашего времени: как преодолеть препятствия, которые национальный суверенитет ставит на пути решения общей задачи. Эта задача не решается непосредственно; но если бы дело обстояло именно так, то процесс в Европе не зашел бы так далеко, как сейчас. Скорее, задача решается косвенным путем: формулируется конкретная цель и обеспечивается необходимая поддержка. Все началось с Объединения угля и стали и дошло до введения единой валюты. Каждый шаг был сопряжен с определенным недостатком, который можно было исправить, только сделав следующий шаг вперед. Процессу присуща неопределенность, и невозможно сказать, как далеко он пойдет. Каждый шаг наталкивается на сопротивление, а оно во многом определяется ожиданием, что за ним последуют другие шаги в том же направлении. Такие ожидания имеют под собой основание. Введение единой валюты, например, не вполне достигнет своей цели без единой фискальной политики. Получит ли введение единой фискальной политики достаточную

политическую поддержку, — покажет только будущее.

Процесс интеграции сталкивается с трудностями. Его инициирует политическая элита, но он лишается поддержки со стороны масс. Идея единой Европы была в высшей степени заманчивой, особенно когда память о последней войне была еще свежа в умах людей, а Европа испытывала угрозу со стороны Советского Союза. Реалии Европейского союза в том виде, в каком он функционирует сейчас, куда менее привлекательны. В политическом отношении это — по-прежнему союз государств, которые делегировали Европейскому союзу часть своего суверенитета. В экономической области, где такое делегирование произошло относительно давно, Союз функционирует довольно успешно, но в политической сфере делегирование полномочий практически отсутствует. Европейская комиссия действует по указаниям Совета министров, однако оба органа руководствуются скорее национальными интересами, чем общей задачей. Решения принимают форму международного договора: его трудно заключить и еще труднее изменить. Членов Комиссии назначают в соответствии с национальными квотами, а ее работа подвержена всем недостаткам бюрократического аппарата, вынужденного служить не одному господину, а пятнадцати господам. Перед нами предстает тяжеловесная бюрократическая организация, работающая непонятным образом, окутанная секретностью и не подотчетная общественности. Чтобы изменить такое представление, работа Комиссии должна быть подотчетна гражданам этих стран, либо через их национальные парламенты, либо через Европейский парламент, но граждане не требуют этого, так как утратили ко всему интерес. Национальные правительства усвоили дурную привычку винить Брюссель во всем, что не нравится их гражданам, а Европейский парламент в целом не пользуется должным уважением.

Разочарование проявляется у растущего числа граждан, которые отвергают идею Европы и придерживаются националистических и ксенофобских взглядов. Хочется надеяться, что политической элите снова удастся мобилизовать общественное мнение, но на этот раз оно должно быть направлено против самой политической элиты. Граждане этих стран должны осуществлять прямой политический контроль над правительством Европейского союза. При этом проблему национального суверенитета придется решать более основательно, чем когда-либо раньше, а успех такого шага далеко не гарантирован. Неудача способна привести к дезинтеграции Европейского союза, поскольку интеграция — это динамический процесс, и если он не продвигается вперед, то откат назад практически неизбежен. Когда я говорю, что процессу присуща неопределенность, я имею в виду именно это.

(Если уж на то пошло, я считаю, что самым правильным шагом вперед было бы сделать правительство Союза, т.е. Европейскую комиссию, подотчетным не Европейскому парламенту, а органу, образованному из представителей национальных парламентов. Такой орган позволил бы гражданам этих стран более непосредственно участвовать в делах Союза и означал бы менее явное покушение на национальный суверенитет. Он также пользовался бы поддержкой национальных парламентов, которым угрожает растущая роль Европейского парламента. В целом такая схема имеет больше шансов на успех, чем попытка изменить полномочия и имидж Европейского парламента.)

В сфере внешней политики Европейский союз не добился каких-либо значительных успехов. В качестве второго стержня Союза в Маастрихтском договоре фигурирует единая внешняя политика, однако он не посягнул на суверенитет государств-членов. Результаты можно было предвидеть: общая политика не сложилась. Внешняя политика по-прежнему подчиняется интересам отдельных стран. Единая политика была дискредитирована самим процессом переговоров о заключении Маастрихтского договора. В ходе упорного торга, приведшего к договору, бывший министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер добился европейского согласия на независимость Хорватии и Словении, тем самым ускорив начало войны в Боснии.

Нынешняя ситуация остается крайне неудовлетворительной, но было бы

нереалистично ожидать изменений в положениях Маастрихтского договора. Более того, было бы трудно оправдать делегирование Европейскому союзу полномочий в области внешней политики, так как государства-члены имеют собственные национальные интересы, особенно в сфере торговли и инвестиций. Имеется много вопросов, представляющих общий интерес, но они обычно находятся за рамками государств - членов Европейского союза. Балканы, Ближний Восток, Северная Африка и бывший Советский Союз - это сферы интересов не только для Европы, но для США и остального мира. Я полагаю, что необходим более широкий подход, и он должен опираться на более широкий альянс с центром в США.

США

США — единственная оставшаяся сверхдержава — должны снова взять на себя роль лидера свободного мира. Они не могут действовать в одиночку. Хотя они обладают более значительным технологическим превосходством, чем когда-либо раньше в истории, они не склонны платить цену в виде человеческих жизней, с которой была бы сопряжена роль всемирного полицейского. Да, мир не нуждается в полицейском. Общеизвестное нежелание общественности США получать трупы своих граждан значительно уменьшило страх перед США со стороны преступных режимов. Нельзя быть полицейским, не подвергаясь риску.

США вполне обоснованно отказываются быть единственным полицейским: они не имеют таких преимуществ от своего положения в центре капиталистической системы, чтобы стремиться в одиночку сохранять мир во всем мире. Мир выгоден и другим странам — как в центре, так и на периферии, — и им следовало бы объединить свои усилия. Это предполагает сотрудничество, — но именно в этом вопросе позиция США вызывает разочарование. Как это ни удивительно, но США превратились в наиболее отсталую страну в мире в смысле сохранения всех атрибутов своего суверенитета.

В мире существуют репрессивные режимы, которые обладают железной хваткой в отношении собственных подданных, но, когда они рассчитывают свои действия за рубежом, они хорошо сознают, что могут задеть дремлющего гиганта. США не проводят репрессий у себя дома, но они не стесняются бравировать силой в международном масштабе. Когда это не грозит трупами собственных граждан, они могут иногда действовать как агрессор — в качестве примера можно назвать бомбардировку фармацевтического завода в Судане. Характерно, что они агрессивно отказываются сотрудничать. Они отказываются платить причитающиеся с них взносы в ООН; они не склонны пополнять ресурсы МВФ; и они налагают санкции в одностороннем порядке и по малейшему поводу или, точнее, по требованию отдельных групп избирателей. США были в числе семи стран, которые проголосовали против Международного суда справедливости, так как американские военные возражали против того, чтобы их персонал подпадал под международную юрисдикцию. Другими странами были Китай, Ирак, Израиль, Ливия, Катар и Йемен. Не очень-то почетная компания! Пентагон зашел настолько далеко, что дал инструкции военным атташе при посольствах США во всем мире добиваться от военных лидеров правительств принимающих стран лоббирования против Международного уголовного суда. Эта тактика представляется особенно сомнительной в тех странах, где гражданские власти не достаточно надежно контролируют свои вооруженные силы.

США усвоили также привычку позволять соображениям внутреннего порядка диктовать внешнюю политику — вспомним торговое эмбарго в отношении Кубы, рассчитанное на то, чтобы угодить влиятельным избирателям — кубинцам во Флориде, или расширение НАТО, призванное понравиться избирателям — полякам в Чикаго во время выборов 1996 г. Давно в прошлое ушла двухпартийная внешняя политика, преобладавшая на протяжении большей части холодной войны. Чтобы вновь стать лидером свободного

мира, США придется коренным образом изменить свою позицию.

Тем не менее я считаю, что у нас есть благоприятные условия для изменения позиции. США исторически привержены идеалам открытого общества, начиная с Декларации независимости. Согласно опросам общественного мнения, ООН, несмотря на нынешний паралич, все еще пользуется у общественности большей популярностью, чем Конгресс или Президент. Необходимо лишь воспользоваться скрытой поддержкой открытому обществу.

В настоящее время между рыночными фундаменталистами и религиозными фундаменталистами в политике преобладает неловкий альянс. Их позиции едины по отношению к активной роли государства, но при этом они руководствуются совершенно различными соображениями. Рыночные фундаменталисты возражают против вмешательства государства в экономику; религиозные фундаменталисты выступают против либеральных взглядов, пропагандируемых государством. Рыночные фундаменталисты выступают против международного сотрудничества по той же причине, почему им не нравится активное государство: они хотят полной свободы для бизнеса. Религиозные фундаменталисты исходят из совершенно иных соображений: они опасаются угрозы в отношении религиозных ценностей со стороны мировых рынков. Поразительно, как столь разным группам удалось сгладить свои расхождения. Я считаю, что по мере того как они достигают своих целей, делать это будет все труднее и труднее. Я могу себе представить перестановки на политической сцене США на основе двухпартийной поддержки мирового открытого общества, но это потребует от рыночных фундаменталистов признания ошибочности своих взглядов.

ООН

Программу более скоординированной внешней политики необходимо обосновать также более подробно. Необходим всемирный альянс демократических стран, сотрудничающих в содействии принципам открытого общества. Они могли бы установить нормы взаимоотношений между государством и обществом, которые охватывали бы такие области, как свобода информации, свобода объединения, надлежащие правовые процедуры, прозрачность государственных закупок и т.п. Члены альянса обязались бы придерживаться этих норм. Альянс мог бы включать кандидатов в члены, которые пока еще не соответствуют этим требованиям в полной мере, но поддерживают их в качестве желательной цели. Можно надеяться, что члены и кандидаты в члены коалиции открытого общества составят в ООН большинство. А если так, то ООН можно было бы реформировать, так как именно в ней могло бы господствовать право большинства. ООН могла бы функционировать скорее как парламент и стать значительно более эффективной, чем в настоящее время.

Важно понять, что ООН может и чего она не может сделать. Ей присущи принципиальные изъяны, как и любой человеческой конструкции, но, поскольку речь идет о международных институтах, она фактически обладает значительным потенциалом. Она располагает четырьмя основными элементами: Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей, Секретариатом и рядом специализированных учреждений — Программой развития ООН, Организацией промышленного развития ООН, Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры и т.д. - но лишь немногие из них функционируют достаточно эффективно. Назначения производятся по настоянию государств, а не по заслугам представителей. Уволить должностное лицо трудно, но еще труднее закрыть организацию, когда ее миссия исчерпана. Эти особенности и принесли ООН дурную славу

Бюрократические структуры неизменно в большей степени заинтересованы в самосохранении, чем в выполнении своей задачи. Когда же бюрократический аппарата

подотчетен не одному хозяину, а всем членам ООН, он не поддается контролю в принципе. Следует признать, что ассоциация государств, каждое из которых руководствуется собственными интересами, плохо подходит для осуществления исполнительных функций, связанных с достижением всеобщего блага. В той мере, в какой существуют подлежащие отправлению исполнительные функции, их необходимо поручать назначенным должностным лицам, отвечающим за свои действия. Они могут быть подотчетны, в зависимости от функции, перед Генеральным секретарем или Советом директоров, назначаемым Генеральной Ассамблеей, или, как это было в Бреттон-Вудских институтах, — перед теми, кто предоставляет средства.

Совет Безопасности — это удачно задуманный орган, и он мог бы быть эффективным в деле сохранения мира, если бы между его постоянными членами существовало согласие. Окончание холодной войны давало Совету Безопасности возможность функционировать так, как это было первоначально задумано, но в ситуации с Боснией, как мы видели, не могли договориться между собой три западных постоянных члена — США, Великобритания и Франция. Образование коалиции стран открытого общества призвано предупредить повторение такой прискорбной ситуации. Непостоянные члены также могли бы проявить больше сплоченности, если бы отбор ограничился приверженцами коалиции открытого общества.

Сегодня Генеральная Ассамблея представляет собой говорильню. Она могла бы превратиться в законодательный орган, разрабатывающий законы для нашего мирового сообщества. Ассамблея суверенных государств, возможно, плохо подходит для осуществления исполнительных функций, но она превосходно удовлетворяет требованиям, предъявляемым к международному законодательному органу. Законы будут действительны лишь в тех странах, которые их ратифицировали, но члены коалиции открытого общества обязались бы автоматически ратифицировать законы в случае, если бы их добровольно ратифицировало квалифицированное большинство. Потребуется четко определить, что считать квалифицированным большинством. Возможен тройной критерий, а именно — две трети стран, две трети населения и две трети бюджета ООН. Страны, которые не придерживаются обязательства соглашаться с решением квалифицированного большинства, подлежали бы исключению из коалиции открытого общества. Таким путем можно было бы создать совокупность международных правовых норм без того, чтобы был нарушен принцип национального суверенитета. Генеральная Ассамблея могла бы решать, какие законы необходимы и как их проводить в жизнь. Международный уголовный суд — это шаг в нужном направлении. Тот факт, что США — главный противник суда, показывает, насколько радикально должна измениться позиция США, чтобы можно было обеспечить верховенство закона на международной арене.

Генерального секретаря могла бы назначать коалиция открытого общества. Он ведал бы Секретариатом, который направлял бы законотворческую деятельность Генеральной Ассамблеи. Его положение примерно соответствовало бы выборному лидеру демократической партии. Учитывая резко возросшие полномочия, было бы желательно, чтобы его можно было сместить в любое время, когда он лишается доверия коалиции открытого общества.

Имеется много исследований и предложений по реформированию ООН, но ни одно из них пока не принято. Единственный путь осуществить перемены заключается в создании давления со стороны общественного мнения, особенно в США. Идея открытого общества представляется реалистической именно потому, что демократические правительства реагируют на требования своих граждан. Но сначала люди должны проникнуться идеей открытого общества. Надеюсь, что моя книга будет способствовать достижению этой цели.

Программы для США

Я завершаю свою книгу кратким обзором задач своего Фонда в США. При этом я намерен показать, что абстрактную концепцию открытого общества можно трансформировать в конкретные действия.

Четыре года назад я понял, что революционный момент, возникший в результате краха советской империи, закончился, и больше нет смысла концентрировать свою филантропическую деятельность в ранее или по-прежнему закрытых обществах. Задача моего Фонда, как я ее сформулировал в 1979 г., состояла в том, чтобы помочь открыть закрытые общества, сделать открытые общества более жизнеспособными и способствовать распространению критического образа мышления. Пришло время переходить к другому — третьему пункту повестки дня. В качестве парадигмы открытого общества США присущи свои недостатки. Что мог бы сделать мой Фонд в этой связи? В течение нескольких лет сформировалась стройная политика.

Программы моего Фонда применительно к США можно в основном свести к трем группам вопросов, относящихся к концепции открытого общества: противодействие проникновению рыночных ценностей в неподходящие сферы; предупреждение нежелательных и непредвиденных последствий в общем-то удачной задуманной политики; преодоление несправедливости в распределении богатства и социальных благ, возникшей в результате рыночного фундаментализма.

Первая группа вопросов связана с тем, что мотив прибыли проник в сферы, где ему нет и не должно быть места. В частности, меня беспокоит, что рыночные ценности подрывают ценности профессиональные. Оказалось, что этические нормы, которые некогда считались незыблемыми, неспособны устоять под напором рыночных сил. Я предусмотрел такие программы для права и медицины, которые в последние годы все больше напоминают бизнес, а не исследования специалистов. Мне было приятно и доставляло удовлетворение поддерживать — во имя интересов общества — наилучшие традиции и нормы в области права и медицины. Для фонда, который находится вне этих профессий (хотя он и пользуется советами многих его представителей), оказалось труднее повлиять на основные силы в этих профессиях. В этом смысле Фонд все еще пытается найти подходящие способы повлиять на ход событий, и мы начинаем добиваться некоторых успехов. Давление рынка испытывают журналистика, издательское дело, а также профессиональная этика в финансовом деле, но мы пока еще не нашли нужных подходов к этим сферам.

Второй круг вопросов я именую «непредвиденными отрицательными последствиями». Существует ряд неразрешимых проблем, когда отказ признать факт их неразрешимости еще больше усложняет проблему. Наиболее очевидная и зловещая из этих проблем — смерть. Американская культура характеризуется отрицанием смерти. Врачи, семьи и пациенты испытывают большие трудности, столкнувшись с этой проблемой, а избегая ее, они увеличивают связанные с ней боль, страдание и одиночество.

Моя проблема смерти занимала уже тогда, когда я был юношей. В молодости я нашел такой способ относиться к смерти, который меня тогда вполне удовлетворял, хотя, возможно, он не удовлетворит других людей. Я провожу различие между идеей смерти и смертью как реальным событием. Смерть сама по себе это жизненный факт, но идея смерти глубоко противна моему сознанию. Я никогда не смогу смириться с перспективой смерти, но я, возможно, смирюсь с фактом умирания, особенно если он наступит в позднем возрасте. Существует расхождение между мыслью и реальностью, поэтому идея смерти это совсем не то, что в действительности должно неизбежно произойти. Я нахожу утешение в открытии, что мысль намного страшнее реальности.

Любовь — в связи с перспективой смерти — также может служить утешением, в чем я убедился, когда умирала моя мать. Ей почудилось, — а такое, очевидно, случается с людьми нередко, — что она находится у ворот рая, а я сопровождаю ее, держа за руку и слушающая ее рассказ. Она сказала мне, что обеспокоена, так как вполне реально может забрать

меня с собой. Я успокоил ее, сказав, что твердо стою на этой земле и ей незачем беспокоиться. Ее смерть была для всех нас поистине возвышающим дух событием, учитывая, как вела себя она сама и как вела себя семья — не только я, но особенно мои дети — могли приобщиться к нему. Это событие послужило для меня дополнительным импульсом к осуществлению проекта «Смерть в Америке», в рамках которого оказывают паллиативную помощь и добиваются понимания проблемы смерти. Проект позволил существенно уменьшить как физические, так и психологические страдания, связанные со смертью.

Еще один пример, когда лекарство — хуже болезни, это война против наркотиков. Наркомания — серьезная социальная проблема, которую можно облегчить, но не искоренить, если подходить к ней как к проблеме общественного здоровья.

Мы же воспринимаем наркоманию как преступление. В результате — на 30 июня 1995 г. за нарушение законодательства о наркотиках за тюремной решеткой находились 338 тыс. взрослых, по сравнению с 51 950 в конце 1980 г. Их содержание там обходится ежегодно в 9 млрд. дол. США. Кроме того, миллиарды долларов расходуются на попытки, не очень-то успешные, помешать торговле наркотиков.

Война против наркотиков — это наихудшее проявление фундаменталистского мышления в США. Тех, кто возражает против такого подхода, клеймят как сторонников легализации наркотиков. Это произошло даже со мной, когда я поддержал (с помощью долларов, оставшихся после уплаты налогов) легализацию использования марихуаны в медицинских целях.

К счастью, я могу справиться с таким обвинением. На деле я не защищаю легализации наркотиков. Люди, которые пристрастились к наркотикам, уже не отвечают за свою судьбу, и их следует защищать от такого пристрастия. К марихуане пристрастие не вырабатывается, но она вредна для детей, поскольку пагубно влияет на краткосрочную память и затрудняет учебный процесс. То, что я защищаю, это не легализация. Иными словами, необходимо прекратить ставить знак равенства между наркотиками и преступлением. Обращаться с наркоманами как с преступниками — это не лучший способ борьбы с наркоманией.

Участие Фонда в кампании за финансовую реформу относится к обеим группам проблем. Политика — еще одна сфера, куда проникли рыночные ценности. Политики тратят много времени и усилий, чтобы добыть деньги, а обсуждение проблем подменено оплачиваемыми политическими заявлениями. В рамках своих усилий Фонд предоставил значительную сумму организации, которая пропагандирует «вариант чистых денег», особенно применительно к штатным и местным выборам. Эксперты полагают, что реформировать федеральные выборы будет намного труднее. Одновременно мы предоставили несколько меньшую сумму Центру Бреннана (*Brennan Center*) Нью-Йоркского университета для наблюдения за непредвиденными последствиями всех усилий по реформированию предвыборных кампаний, включая наши собственные. Правила всегда имеют непредвиденные последствия, а прошлые попытки реформирования предвыборных кампаний фактически приводили к еще более серьезным злоупотреблениям в виде «мягких» денежных взносов и рекламы в пользу отдельных кандидатов.

Третья крупная группа вопросов связана с неравенством в распределении богатства. Это подводит нас к более традиционным направлениям филантропии в США: социальная помощь, «ловушка» бедности, беременность среди девочек-подростков, неравенство в получении образования и т.п. Мы ищем нишу, куда другие фонды, возможно, заглядывают неохотно, или где наша поддержка могла бы служить стратегической задаче воздействия на государственную политику. Например, когда в 1996 г. Конгресс лишил легальных эмигрантов некоторых элементов социальной помощи, я предоставил 50 млн. дол. для создания Фонда Эммы Лазарус (*Emma Lazarus Fund*) с целью помочь иммигрантам, пострадавшим от этой непродуманной политики. Я сделал это с целью высветить непредвиденные отрицательные последствия реформы социального обеспечения

в надежде, что мое обращение дойдет до политиков, а также будет содействовать значительному числу жертв этой политики в вопросах натурализации, обучения английскому языку, получения юридической помощи и т.п. В момент написания этой книги Конгресс восстановил ассигнования на эти цели в размере 14 млрд. дол., но многое еще предстоит сделать.

На другом направлении я предоставил помощь с целью бросить своего рода «вызов» и побудить государственных и частных доноров обеспечить полезное занятие по окончании учебных часов всем школьникам Нью-Йорка. Известно, что если дать детям какое-то полезное занятие с 3 до 6 часов дня, то это улучшит результаты учебы, поможет родителям и избавит их от беспокойства. Наша цель заключается в том, чтобы израсходовать 1 тыс. дол. в расчете на каждого ребенка в год и посмотреть, что это даст. Реакция со стороны федеральных, штатных и местных органов власти воодушевляет.

Мой Фонд использовал аналогичный подход в Балтиморе, где такой грант-«вызов» помогает мэру разработать план создания пунктов лечения наркоманов, желающих порвать со своей привычкой, но вынужденных ждать очереди длительное время из-за нехватки таких пунктов. В Балтиморе мы также пытаемся помочь в решении ряда городских проблем — от наркомании и преступности до нехватки школ и безработицы — иным методом, по сравнению с другими фондами, а именно предоставляя местному органу полномочия принимать решения о получении грантов и приоритетных направлениях расходования средств, т.е. на основе модели, отчасти схожей с той, какую я применил в бывших коммунистических странах.

Программы фондов непосредственно не относятся и к политике, которую должны проводить США, поскольку существует много вещей, которые способен сделать фонд, и много вещей, которые способны сделать правительство, и эти вещи не совпадают. Тем не менее эти программы прямо относятся к концепции открытого общества. А концепция открытого общества непосредственно относится к нынешнему мировому экономическому кризису. В экономическом плане мы теперь купаемся в лучах ложной зари. Предстоит худшее. Но если мы сумеем осознать, что реально обещает открытое общество, заря может оказаться вовсе не ложной. Она могла бы знаменовать собой новое начало и позитивный шаг в направлении не лишённого недостатков, но улучшающегося мира.

ОБ АВТОРЕ

Джордж Сорос родился в Будапеште в 1930 г. В 1947 г. он иммигрировал в Великобританию, где позднее закончил Лондонскую школу экономики. Будучи студентом, Дж. Сорос познакомился с работами философа Карла Поппера, оказавшими глубокое влияние на его способ мышления, которые позднее определили направление его собственных философских изысканий. В 1956 г. Сорос переехал в США, где начал активно заниматься созданием огромного состояния, основав и самостоятельно управляя международным инвестиционным фондом.

В настоящее время Сорос является председателем *Soros Fund Management L.L.C.* - фирмы, управляющей частными инвестициями и выступающей в качестве консультанта по инвестициям *Quantum Group of Funds. The Quantum Fund N. V.* — является старейшим и самым крупным фондом в *Quantum Group* — за ним прочно закрепилась слава самого успешного инвестиционного фонда в мире за последние 29 лет.

В 1979 г. в Нью-Йорке Дж. Сорос основал свой первый фонд - *Open Society Fund*— фонд «Открытое общество», а свой первый восточноевропейский фонд — в Венгрии в 1984 г. Сейчас — у него сеть таких фондов, они размещаются в 31 стране по всему миру — от Центральной и Восточной Европы, в бывшем Советском Союзе, в Южной Африке, на Гаити, в Гватемале, в Монголии — до США. Эти фонды призваны создавать и поддерживать инфраструктуры и институты открытого общества. Дж. Сорос является основателем также и других общественных образований - например, Центрально-европейского университета и Международного научного фонда. В 1994 г. фонды его сети затратили около 300 млн. дол., в 1995 г. - 350 млн. дол., а в 1996г. - 362 млн. дол., а в 1997 г. -уже 428 млн. дол. Ассигнования на деятельность этих фондов в 1998 г. должны были оставаться примерно на таком же уровне.

Дж. Сорос - автор многочисленных статей о политических и экономических переменах в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе, кроме того, он автор книг «Алхимия финансов» (М.: ИНФРА-М, 1996, 1998), *Opening the Soviet System, Underwriting Democracy*, «Сорос оСоросе: обгоняя кривую роста» (М.: ИНФРА-М, 1997).

Дж. Сорос является почетным доктором наук в *New School for Social Research, the University of Oxford, the Budapest University of Economics, Yale University*. В 1995 г. он был удостоен самого почетного научного титула — Университет в Болонье присудил ему степень *Laurea Honoris Causa* — как признание его усилий по поддержанию открытых обществ по всему миру